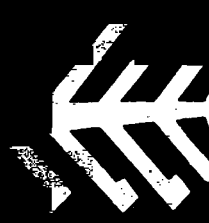
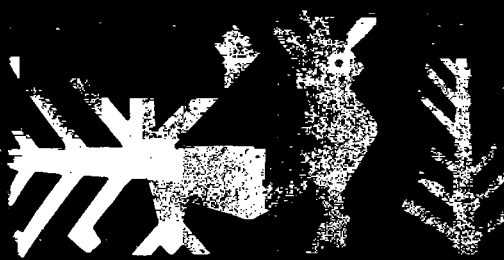

ISSN 0038-5050

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

5

1983

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5
Сентябрь—Октябрь
1983

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

М. В. Крюков (Москва). О принципах типологического исследования явлений культуры	3
Ю. В. Арутюнян, А. А. Сусоколов (Москва). Переписи населения СССР как источник количественного анализа этнокультурных процессов	13
С. И. Дмитриева (Москва). Народное искусство русских Мезени (в связи с этнической историей края)	23
К. П. Калиновская (Москва). Традиционное скотоводство в Восточной Африке	38
Г. Штробах (Берлин, ГДР). Методологические проблемы исторического изучения фольклора	48

Дискуссии и обсуждения

А. И. Першиц (Москва). Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии	59
Ю. В. Бромлей (Москва). Важная задача современной этнографии	69
С. А. Арутюнов (Москва). За корректность терминотворчества	71
Г. Е. Марков (Москва). О терминах и понятиях в этнографии	73
Л. Е. Куббель (Москва). Терминологический словарь: принципы подхода	78
Ю. И. Семенов (Москва). Терминология и теория	81
А. И. Першиц (Москва). Ответ оппонентам	85

Сообщения

Р. Н. Мусина (Казань). Социально-этнические аспекты современной духовной культуры сельских татар (по материалам этносоциологического исследования в Татарской АССР)	88
И. Т. Федоров (Ленинград). Расселение ижоры в XIX—XX веках	97
Д. С. Дугаров (Улан-Удэ). Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов	104
А. Лобанов (Ленинград). Вокальные мелодии-сигналы в крестьянском быту (по материалам Северо-Запада РСФСР)	113

Этнография в музеях

Ф. Г. Сафронов (Якутск). Музей под открытым небом в с. Черкех (Якутская АССР)	123
В. А. Тишков (Москва). Норвежское жилище в музее под открытым небом в Тронхейме	129

Наши юбиляры

Список основных работ кандидата исторических наук Маргариты Николаевны Шмелевой (к 35-летию научной деятельности)	142
---	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

ВОССТАНОВЛ.

Хроника

- А. Е. Тер-Саркисянц (Москва), Т. Б. Путилова (Ленинград). Заседания в Москве и Ленинграде, посвященные вручению ордена Дружбы Народов Институту этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР 145

Научная жизнь

- Г. Г. Шаповалова (Ленинград). Заседания Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики 148
- А. Б. Кунанбаева (Ленинград). Первая Всесоюзная конференция музыковедов-фольклористов 151

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- М. В. Крюков (Москва). Китайские ученые о предмете этнографической науки 154

Общая этнография

- В. П. Алексеев (Москва). Я. Я. Рогинский. Об истоках возникновения искусства 160

Народы СССР

- Л. В. Остапенко (Москва). Социальные перемещения в студенчество (По материалам социологических исследований в Советской Прибалтике) 161
- В. И. Васильев (Москва), И. В. Захарова (Томск). Н. А. Томилов. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура) 164
- Г. В. Цулая (Москва). В. Е. Кварчия. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке 165
- Ю. Д. Анчабадзе (Сухуми). Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах 167

Народы Зарубежной Европы

- Н. Е. Руденский (Москва). *Nations without a State. Ethnic Minorities in Western Europe* 169.

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главного редактора), Л. М. Дробижева,
Т. А. Жданко, А. А. Zubov, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
телефон 126-94-91

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

М. В. Крюков

О ПРИНЦИПАХ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

Определяя исследовательские задачи археологической науки, Г. Чайлд писал некогда, что археологу обычно недоступна и неинтересна судьба каждой отдельной вещи, обнаруженной им при раскопках; он имеет дело и должен иметь дело только с абстракциями, которые называют типами¹. Сказанное в полной мере справедливо и в отношении этнографии — хотя бы уже потому, что вообще «всякий познавательный процесс связан с необходимостью группировки изучаемых явлений и отнесения каждого нового объекта, входящего в поле зрения исследователя, к той или иной группе объектов»². На деле любое этнографическое исследование невозможно без подобной группировки, иными словами, без обращения к типологическим категориям. Однако отнюдь не всегда проблема типологии эксплицитно присутствует в анализе этнографического материала. Более того, лишь сравнительно недавно этнографы стали ощущать настоятельную потребность детально разобраться в методике типологических исследований. Когда же, опираясь на огромный накопленный материал и на результаты его систематизации и обобщения, этнографы, наконец, занялись обоснованием этих общих принципов, обнаружили значительные расхождения в подходе к проблеме типологизации явлений культуры.

Сам по себе этот факт вполне закономерен и естествен. Аналогичный «кризис типологии» в последние десятилетия наметился и в археологии, продвинувшейся сегодня в области типологических исследований несколько дальше по сравнению с этнографией. Данное обстоятельство отчасти облегчает задачи этнографов, которые могут воспользоваться как позитивными, так и негативными результатами исследований археологов, а также, разумеется, и лингвистов, первыми из представителей гуманитарных наук обратившихся к проблеме типологии.

В самом подходе к определению понятия «тип» так или иначе отражаются две различные позиции исследователя. Первая из них, восходящая к традициям античной науки и в наше время в своей первоначальной форме никем, как кажется, не разделяемая, основана на понимании типа как некой неизменной органической сущности вещей. Вторая позиция связана с представлением о типах и системе типов (типологии) как об определенном методологическом средстве, используемом для проникновения в сущность исследуемых объектов.

В соответствии с этим второй подход предполагает, что любая типология представляет собой некую абстракцию — идеальную модель, отражающую некоторые существенные признаки определенного множества явлений, но заведомо игнорирующую другие его признаки, рассматриваемые в данном случае как несущественные. Поэтому для одного и того же множества изучаемых объектов в зависимости от цели исследования может быть создано несколько принципиально различных типологий. Этот вывод, логически вытекающий из сути общепринятого в наше время (второго) подхода к определению понятия «тип», тем не менее раз-

¹ Child G. Piecing Together the Past. N. Y., 1956, p. 3—4.

² Казан М. С. Классификация и систематизация. — В кн.: Типы в культуре. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, с. 6.

делается отнюдь не всеми современными исследователями. Так, в археологии «только недавно было осознано (очень немногими), что для исследовательских группировок, причем правильных, для каждого материала может быть несколько, а надежда выявить универсальную группировку является утопией»³.

Таким образом, приступая к типологическому исследованию, необходимо предельно четко сформулировать его задачу, что и должно определить выбор параметров создаваемой типологии. К сожалению, в цел ряде работ, посвященных типологии тех или иных явлений культуры, это требование оказывается несоблюденным. Наиболее отчетливо данное обстоятельство проявилось в опубликованных за последние годы исследованиях по типологии такого важного аспекта традиционной материальной культуры, каким является жилище, впрочем, может быть, именно потому, что этой проблеме наши этнографы уделяют сейчас особенного внимания. Для большей четкости изложения я в дальнейшем буду оперировать преимущественно материалами по типологии жилища, хотя обсуждаемые здесь вопросы имеют отношение к любым явлениям культуры, исследуемым этнографическими методами⁴.

В недавно вышедшей содержательной монографии «Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии» есть введение, озаглавленное «Основные принципы типологизации», однако формулировка целей исследования в нем отсутствует. Поэтому трудно согласиться с некоторыми конкретными выводами, сделанными в этой книге. Так, В. С. Стариков и Н. Н. Чебоксаров пишут: «Крестьянский дом с каном настолько своеобразен, что можно говорить о существовании особого маньчжуро-китайского типа сельского жилища»⁵. Между тем выделение особого типа жилища, характеризующегося наличием такого отопительного устройства как кан, может быть абсолютно правильным в рамках типологической схемы, обусловленной одной исследовательской задачей, и в то же время неосновательным при группировке анализируемых объектов по другим признакам. В приведенной выше формулировке слышится отзвук тезиса о существовании в самой объективной реальности типов как таковых, вне зависимости от познавательных установок исследователя.

Центральным, лежащим в основе любой типологии, является понятие «тип». Однако этот важнейший термин употребляется в этнографической и археологической литературе в различных значениях. Одни археологи понимают под типом набор взаимосвязанных признаков (Я. А. Шер), другие — совокупность схожих объектов (М. П. Грязнов). Иногда этот термин обозначают любой набор признаков (Чжан Гуанчжи), в других случаях — лишь устойчивое сочетание признаков (А. Сполдинг), третьих — ячейку на определенной ступени систематики (В. А. Горюнов). В равной мере типами называют как монотетические множества обладающие обязательным набором четких признаков и резко очерченными границами (М. Мальмер), так и множества политетические, выделяемые лишь по сгущениям наиболее тесно взаимосвязанных признаков (А. Крёбер). Археологи зачастую применяют также и другие термины по крайней мере частично совпадающие по своему значению с «типом

³ Типы в культуре, с. 55.

⁴ За последние годы общие проблемы типологии культуры обсуждались как в связи с теорией хозяйственно-культурных типов (сводку данных см.: Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. Сов. этнография, 1972, № 2, с. 3—16), так и применительно к отдельным сферам материальной культуры, например пищи (см.: Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М.: Наука, 1981). Рассматривались также специфические проблемы типологического изучения фольклора (Мелетинский Е. Сравнительная типология фольклора. — В сб.: Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти академика В. М. Жирмунского. М.: Наука, 1973, с. 385—393; Пулов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976).

⁵ Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979, с. 138.

«класс», «группа», «вид», «категория» и т. д., причем употребление их неустойчиво и лишено необходимой четкости⁶. Не случайна, видимо, pessimистическая реплика Дж. Кауэна: «Сугубо невозможно ответить на вопрос, что такое тип на самом деле»⁷.

Значительный терминологический и понятийный разнобой существует в этом отношении и в этнографической литературе. Специалисты отмечают, что до сих пор не обращалось должного внимания на необходимость упорядочения таких терминов, как «комплекс», «тип», «подтип», «вариант»⁸. Действительно, в специальной монографии по типологии жилища у народов Азии, о которой я уже упоминал, термины «конструктивный тип», «локальный тип», «подтип» употреблены в единой таксономической системе, однако кроме них авторы используют также термины «вид» и «вариант», не оговаривая соотношенность их с основными типологическими единицами⁹.

И все же за видимой пестротой словоупотребления обрисовывается нечто общее. Расхождения, в сущности, касаются вопроса о том, является ли тип сочетанием признаков или совокупностью объектов. Здесь мы сталкиваемся с тем, что типологизацией в нашей литературе зачастую называют две существенно различные исследовательские процедуры — индуктивную и дедуктивную.

Первая из них ставит своей целью упорядочение эмпирического многообразия явлений действительности посредством объединения их в группы, выделенные по определенным признакам. Вторая процедура заключается в выявлении качественных характеристик изучаемого множества явлений, а затем — в построении системы моделей, обладающих определенным набором дифференцирующих признаков. Обе процедуры имеют как положительные, так и отрицательные стороны¹⁰.

По мнению М. С. Кагана, научные достоинства индуктивного подхода состоят в том, что а) он исходит из реально наличествующего разнообразия объектов; б) объединяя одни объекты и исключая другие, он тем самым раскрывает реальные связи и отношения объективного мира, свойственную им диалектику единичного, особенного и общего; в) имея возможность группировать явления практически в неограниченном количестве направлений, он способен отвечать многообразным познавательным потребностям¹¹.

Вместе с тем индуктивный подход обладает и рядом недостатков: а) он исходит из признания любого классификационного признака лишь относительно необходимым, а осуществляемую группировку явлений условной; б) при таком подходе невозможно выявить соотношение различных классификационных плоскостей, поскольку каждая из них автономна и никак не связана с другими; в) индуктивный подход не способен выявить внутреннюю организацию группируемого множества, которое остается простой совокупностью явлений¹².

Достоинства дедуктивной процедуры исследования состоят как раз в том, что она преодолевает недостатки индуктивного подхода. В этом случае исследователь исходит не из эмпирически данного и потому неизбежно случайного по составу и объему множества явлений, а теоретически конструирует идеальный объект как некую целостность. Поэтому индуктивная классификация открыта для любых вновь обнаруживаемых явлений и их признаков, тогда как система дедуктивно сконструированных идеальных моделей имеет закрытый характер. Более того, создание ее заставляет предполагать существование таких конкретных явлений, которые еще не известны науке. Однако отсюда же проистекает и недостаток дедуктивного подхода: при определенных условиях эта процедура

⁶ Типы в культуре, с. 53.

⁷ Там же, с. 50.

⁸ Чижикова Л. Н. Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификации. — Сов. этнография, 1976, № 4, с. 38.

⁹ Типы традиционного сельского жилища..., с. 27, 116.

¹⁰ Каган М. С. Указ. раб., с. 6.

¹¹ Там же, с. 7.

¹² Там же, с. 7—8.

может превратиться в чисто абстрактное конструирование, отвлечен. от реальности «системосозидание»¹³.

В нашей литературе не существует единой устоявшейся терминологии для обозначения этих двух исследовательских процедур. Нередко первую из них называют «классификацией», вторую — «систематизацией»¹⁴, иногда эти термины употребляются как синонимы. Зачастую результат упорядочения множества в равной мере называют «классификацией», «типологией», «систематикой» или «таксономией». Можно, наконец, встретить утверждение, что «классификация, построенная по комплексу характерных признаков, поднимается до уровня типологии» и т. д. Исходя из признания существенных различий между двумя упомянутыми познавательными процедурами, представляется необходимым закрепление за каждой из них строго определенного обозначения. Целесообразным было бы называть первую из них классификацией, вторую типологизацией. В этом случае под «классом» следовало бы понимать ту или иную совокупность реальных объектов, сгруппированных по определенному признаку, а под «типом» — некий идеальный объект, сконструированный исследователем с учетом совокупности признаков. Надо подчеркнуть, что в отличие от археологов этнографы в большинстве своем определяют «тип» не как совокупность объектов, а как «комплекс признаков»¹⁶, «комплекс черт»¹⁷ и т. п.

Практика типологических исследований показывает, что признаки используемые для конструирования типов, могут быть существенно различными. Некоторые из них имеют дихотомический характер, т. е. предполагают две взаимоисключающие реализации. Таковы, например, признаки Б и Д, предложенные в книге «Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии». Авторы введения к этой работе отмечают, что в данном случае в качестве одного из важнейших критериев типологизации приняты основные конструктивные приемы сооружения жилых и хозяйственных построек (признак Б). Это позволяет разграничить постройки с кровлей, покоящейся на каркасно-столбовой конструкции (Б₁), и постройки с «несущими» стенами (Б₂)¹⁸. Далее те же авторы рекомендуют обратить особое внимание на расположение очага, которое влияет на всю внутреннюю планировку и в значительной мере определяет интерьер дома (признак Д): очаг может быть расположен либо вне дома (Д₁), либо внутри его (Д₂)¹⁹.

Однако отнюдь не все признаки, используемые в типологическом исследовании, могут иметь дихотомический характер. Дело в том, что «наряду с многочисленными бинарными делениями (скажем, верх — низ, форма — содержание и т. д.) познание нередко обращалось к троичному делению... В ряде случаев систематизация устанавливает наличие четырех и более компонентов, располагающихся на одном и том же уровне»²⁰. Поэтому нет необходимости ограничивать анализ только бинарными оппозициями²¹. В упомянутой выше типологии некоторые признаки имеют, например, три реализации. К ним относится признак А (стационарность): А₁ — постоянные жилища, А₂ — переносные (разборные), А₃ — временные. Таков же характер признака Г (положение пола относительно поверхности земли): Г₁ — углубленные жилища, Г₂ — наземные,

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 6.

¹⁵ Чеснов Я. В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры. — Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 191.

¹⁶ Типы традиционного сельского жилища..., с. 10.

¹⁷ Чеснов Я. В. Указ. раб., с. 189.

¹⁸ Типы традиционного сельского жилища..., с. 8.

¹⁹ Там же.

²⁰ Каган М. С. Указ. раб., с. 9.

²¹ Членов М. А. Формальные методы изучения систем родства в современной американской этнографии. — В кн.: Этнологические исследования за рубежом. М.: Наука, 1973, с. 157.

—свайные²². Называются также признаки, имеющие пять или даже семь реализаций²³.

Отсюда следует, что главным требованием, предъявляемым исследователем к избранному им признаку, является не число его возможных реализаций, а «сохранение единого принципа деления для каждой классификационной задачи»²⁴. Между тем этому требованию не отвечает, например, признак Г в формулировке, которая предложена в рассматриваемой типологической схеме. В самом деле, с точки зрения положения пола относительно поверхности земли «углубленным» постройкам (землянкам и полуземлянкам) и наземным жилищам, в которых пол совпадает с поверхностью земли или только немного приподнят над ней благодаря наличию цоколя, авторы противопоставляют свайные постройки, где «пространство под сваями используется как хлев и птичник»²⁵. Но если разграничительным признаком здесь является не наличие свай как таковых, а положение пола относительно земли, то свайная постройка не должна противопоставляться двухэтажному тибетскому жилищу с нижним этажом без окон, где содержится скот, и вторым жилым этажом²⁶. Различие между ними заключается не в положении пола относительно поверхности земли, а в «основной конструкции» (признак Б): свайная постройка характеризуется каркасно-столбовой основой дома, тогда как тибетское жилище имеет несущие стены. Тем не менее авторы утверждают, что тибетский дом относится к числу наземных²⁷. Подобный же недостаток свойствен и приведенной в книге таблице основных конструктивных типов традиционного жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии²⁸. Кроме того, система типов жилища, будучи представлена в виде таблицы, обнаруживает и другой существенный недостаток. Оказывается, что некоторые из принятых критериев (признаков) не имеют однозначного разграничительного значения для выделения того или иного типа. Так, форма жилища не существенна ни для «тайско-малайского платформенного дома», ни для «центрально-южнокитайского» или «тайваньского»; положение очага может не приниматься в расчет при выделении «монкхмеро-индонезийского», «тайско-малайского», «яванско-балийского», «японского» и «центрально-южнокитайского» жилища, потому что в домах этих типов очаг может находиться как вне дома, так и внутри его.

Наконец, анализ таблицы показывает, что посредством семи предложенных признаков невозможно разграничить, например, «корейский» и «маньчжуро-китайский» типы жилища, так как и в том и в другом случае мы имеем дело с постоянными каркасно-столбовыми постройками прямоугольной формы с очагом внутри дома и облегченной, высокой и крутой ступенчато-столбовой крышей со скатами. Правда, авторы поясняют, что корейский дом характеризуется наличием особого отопительного устройства — ондоля, тогда как маньчжуро-китайское жилище отапливается каном. «Главное различие между ондолом и каном состоит в том, что в первом подогретый воздух циркулирует под приподнятой лежанкой, тогда как во втором воздух этот распространяется непосредственно под полом»²⁹. С этим можно было бы согласиться, однако, поскольку авторы не ввели дополнительного признака (например, «сфера циркуляции подогретого воздуха внутри отопительного устройства»), различие между ондолом и каном оказывается нерелевантным для противопоставления жилищ «корейского» и «маньчжуро-китайского» типов. Это тем более очевидно, что авторы вслед за этим утверждают: «Большое функциональное сходство кана и ондоля, почти не имеющих аналогий нигде в мире за пределами Северного Китая (с Маньчжурией) и

²² Типы традиционного сельского жилища..., с. 265.

²³ Там же.

²⁴ Каган М. С. Указ. раб.; с. 9.

²⁵ Типы традиционного сельского жилища..., с. 251.

²⁶ Там же, с. 181.

²⁷ Там же, с. 265.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 255.

корей, позволяющая предполагать единый, скорее всего протокорейский протоманьчжурский очаг их происхождения»³⁰.

Весьма непоследовательно разработан в монографии вопрос о соотношении вьетнамского (вьетского) и центрально-южнокитайского типов жилища. По большинству дифференциальных признаков эти типы не различаются между собой. Это — постоянные каркасно-столбовые наземные постройки с облегченной, высокой и крутой, ступенчато-столбовой крышей со скатами. Различия между ними прослеживаются, казалось бы, лишь в форме жилища и расположении очага: вьетнамский дом прямоугольный в плане, а центрально-южнокитайский — прямоугольный или круглый. В первом очаг всегда расположен вне дома, во втором — либо внутри дома, либо вне его. Неоднозначная реализация этих двух признаков в выделенном авторами «центрально-южнокитайском» жилище уже сама по себе свидетельствует о том, что данный тип включает в себя разнородные компоненты, которые в типологической системе требуют разграничения. Читатель, ознакомившийся с главой «Жилище народов Китая», узнает, что «центрально-южнокитайский» тип жилища включает два подтипа — центральнокитайский и южнокитайский. Оказывается, что «для южнокитайского подтипа жилища более характерна кухня в отдельной постройке, на расстоянии нескольких метров от жилых зданий»³¹. Этого, видимо, уже достаточно для того, чтобы противопоставить два данных подтипа в качестве самостоятельных типов жилища. Точно так же есть основания выделять в рамках данной типологической схемы отдельный тип жилища, локализованный в провинции Фуцзянь и характеризующийся круглой формой. В. С. Стариков и Н. Н. Чебоксаров полагают, что, «несмотря на все своеобразие фуцзяньских домов-деревень, по основным конструктивным приемам сооружения каркаса, по материалу стен (теперь обычно кирпичных) и покрытия (черепица), по внутренней планировке эти дома полностью сохраняют все традиционные черты, характерные для жилища китайцев вообще»³². Однако ни конструктивные приемы сооружения каркаса, ни материал стен и покрытия, ни внутренняя планировка не учитываются в обсуждаемой системе типов в качестве дифференцирующих признаков. А если это так, то сформулированные авторами семь критериев все же не позволяют типологически разграничить южнокитайское и вьетнамское (вьетское) жилища.

Заметим, что авторы монографии о типологии жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии попытались, хотя и весьма непоследовательно, применить для типологического анализа обобщенного ими материала технику компонентного исследования, получившую за последние десятилетия довольно широкое распространение главным образом в такой специфической области этнографии, как системы родства. Метод компонентного анализа хорошо известен этнографам, поэтому нет необходимости подробно характеризовать его особенности, тем более что это уже сделано М. А. Членовым в специальной статье³³.

Отмечу лишь, что задача компонентного анализа терминов родства заключается в нахождении так называемых сигнификатов этих терминов. В качестве одного из примеров применения компонентного анализа М. А. Членов называет исследование А. Уоллесом и Дж. Эткинсом английской системы терминов кровного родства³⁴. Эти ученые предложили три признака («дифференциальных переменных»), посредством которых оказывается возможным однозначное употребление сигнификатов каждого термина (С — латеральность: С₁ — линейные родственники; С₂ — коллинейные родственники, все предки которых являются предками Эго или те, для которых предки Эго будут и их предками; С₃ — аблинейные родственники, или кровные родственники, не являющиеся ни линейными, ни коллинейными; В — поколение: В₁ — второе восходящее поколение; В₂ —

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 141.

³² Там же, с. 147.

³³ Членов М. А. Указ. раб., с. 150—161.

³⁴ Там же, с. 154—155.

первое восходящее поколение; B_2 — второе нисходящее поколение; B_4 — первое нисходящее поколение; B_5 — второе нисходящее поколение; A — пол альтера: A_1 — мужчина; A_2 — женщина).

Процедура нахождения сигнификатов терминов родства в принципе аналогична задаче, стоящей перед исследователем типологии явлений в других сферах культуры: каждый из выделенных типов должен иметь свой сигнификат, выраженный однозначным сочетанием признаков. Нетрудно убедиться в том, что сигнификаты типов жилища народов Азии, представленные в виде таблицы³⁵, этому требованию не удовлетворяют.

Количество выделяемых признаков (дифференциальных переменных), используемых для выражения сигнификатов каждого из типов, может быть различным. Применение хотя бы одной дифференциальной переменной позволяет построить по крайней мере две наиболее общие модели. Именно по этому пути пошли некоторые советские исследователи жилища. М. В. Витов, например, положил в основу своей типологии характер расположения и группировки построек, входящих в комплекс жилища³⁶, а Е. Э. Бломквист и позднее И. В. Маковецкий — планировку жилого дома³⁷. Первый из этих принципов был позднее использован В. А. Липинской³⁸, второй — авторским коллективом работы «Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы».

В последней помимо всего прочего специально обосновывается тезис: типология элементов культуры, распространенных в пределах крупных историко-этнографических областей, вообще должна строиться на основе одного признака. Жилище можно классифицировать, пишут Н. Н. Грацианская, Н. М. Листова и С. А. Токарев, по различным признакам — по материалу и строительной технике, по вертикальному развитию, по особенностям крыши, по горизонтальной планировке и т. д. Каждый из этих способов классификации может дать вполне четкое распределение типов, которое может быть картографировано. Однако «наложение таких карт одной на другую может и не дать никакой единой систематики жилища»³⁹. Если же с самого начала группировать материал по совокупности признаков, это также «неизбежно приведет не к общей систематике типов построек в Европе, а лишь к выделению локальных типов и разновидностей, число которых может оказаться неопределенно велико. Поэтому в основу классификации следует положить один какой-то наиболее существенный признак»⁴⁰.

Здесь мы непосредственно сталкиваемся с одной из кардинальных проблем любого типологического исследования — относительной значимостью дифференциальных переменных. Для типологии отнюдь не безразлична та последовательность, в которой располагаются избранные исследователем признаки. Это связано с тем, что введение каждого последующего признака изменяет таксономический уровень получаемой модели. Чем больше признаков при этом учитывается, тем более частный характер имеет выводимый таким образом тип. Поэтому любая типология как система типов всегда носит иерархический характер.

Предлагая свою типологию сельского жилища народов Зарубежной Европы, Н. Н. Грацианская, Н. М. Листова и С. А. Токарев утверждали, что они избрали основанием типологии планировку жилища «по многим соображениям, излагаемым в дальнейшем на конкретном материале»⁴¹.

³⁵ Типы традиционного сельского жилища..., с. 265.

³⁶ Витов М. В. Вопросы этнографической систематики восточнославянского народного жилища (классификация типов застройки усадьбы). — Вестн. Моск. ун-та, сер. истор.-филол., 1958, № 4.

³⁷ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956; Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье, М.: Изд-во АН СССР, 1962.

³⁸ Липинская В. А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири. — Сов. этнография, 1975, № 5.

³⁹ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1968, с. 9.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

К сожалению, принцип выбора ведущего признака по его отношению к значимости теоретической разработки все же в их книге не получил

В монографии, посвященной типологии традиционного жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии, была предпринята попытка обосновать применявшийся авторами алгоритм иерархии признаков. В основу выделения наиболее крупных категорий, или таксонов первого порядка, в этой книге положен критерий стационарности, определяемый образом жизни — оседлым, кочевым или бродячим. Введение критерия стационарности позволяет выделить категорию постоянных жилищ, которые затем анализируются на нескольких уровнях абстракции, тогда как временные жилища вообще не включены в итоговую таблицу типов — «в силу их разнообразия, неустойчивости конструкции и формы»⁴² или что то же самое — в силу неприменимости к ним большинства признаков последующих таксономических уровней. При этом последовательность выделения этих более низких уровней осталась необъясненной. Так, неясно, почему форма жилища принята в качестве третьего уровня иерархии признаков, а положение пола относительно поверхности земли — в качестве четвертого и т. д.

Весьма интересный опыт исследования закономерностей иерархического соподчинения отдельных признаков жилища был предпринят З. И. Етоевой, изучавшей под руководством В. В. Пименова традиционное жилище вепсов, карелов и русских. Одну из своих главных задач З. И. Етоева видела в установлении характера взаимодействия признаков. Рассматривая конструкцию жилища как объект, обладающий целостностью, т. е. как систему, она использовала статистические методы для определения степени интенсивности внутренних связей между элементами, составляющими структуру исследуемого объекта. В качестве меры взаимосвязи в данной работе был использован коэффициент взаимной информации, отражающий степень разнообразия характеристик (вариантов) одного признака по отношению к характеристикам другого признака. Выяснилось, что наиболее активными среди всех других формально-морфологических признаков жилища оказались «варианты соединения камер дома»: они связаны с наибольшим числом признаков, причем сила взаимодействия с этими признаками особенно велика.⁴³ Пока еще трудно судить в полной мере об эффективности примененной методики, однако представляется весьма целесообразным проверить ее в дальнейшем на материале других регионов.

Выбор некоторого конечного числа дифференциальных признаков (теоретически набор переменных, которые могут быть использованы для построения типологии данного множества явлений, бесконечен) и определение их иерархической соотнесенности тесным образом связаны с проблемой выявления того таксономического уровня, модели которого рассматриваются в том или ином случае как основные (т. е. являются «типами» в узком смысле слова; соответственно модели более высокого уровня могут быть обозначены как «группы типов», более низкого — как «подтипы», «варианты» и т. д.). Пока что сравнение типологий традиционного жилища, разработанных на материале стран Европы и Азии обнаруживает несовместимость выделенных типов. Это, разумеется, в случайно: планировка жилища, служащая основанием первой типологии во второй вообще не учитывалась в качестве самостоятельного дифференциального признака. Правда, Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Я. В. Чеснов, перечислив все избранные ими дифференциальные переменные, добавляют: «Типологический анализ на этом не кончается, так как при характеристике любого жилища нельзя пройти мимо его планировки, горизонтального и вертикального развития, хотя указанные при-

⁴² Типы традиционного сельского жилища..., с. 265.

⁴³ Етоева З. И. К проблеме этнического своеобразия традиционного жилища вепсов, карелов и русских Межозерья. — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 87—89.

По сходной методике исследование мордовского жилища осуществил В. Ф. Вавилин (см. Вавилин В. Ф. Сельские поселения и жилища мордвы на территории Мордовской АССР: Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1976).

знаки очень трудны для обозначения буквенными индексами из-за крайнего, широкого спектра их вариаций»⁴⁴. Дело, разумеется, не в трудности того или иного способа их обозначения, а в том, что с точки зрения авторов данной типологии от каких-то переменных позволительно абстрагироваться. Введение их в парадигму привело бы к построению моделей таксономически более низкого уровня, чем «тип». С этих позиций становится объяснимым и противоположный случай, отмеченный Н. Н. Грацианской, Н. М. Листой и С. А. Токаревым: в схеме универсальной классификации типов жилища Ж. Монтандона вся Европа показана как область распространения одного-единственного типа⁴⁵. Действительно, типы европейского жилища, рассмотренные в масштабах типологии жилища народов Азии, представляются не типами, а подтипами или вариантами. Видимо, выбор основного таксономического уровня типологии жилища того или иного региона возможен лишь на базе проработки этнографического материала по всем основным регионам Земного шара.

В связи с этим встает также вопрос о соотносительности типов, выделенных на материале одного какого-либо региона, с тем или иным этносом. Дело здесь не только в том, что ареалы отдельных явлений культуры могут не совпадать с ареалами отдельных этносов. При эмпирическом многообразии жилища народов мира в рамках типологии азиатского жилища немецкий фахверковый дом, например, должен быть отнесен к тому же типу, что и северокитайская фанза, так как в обоих случаях мы имеем дело со стационарным наземным каркасно-столбовым жилищем прямоугольной формы с очагом внутри дома. Между тем несомненно, что они генетически не связаны друг с другом и не принадлежат к одному ареалу.

В какой мере конструируемые исследователем модели имеют реальную этническую основу?

Определяя задачи типологического исследования, О. Сполдинг писал, что типология должна представлять собой «процесс открытия комбинаций признаков, предпочитавшихся создателями артефактов, а не произвольную процедуру исследователя»⁴⁶. Однако если сам по себе выбор признаков определяется целями исследования, то возникает противоречие, на которое уже неоднократно обращалось внимание. Даже при изучении таких четко структурированных систем, как, в частности, терминологии родства, обнаруживается возможность построения нескольких аналитических моделей для одного и того же набора объектов. Это заставляет задуматься над вопросом: в какой мере предложенная схема отражает бытовую реальность и ход мышления самих носителей системы?⁴⁷

Существенно важными для понимания отмеченного противоречия представляются некоторые положения структурной лингвистики. Важным достижением языкознания первой половины XX в. было, в частности, создание фонологической теории, основанной на противопоставлении звуков речи, обладающих некими акустическими характеристиками, и фонем, имеющих смысловоразличительное значение. Соответственно размежевание фонетики, изучающей звуки и их физическую природу, и фонологии (фонемики), исследующей системы фонем, оказало стимулирующее воздействие на развитие ряда смежных областей гуманитарных наук. Как было справедливо отмечено К. Пайком, подобное противопоставление свойственно не только языку, но и культуре в целом. Первый аспект, имеющий дело с внешней спецификой культурных явлений, он предложил называть этным (etic от *phonetic*), второй, вскрывающий соотносительность этих явлений в системе культуры, — эмным (emic от *phonemic*)⁴⁸. Различение эмпирически наблюдаемых «свойств» (этный

⁴⁴ Типы традиционного сельского жилища..., с. 10.

⁴⁵ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы, с. 5.

⁴⁶ Spaulding A. S. Statistical Techniques for the Discovery of Artifact Types. — *American Antiquity*, 1953, v. 18, № 3, p. 305.

⁴⁷ Членов М. А. Указ. раб., с. 155.

⁴⁸ Типы в культуре, с. 62.

аспект) и культурно-значимых «признаков» (эмный аспект) получили распространение в современной зарубежной фольклористике благодаря исследованиям А. Дандиса и в советской науке после работ Е. М. Мелетинского⁴⁹. Это способствовало осознанию того факта, что обычно применяемая стратегия типологического исследования как таковая не может вскрыть осознаваемую самими носителями традиции «эмную» закономерность соотношения отдельных компонентов структуры изучаемого явления. Если двигаться в направлении от признака к культуре, то «весь процесс группировки, предусматриваемый данной стратегией, в чистом виде может протекать только по этному руслу. Сам по себе он в эмное русло не перейдет и к эмным абстрактам не приведет... Полученные абстракты (центральными среди них оказываются «эмпирические типы») могут иметь культурное значение, а могут и не иметь его; ранговые различия рубежей между ними в эмном русле остаются неизвестными»⁵⁰.

Эти соображения, высказанные археологами, в принципе полностью применимы и к этнографическому материалу. В литературе нередко приходится встречать утверждения относительно того, что конструируемые исследователями типы являются «этнографическими», но это еще не означает, что они же одновременно и этнически значимы. Разрабатывая свою типологию сельского жилища Болгарии, Л. В. Маркова положила в ее основу не морфологический, а функциональный принцип (использование помещений) и связанную с этим их группировку, подчеркивая, что «такой подход важнее всего для этнографической типологии жилища (в отличие от архитектурной и прочей)»⁵¹. Авторы книги о типологии сельского жилища народов Азии утверждают, что «основной принцип выделения типов жилища в данной монографии следует обозначить как этногеографический»⁵². Я. В. Чеснов в статье, посвященной принципам типологии традиционно-бытовой культуры, употребляет термины «этнографический тип», «конкретно-этнографический тип», «этнографически бытующий тип». При этом он считает, что типологии по формально-морфологическим признакам «подчеркивают субстанционные черты предметов и сами по себе не являются этнографическими»⁵³. По мнению этого исследователя, формально-морфологическая типология орудия будет технологической, жилищ — строительно-архитектурной. Для создания этнографической типологии необходимо исходить из анализа специфических характеристик изучаемых явлений культуры — «признаков-условий»⁵⁴.

К «признакам-условиям» этнографического типа Я. В. Чеснов относит прежде всего: «а) его устойчивость, порождаемую преемственностью производственно-бытовых процессов и нормативностью идейно-эстетических представлений, входящих в сферу этнического самосознания, б) связанную с этим свойством ареальность типа»⁵⁵. В иерархии признаков, определяющих этнографический тип, «признаки-условия» занимают верхний уровень, формально-морфологические — нижний. Кроме того, Я. В. Чеснов предлагает учитывать еще один, средний уровень — «признаки типологического взаимодействия», к которым он причисляет изофункциональную соотнесенность и направленность варьирования. В итоге автор приходит к выводу, что «конкретный тип можно характеризовать набором формально-морфологических признаков, но определяют его признаки верхнего и среднего уровня»⁵⁶.

⁴⁹ Dandies A. Texture, Text and Context.— Southern Folklore Quarterly, 1964, XXVIII, № 4, p. 264 and al.; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. Иногда употребляются менее удобные варианты терминов — «эмический» и «этнический» (см., например, Землянова Л. М. Современная американская фольклористика. М.: Наука, 1975, с. 165, и др.).

⁵⁰ Типы в культуре, с. 66.

⁵¹ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы, с. 12.

⁵² Типы традиционного сельского жилища..., с. 10.

⁵³ Чеснов Я. В. Указ. раб., с. 195.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 201.

Введение Я. В. Чесновым набора признаков среднего и верхнего уровней явно подсказано интуитивным стремлением преодолеть противопоставление этных и эмных характеристик, попытаться перейти из «этного» в «эмное» русло исследования. Попытку эту нельзя признать удачной. Предложенные Я. В. Чесновым признаки среднего уровня вообще не могут рассматриваться как собственно признаки, так как изофункциональность формально-морфологических переменных представляет собой требование, которому должны отвечать любые переменные, в противном случае они вообще неприменимы в качестве основания типологизации. То же относится и к ареальности явления. Постулируемое Я. В. Чесновым положение о способности признаков-условий разделять сходные в формально-морфологическом отношении явления осталось недоказанным, а приведенный пример⁵⁷ — неубедительным: южнокитайский и вьетнамский типы жилищ распространены в пределах соседствующих ареалов, которые не разделяют, а объединяют эти типы.

По-видимому, приходится признать, что переход от «этного» аспекта к «эмному» в рамках одной типологической схемы невозможен. Это означает, что сама по себе такая типология не может быть этнографической. Один и тот же материал можно систематизировать посредством нескольких различных типологических схем, каждая из которых будет так или иначе полезна для этнографического исследования. В этом смысле противопоставление «этнографической» типологии жилища какой-то иной, например «строительно-архитектурной», является фикцией. Любая типология может основываться только на формально-морфологических признаках.

Ценность типологии того или иного явления культуры заключается не в том, что посредством введения неких «признаков-условий» мы можем перевести ее в сферу рассмотрения «эмных» характеристик, а в том, что сконструированные исследователем абстрактные типологические модели способны поставить перед ним познавательные задачи, неформулируемые на априорном эмпирическом уровне. Так, распространение одного и того же типа на несмежных территориях ставит проблему причин сходства, которая может решаться либо в контексте экологической обусловленности, либо на основе этнического родства или культурного взаимовлияния⁵⁸. Только в процессе решения этой проблемы — главной проблемы сравнительно-исторического метода⁵⁹ — исследователь может перейти от анализа «этных» конструктов к выяснению «эмных» закономерностей, которые столь важны для этнографии.

⁵⁷ Там же, с. 199.

⁵⁸ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблема сравнительного изучения эпоса. М.: Наука, 1958, с. 6—7.

⁵⁹ Подробнее см.: Периц А. И. К проблеме сравнительно-исторического синтеза. — Народы Азии и Африки, 1980, № 4.

Ю. В. А р у т ю н я н, А. А. С у с о к о л о в

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ СССР КАК ИСТОЧНИК КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Новые процессы и проблемы в сфере национальных отношений, постоянно возникающие в таком крупном многонациональном государстве, как наше, требуют своевременного и полного отражения в деятельности партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, хозяйственных органов. Научно обоснованная политика в области нацио-

нальных отношений, естественно, должна опираться на точную объективную информацию, охватывающую различные их стороны. Не случайно КПСС выдвигает изучение закономерностей интернационализации социальной жизни в качестве одной из первостепенных задач общественных наук¹.

Важное место среди источников сведений по национальным проблемам занимают переписи населения СССР. Это самый массовый источник, отражающий одновременно и социально-культурные условия развития этноса, и этнокультурные процессы. В программы переписей, наряду с социально-экономическими и демографическими характеристиками, включены и этнические показатели. Сопоставимость данных отдельных переписей позволяет не просто фиксировать социально-культурные процессы, но и исследовать их в динамике.

В литературе подробно рассмотрено содержание вопросов, включавшихся в программы отечественных переписей населения, основные тенденции этносоциальных и этнических процессов среди народов нашей страны². Поэтому в данной статье мы остановимся прежде всего на источниковедческих вопросах, которые затрагивались в наименьшей степени: разработке данных переписей органами ЦСУ и проблемах совершенствования методов их анализа. В частности, использование корреляционного анализа в историко-социологических исследованиях позволило получить ряд важных результатов. Однако применение этого метода при изучении этнических процессов пока делает лишь первые шаги. В то же время он позволяет при использовании статистических источников переходить от описания отдельных сторон процессов к изучению взаимосвязей между ними.

К отечественным всеобщим переписям современного типа принято относить советские переписи 1926, 1939, 1959, 1970 и 1979 гг., а также Первую всеобщую перепись населения Российской империи 1897 г. Иногда в этом ряду упоминается также перепись 1920 г., но из-за произошедшей гражданской войны она охватила не всю территорию страны в тогдашних ее границах.

Какие именно признаки включались в программу каждой переписи? В известной степени ответ на этот вопрос дает табл. 1. Мы говорим — в известной степени — потому что от переписи к переписи трактовка многих признаков менялась (например, социально-экономических, этнических, в частности, языковых и т. д.). Изменение формулировок вопросов, включенных в переписные бланки, подробно рассмотрено в литературе, посвященной истории отечественных переписей (табл. 1)³.

В отличие от других вопросов переписных бланков (пол, возраст, занятие и т. д.), вопросы о национальности и родном языке призваны отразить не только объективные характеристики индивида, но и факты его сознания — осознание принадлежности к той или иной национальности, восприятие того или иного языка в качестве родного. Вопрос о национальной (этнической) принадлежности был введен впервые в отечественные переписи в советский период — 1920, 1926 гг. Хотя формулировка этого вопроса от переписи к переписи совершенствовалась, однако национальная (этническая) принадлежность всегда фиксировалась исходя из самосознания индивида, что стилизует отечественные переписи от целого ряда зарубежных, учитывающих прежде всего происхождение

¹ Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии. Постановление Пленума ЦК КПСС. — Правда, 16 июня 1983 г.

² Брук С. И. Этнодемографические процессы в СССР (по материалам послевоенных переписей населения). — История СССР, 1980, № 4; Брук С. И., Козлов В. И. К истории учета этнического состава в переписях населения. — Проблемы исторической демографии. Таллин: Изд-во АН ЭССР, 1977; Козлов В. И. Национальности СССР. М.: Финансы и статистика, 1982, с. 233—238.

³ Гозулов А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. М., 1936; его же. Переписи населения Земного шара. М.: Статистика, 1970; Подъячий П. Г. Всесоюзная перепись населения 1939 г. М.: Статистика, 1957; Козлов В. И. Национальности СССР (этнографический обзор). М.: Финансы и статистика, 1982, и др.

Основные признаки, включенные в программы отечественных переписей

Признаки	Год проведения переписи						
	1897	1920	1926	1939	1959	1970	1979
I. Этнические							
Национальность (этническая принадлежность)	—	+	+	+	+	+	+
Родной язык	+	+	+	+	+	+	+
Второй язык						+	+
II. Социально-экономические							
Общественная группа	+	+	+	+	+	+	+
Источник средств существования	+	+	+	+	+	+	+
Место работы	—	—	+	+	+	+	+
Занятие	+	+	+	+	+	+	+
III. Социально-культурные							
Вероисповедание	+	—	—	—	—	—	—
Образование	+	+	+	+	+	+	+
Грамотность	+	+	—	+	+	—	—
Тип учебного заведения (для учащихся)	—	+	—	+	+	+	+
IV. Демографические и прочие							
Категория населения:							
Постоянное, наличное	+	+	+	+	+	+	+
Длительность непрерывного проживания (для постоянного населения)	—	+	+	—	—	+	+
Место рождения	+	+	+	—	—	—	—
Откуда прибыл (для постоянного населения)	—					+	
Гражданство	—	+	+	+	+	—	+
Пол, возраст, семейное состояние	+	+	+	+	+	+	+
Число рожденных детей	—	—	—	—	—	—	+
Физические и психические недостатки	+	+	+	—	—	—	—

Источники: Справочный материал к докладу о методологических и организационных вопросах Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Статистика, 1977; Гозулов А. И. Переписи населения Земли. М.: Статистика, 1970.

респондента (так называемый «генетический», или «юридический», подход). Социально-психологический подход, принятый в советских переписях, соответствует современным научным представлениям о сущности этноса и позволяет более гибко по сравнению с «генетическим» подходом учесть влияние этнических процессов на численность этноса. Различия между переписями касались в основном числа учтенных при разработке материалов этнических общностей (минимальное — 61 в 1939 г., максимальное — 178 в 1926 г.).

Вопрос о языке включался в отечественные переписи с 1897 г., причем везде использовалась одна и та же категория — «родной язык». Однако в содержание этой категории в разных переписях вкладывался различный смысл. В 1897 г. вопрос о родном языке использовался фактически для определения этнического состава населения. В первых советских переписях под «родным» понимался язык домашнего общения (1920 г.) и основной разговорный язык (1926 г.). Во всех последующих переписях «родной язык» трактовался как категория этнического самосознания (язык, который сам опрашиваемый считает своим родным)⁴. Однако при такой трактовке какая-то часть отвечающих неизбежно за-

Разработки материалов переписей о национальности и языке

Сочетания признаков	Год проведения переписи						
	1897	1920	1926	1939	1959	1970	1979
Преимущественно этнические	РЯ (2) Рл (2) РЯ×Рл (2)		Н (2) РЯ (2) Н×РЯ (3) Н×РЯ×Гр (2)	Н (3) РЯ (2) Н×РЯ (2)	Н×РЯ (3) Нсм×РС (1)	Н×РЯ (3) Н×ВЯ (3) Н×РЯ×В (2) Н×ВЯ×В (2) Нсм (1)	Н×РЯ (3) Н×ВЯ (3) Н×РЯ×В (2) Н×ВЯ×В (2)
Этнические и социально-культурные	РЯ×От (3) РЯ×Сосл (2)	Н×ОГ (2)	Н×З (2) ЯГр (2)	Н×ОГ×О (2) Н×ОГ×З (2)	Н×З (2) Н×ОГ×От (2)	Н×ОГ×СС (2) Н×З (2)	Н×З (2) Н×О (2) Н×ОГ×ИС (2)
Этнические, социальные и демографические	РЯ×Гр×В (3) РЯ×СС (2) Рл×В (3) РЯ×ФН (2)	РЯ×Гр×В (3) Н×ОГ×МР× ×ПП (2) Н×ОГ×СС (2)	Н×В×Гр (2) Н×В×СС (2) Н×МР×ОГ× ×ОТ (2) Н×ПП×ОГ× ×О (2) Н×ФН (2)	Н×В×Гр (2) Н×В×О (2) Н×В×УЗ (2)	Н×В×СС (2) Н×В×О (2) Н×В×УЗ (2) Н×РС×ВГС (2)	Н×В×О (2) Н×В×СС (2) Н×М (2) Н×ТС×ЧД (1)	Н×В (2) Н×РС (2) Н×СС×В (2) Н×В×О (2) Н×ПП×В (2) Н×В×СС×ЧД (1)

Примеч. 1. Список сокращений (по алфавиту): В — возраст; ВГС — возраст главы семьи; ВЯ — второй язык; Гр — грамотность; З — занятия; ИС — источник средств существования; М — мигранты; МР — место рождения; Н — национальность; Нсм — национально-смешанные семьи; О — образование; ОГ — общественная группа; От — отрасль народного хозяйства; ПП — продолжительность проживания; Рл — вероисповедание; РЯ — родной язык; РС — размер семьи; Сосл — сословие; СС — семейное состояние; ТС — тип семьи; УЗ — учащиеся по типам учебных заведений; ЧД — число детей; ЯГр — язык грамотности; ФН — физические и психические недостатки.

Примеч. 2. Территориальный масштаб разработки: (1) — по республикам; (2) — по областям (губерниям) и крупнейшим городам; (3) — по районам (уездам, волостям), средним, населенным пунктам.

руднялась назвать какой-либо язык в качестве родного. Поэтому в инструкциях к переписным листам цензов 1959—1979 гг. пояснялось, что в тех случаях, когда опрашиваемый затрудняется определить свой родной язык, следует записать тот язык, которым он лучше всего владеет или пользуется в семье. По мнению ряда исследователей (к ним принадлежат и авторы данной статьи), существенным недостатком принятой формулировки основного языкового вопроса является смещение нескольких различных по содержанию категорий (языковых установок, компетенции и поведения), что создает неопределенность при интерпретации полученных результатов переписей. В программах переписей 1970 и 1979 гг. вопрос о родном языке был дополнен подвопросом о втором языке народов СССР, которым отвечающий свободно владеет, что значительно расширило возможности изучения фактического распространения языков. И в то же время инструкция счетчику не дает точного критерия того, какой уровень знания языка можно считать «свободным владением».

Наряду с национальностью и языком в переписных бланках фиксируются социально-демографические показатели: пол, возраст, состояние в браке и число рожденных детей, образование, общественная группа, занятие и т. д.

Ценность материалов той или иной переписи для этносоциолога определяется не только набором включенных признаков, но и тем, как они учитывались при разработке материалов переписей в статистических органах, насколько подробен был территориальный аспект разработки тех или иных таблиц (по республикам, областям, отдельным населенным пунктам). В табл. 2 показана разработка материалов всех переписей по этническим признакам (национальность и язык). В ней принята аббревиатура, расшифровка которой дается в примечании. Запись: $N \times PЯ$, например, означает, что по материалам переписи разрабатывалась таблица о соотношении национальности и родного языка; $N \times PЯ \times B$ означает, что это распределение учитывало, кроме того, возраст. Практически все данные переписей разрабатывались по полу и типу поселения (город — село), поэтому в нашей таблице эти признаки не учитывались. В ряде случаев общей аббревиатурой объединяются признаки, имевшие одинаковые названия в переписях разных лет, но сходные по сути, например, «общественная группа» (1939—1979 гг.), «социальное положение» (1920 г.), «положение в занятии» (1926 г.); они призваны дать обобщенную социальную характеристику работающего индивида и в таблице обозначены символом «ОГ» — общественная группа.

В скобках приводится территориальный масштаб разработки. Конечно, со времени проведения первых переписей населения административно-территориальное деление страны значительно изменилось, что делает идентификацию масштаба разработки данных разных переписей достаточно условной. Однако более подробный учет этого аспекта сделает невозможной компактную запись содержания таблиц.

От переписи к переписи разработка материалов становится все более глубокой и содержательной. Так, данные о соотношении национальности и родного языка разрабатывались начиная с переписи 1926 г., однако в переписях 1926 и 1939 гг. в республиканском масштабе учитывались 3—4 языка, в том числе язык коренной национальности и русский. В последующих переписях в каждой республике учитывается 5—7 языков. Существенно повысил ценность переписей как источника сведений о языке учет распределений по второму языку, по форме аналогичных таблиц о родном языке. Очень подробными стали разработки в территориальном разрезе — данные о соотношении национальности и языка разрабатываются даже по средним селам. Материалы о составе национально-смешанных семей разрабатывались пока только по переписям 1959 и 1970 гг., однако они носят слишком общий характер, что затрудняет их использование.

Формы таблиц, в которых этнические признаки сочетались с социальными и демографическими, от переписи к переписи существенно меня-

лись. По всем переписям разрабатывались распределения национальностей (в 1897 г. — родного языка) по основным группам занятий. По этим данным можно приближенно охарактеризовать социально-профессиональный состав этнических общностей.

Распределение национальностей по уровню образования разрабатывалось по материалам всех переписей начиная с 1939 г.; в предыдущих переписях, а также в переписи 1939 г. особо учитывался уровень грамотности.

В. И. Ленин неоднократно обращался к материалам переписи 1897 для приблизительной оценки социального состава населения, отмечая при этом, что они не позволяют раскрыть социальный состав с необходимой степенью точности⁵. Включенное в программу переписи 1897 распределение по национальностям, сословиям и состояниям не отражало классового состава населения в целом и отдельных этнических общностей. Разрабатываемое с 1939 г. распределение населения в целом и отдельных национальностей по общественным группам (рабочие, колхозники, служащие, кулаки и т. п.) также не вполне точно отражает классовый состав и не учитывает внутриклассовой структуры населения. Приблизительную оценку внутриклассовой социально-профессионального состава национальностей позволяют получить материалы переписей при распределении населения различных национальностей по занятиям. Данные переписей 1939, 1959 и 1979 гг. о национальном составе населения занятого в различных отраслях народного хозяйства, раскрывают важный аспект этносоциальной структуры.

Большой интерес для этносоциолога представляют демографические характеристики национальностей. Во всех переписях в национальном разрезе разрабатывались материалы о поле и возрасте, семейном состоянии (последние — кроме 1939 г.). Разработка материалов о национальном составе мигрирующего населения проводилась по материалам переписей 1920, 1926, 1970 и 1979 гг. В программу переписи 1979 г. был введен вопрос о числе детей, рожденных женщиной к моменту проведения переписи, рассматриваемый также в этническом аспекте. Разработки материалов переписи 1979 г. дополнены и другими важными демографическими таблицами (см. табл. 2).

В целях более полного использования материалов переписей исследователи иногда обращаются к первичным материалам и бланкам переписных листов⁶. Однако в архивах статистических органов и на магнитных лентах вычислительных центров к настоящему моменту хранятся только данные послевоенных переписей; первичные материалы более ранних переписей полностью или в значительной степени утрачены.

*

*

*

Обращаясь к материалам переписей, исследователь, как правило, ограничивается распределениями, разрабатываемыми органами ЦСУ. Их часто от переписи к переписи увеличивается, но при этом невозможно, конечно, учесть запросы всех исследователей. Применение более совершенных методов анализа массовой информации поможет использовать данные переписей более эффективно без существенных материальных затрат. Одним из наиболее популярных в общественных науках статистических приемов является расчет коэффициентов вариации и корреляции. Значения коэффициента вариации выражаются в процентах и показывают, какую долю в данной совокупности составляет среднее отклонение признака от его средней величины. Коэффициент вариации — наиболее удобная мера разброса, так как позволяет сравнивать ряды распределений с различными уровнями и даже выраженные в различных единицах

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 501—506.

⁶ Чуйко Л. В. Браки и разводы. М.: Статистика, 1975; Бойко В. И. Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск: Паука, 1977, с. 45.

Коэффициенты вариации по некоторым параметрам социального и демографического состава наций в 1959, 1970 и 1979 гг.

Социально-демографический состав наций	Значения коэффициентов вариации		
	годы проведения переписей		
	1959	1970	1979
Городское население	41,75	37,0	37,2
Лица с высшим образованием (законченное и незаконченное)	50,8	36,6	32,7
Лица, занятые физическим трудом вне сельского хозяйства (среди занятого населения)	40,4	28,5	22,0
Лица, занятые умственным трудом (среди занятого населения)	36,9	28,6	25,8
Средний размер семьи	16,9	24,4	45,7
Мигранты	Нет сведений	52,5	34,7
Лица, считающие родным язык другой национальности	102,4	113,0	98,5
Лица, свободно владеющие русским языком	Нет сведений	39,8	29,8

измерения. Взаимосвязи между признаками, не сочетающимися в единых таблицах, можно изучать с помощью корреляционного анализа. Для этого необходимо только, чтобы одни и те же административно-территориальные единицы, например области или республики, характеризовались соответствующими признаками.

Линейная корреляционная зависимость наблюдается в тех случаях, когда увеличение одного признака сочетается с пропорциональным увеличением (или уменьшением) *среднего* значения другого признака. Мемой *тесноты* корреляционной зависимости является коэффициент корреляции. Если величина коэффициента корреляции между двумя переменными равна ± 1 , то каждому значению одной переменной соответствует какое-то одно значение другой переменной; такая зависимость называется функциональной. Однако точное соответствие в практике почти никогда не встречается, а абсолютная величина коэффициентов корреляции обычно меньше 1.

Для изучения многофакторных ситуаций разработаны методы частной корреляции, применение которых дает ответ на вопрос, насколько тесной была бы связь между признаками, если бы другие факторы не искажали ее характера.

Рассмотрим с помощью этого аппарата возможности количественного анализа материалов переписей населения СССР 1959, 1970 и 1979 гг. при изучении центральной проблемы этносоциологии — взаимодействия этносоциальных и этнокультурных процессов. В основу анализа положены данные по 15 основным коренным нациям союзных республик.

В качестве характеристик социальных процессов используем такие показатели, как доля городского населения, доля лиц, сменивших место жительства в течение последних двух лет, доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием. О некоторых национальных особенностях бытового поведения в известной степени можно судить по среднему размеру семьи, который отражает как уровень детности, так и степень нуклеаризации семьи. Наконец, важнейшими показателями собственно этнических процессов являются доля лиц, считающих родным язык иной национальности (в большинстве случаев это русский язык), а также доля двуязычных, в данном случае — свободно владеющих русским языком.

Рассмотрим общие тенденции процессов, которые характеризуются этими показателями. Нам будет интересно изменение во времени соотношения показателей по отдельным нациям (табл. 3).

Анализ данных переписей свидетельствует о быстром сближении социального облика советских народов и в то же время отражает относительную устойчивость некоторых национальных особенностей в культуре

быву. Так, за 20 лет заметно уменьшились относительные различия между нациями по таким важнейшим характеристикам, как доля городского населения, доля лиц с высшим образованием, людей, занятых умственным трудом, физическим трудом вне сферы сельского хозяйства, доля мигрантов (за 9 лет), т. е., по существу, по набору общих социальных характеристик наций, зафиксированных переписями. Иначе менялось соотношение признаков «родной язык» и «средний размер семьи», которые в известной мере отражают культурно-бытовые изменения. Коэффициент вариации признака «родной язык» мало изменился, а среднего размера семьи, напротив, вырос. Фиксируя, таким образом, устойчивость национальных особенностей в культурно-бытовой сфере, даже известное расхождение диапазона характеристик такого рода, эти данные в какой-то мере отражают сохранение национальных особенностей в культурно-бытовой сфере и их относительную «независимость» от общих социальных процессов межнациональной интеграции.

Однако и сближение социальных характеристик наций происходило неодинаковыми темпами. Во-первых, на фоне общего возрастания уровня социальных показателей в 70-е годы несколько снизились темпы сближения относительных показателей по нациям. Об этом свидетельствует тот факт, что в 70-х годах изменения коэффициентов вариации были меньше, чем в 60-х годах. Во-вторых, если по таким показателям, как уровень образования, занятость вне сферы сельского хозяйства, миграционная подвижность и т. п., в 70-е годы продолжался интенсивный процесс сближения, то по доле городского населения относительные различия между нациями остались на прежнем уровне, а абсолютные даже несколько выросли в связи с ростом доли горожан по стране в целом.

Важнейшим этнокультурным процессом, нашедшим отражение в материалах переписей населения, является развитие национально-русского двуязычия. Основные тенденции этого процесса были подробно рассмотрены в отечественной литературе. Отмечен, в частности, значительный рост доли свободно владеющих русским языком среди нерусского населения нашей страны. По данным переписи 1979 г. она достигла 62,2%. Вместе с тем, согласно расчету коэффициента вариации, значительно сократились относительные различия между нациями по этому показателю. В определенной мере это явилось следствием более высокого роста доли двуязычных среди наций, где еще недавно русский язык был распространен в меньшей степени. В то же время, как справедливо отмечалось в литературе, неправдоподобно высокий показатель двуязычия у некоторых наций в известной мере объясняется и нечеткостью постановки вопроса о свободном владении вторым языком. Эта нечеткость приводит к тому, что соотношение данных переписей по двуязычию может не соответствовать реальному положению. Степень надежности этого показателя требует специального изучения, поэтому в данной работе мы не используем его в корреляционном анализе.

Изучение корреляционных зависимостей в ряде случаев позволяет раскрыть взаимовлияние различных переменных. Каждая такая корреляционная зависимость, представленная в таблицах, может стать предметом специального исследования. Не углубляясь в их изучение, мы попытаемся показать, что совершенствование методов анализа материалов переписи позволяет не только подтвердить и уточнить выводы, полученные посредством изучения других источников, но и поставить проблемы, требующие дальнейшего углубленного исследования (табл. 4).

Показатели урбанизации и образования по данным всех трех переписей связаны положительной корреляционной связью: чем больше доля горожан, тем больше и доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием. Однако сила связи показателей существенно изменялась. В 1959 г. она была довольно велика (0,61), к 1970 г. значительно ослабела, а в 1979 г., согласно данным переписи, снова заметно увеличилась.

¹ Козлов В. И. Указ. раб., с. 237.

(0,64). Результаты корреляционного анализа подводят к проблеме соотношения важнейших социальных процессов — роста городов и развития системы высшего образования, а также типологии наций по этим показателям. Одна из возможных гипотез, объясняющих динамику коэффициента корреляции, состоит в следующем. В конце 50-х годов заметное влияние на степень вовлеченности коренных национальностей союзных республик в состав интеллигенции оказывали различия в уровне урбанизации наций. К началу 70-х годов значительно возросла доля специалистов с высшим образованием у ряда наций с повышенным процентом сельского населения, что ослабило связь между этими показателями. В то же время в некоторых союзных республиках насыщенность сельской среды дипломированными специалистами превысила возможности их трудоустройства, что могло способствовать повышенным темпам урбанизации этих наций. Конечно, этот вопрос требует специального исследования, однако заметим, что для уточнения проблемы исследования большое значение имеет корреляционный анализ переписей населения.

Таблица 4

Значения коэффициентов парной корреляции между некоторыми социальными и культурными параметрами наций *

Коэффициенты парной корреляции	Годы проведения переписи		
	1959	1970	1979
<i>UE</i>	+0,61	+0,32	+0,64
<i>UF</i>	-0,49	-0,53	-0,58
<i>UM</i>	—	+0,38	+0,28
<i>UL</i>	+0,26	+0,28	+0,27
<i>EF</i>	-0,18	-0,27	-0,47
<i>EM</i>	—	-0,05	-0,13
<i>EL</i>	+0,01	+0,01	+0,01
<i>FM</i>	—	-0,84	-0,39
<i>FL</i>	-0,33	-0,40	-0,47
<i>ML</i>	—	+0,32	+0,18

* *U* — доля городского населения, *E* — доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, *F* — средний размер семьи, *M* — доля лиц, живущих в данном месте менее двух лет, *L* — доля лиц, считающих родным язык иной национальности.

Несмотря на достаточно тесную взаимосвязь показателей урбанизации и образования, каждый из них отражает относительно самостоятельный аспект социально-этнических процессов. Этот вывод наглядно подтверждается характером корреляционных связей этносоциальных и этнодемографических показателей. И высокий уровень образования, и значительная доля городского населения сочетаются с меньшим размером семьи, что отражает прежде всего влияние этих показателей на детность. Доля городского населения положительно коррелирует с миграционной подвижностью (хотя эта зависимость не столь ярко выражена). Уровень образования, наоборот, действует как «стабилизирующий» фактор, понижающий миграцию.

По всей видимости, несовпадение в действии двух важнейших этносоциальных процессов вызывает отмеченное выше увеличение относительных различий между нациями в среднем размере семьи. В течение двух десятилетий происходило заметное падение детности у наций, социальное развитие которых характеризовалось как ростом образования, так и интенсивной урбанизацией. Некоторые из них сохраняли наиболее высокие показатели миграционной подвижности. В основном это нации, проживающие в европейской части СССР.

Значительный прирост численности специалистов в сочетании с относительно невысокими темпами прироста городского населения, характерный для социального развития среднеазиатских народов, способствовал сохранению более низкой миграционной подвижности, которая в свою

очередь явилась дополнительным фактором поддержания более высокого уровня детности.

Одна из гипотез Всесоюзного этносоциологического исследования программе «Оптимизация социолого-культурных условий развития, сближения наций в СССР» состояла в том, что изменения социальных и этнокультурных характеристик наций — это два относительно самостоятельных процесса. В пользу этой гипотезы говорят материалы этносоциологического опроса⁸. Ее истинность подтверждает и корреляционным анализом материалов переписи. Анализ материалов переписей показывает слабую связь выбора родного языка с другими показателями. Единственное исключение составляет средний размер семьи. От переписи к переписи наблюдается тенденция к усилению корреляции этого показателя с долей считающих родным язык индигенной национальности. Возможно, это объясняется тем, что среди коренных национальностей союзных республик несовпадение национальности родного языка наблюдается по большей части у детей от национально-смешанных браков. Как известно, основным языком общения в семье, где один из супругов — русский или представитель других народов европейской части СССР, обычно бывает русский язык, что влияет и на определение родного языка детьми от таких браков. В свою очередь доля смешанных браков в значительной степени определяется уровнем различий традиционной бытовой культуры контактирующих этносов. Чем сильнее такие различия, тем меньше при прочих равных условиях доля смешанных браков. Наибольшая дистанция в области бытовой культуры по отношению к русским и другим группам некоренных национальностей наблюдается у наций с наивысшим средним размером семьи.

Таким образом, у наций с наибольшим средним размером семьи, как правило, больше доля детей от браков с русскими и другими группами некоренных национальностей — мигрантами из европейской части СССР, что сказывается и на частоте выбора русского языка в качестве родного.

Можно предположить, что увеличение корреляции показателей размера семьи и выбора родного языка свидетельствует о возрастающем влиянии особенностей бытовой культуры на интенсивность восприятия языка межнационального общения.

В то же время обращает на себя внимание слабая корреляция показателей миграционной подвижности и выбора родного языка. В течение двух последних десятилетий преобладали миграции в интонациональную и национально-смешанную среды. На первый взгляд высокая миграционная подвижность должна сочетаться с интенсивным усвоением языков других национальностей, в том числе и с восприятием языка межнационального общения в качестве родного. Однако ни в 1970, ни в 1979 г. эта зависимость не была сколько-нибудь существенной. Вопрос о том, почему не подтверждается эта гипотеза, также требует более подробного изучения.

Итак, переписи населения СССР — важный источник исследования социально-культурных процессов развития советского общества. Они не только дают существенную информацию о социально-этнических процессах, но при использовании инструментария статистического анализа открывают дополнительные возможности для социальных обобщений, понимания конкретного механизма изучаемых явлений и процессов. Конечно, многие суждения в этих случаях носят предварительный, гипотетический характер и требуют специальных углубленных, основанных на широком круге источников и, в частности, представительных и разносторонних этносоциологических и этнографических исследований.

⁸ Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980, с. 230—250.

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО РУССКИХ МЕЗЕНИ (в связи с этнической историей края) *

Специфика традиционной культуры русских Мезени во многом обусловлена историей заселения этого края, осуществлявшегося разными группами славян. Согласно историческим свидетельствам, Мезень заселилась двумя потоками: с севера — потомками новгородцев, а с юга — смешанным коми-русским населением¹.

Немалую роль в формировании духовной и материальной культуры русских Мезени сыграли контакты с коми-зырянами, заселявшими верховья этой реки и ее основного притока — Вашки. Особое значение для рассматриваемого региона имели торговые пути, связывавшие бассейны рек Мезени, Пинеги, Северной Двины и Печоры, и взаимосвязи русского населения, живущего в бассейнах этих рек.

Наши экспедиционные наблюдения позволили убедиться в том, что и в настоящее время в материальной и духовной культуре русских Мезени можно встретить немало древних элементов. Правда, большинство сохранившихся декорированных предметов домашнего быта свидетельствует лишь о былом расцвете художественных ремесел в интересующем нас регионе. За последние 50—60 лет многие из них угасли: в с. Палащелье Лешуконского района больше не делают расписных прялок и коробов; в с. Лебском того же района перестали изготавливать деревянную посуду, в Олеме (на Вашке) — выдалбливать солоницы в форме утюжков, и т. п. Однако некоторые виды прикладного искусства, отвечающие потребностям современных мезенцев, продолжают жить и в наши дни.

Мезенская роспись. Прялки. Хотя палащельский промысел потерял, как уже говорилось, свое былое значение, но и теперь есть мастера, владеющие его секретом². Изделия одного из них, Федора Михайловича Федотова, экспонировались на выставке «Русские мастера» (Москва, 1973 г.) и получили высокую оценку искусствоведов. В последние годы коробка с росписью в стиле мезенской обнаружены в дер. Селище Лешуконского района. В прошлом там только делали короба, но не раскрашивали их. Современный селищенский мастер И. С. Фатьянов использует в своем творчестве мотивы прялочной росписи: стилизованные кони, олени, птицы в сочетании со штриховкой, косыми крестами, зигзагами и т. п.

Происхождение мезенской росписи до сих пор остается загадкой. Хотя промысел в с. Палащелье Лешуконского района возник довольно поздно, древность сюжетов и самой техники росписи на прялках и других деревянных изделиях несомненна. Оригинальность росписи, графичность и примитивно-условная трактовка привычных, казалось бы, для русских росписей образов коней и птиц дают основание исследователям искать истоки мезенской росписи в искусстве соседних северных народов и в наскальных рисунках. Высказывалось мнение о сходстве манеры изображения коней на мезенских изделиях и памятниках азелинской

* В основу статьи положены полевые материалы автора, собранные в 1971, 1975 и 1976 гг.

¹ Платонов С. Ф., Андреев А. И. Очерк новгородской колонизации Севера в XVI—XVII веках. — В кн.: Очерки по истории колонизации Севера, Пг., 1922, в. 1, с. 45—46; Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. — История СССР, 1964, № 6, с. 86—95; Жеребцов Л. И. О времени появления коми на верхней Мезени. — Изв. Коми филиала Всесоюзного географического общества, Сыктывкар, 1955, в. 3; Афанасьев А. П. Заселение бассейна Мезени в XV—XVII вв. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1973.

² Арбат Ю. Светлый Север. Вологда: Северо-западное книжное изд-во, 1970, с. 123—142; Современное народное искусство. По материалам выставки «Русские мастера». Л.: Художник РСФСР, 1975, с. 16—17.

культуры III—V вв.³ В. С. Воронов, изучая стили народных росписей по дереву в разных областях России, выделил мезенскую как «тайновенную и любопытную», указав на ее связи с древними греческими стилями⁴.

Некоторые современные исследователи, например Н. В. Тарановская полагают, что мезенская роспись — результат взаимодействия декоративного искусства коми и русских⁵. Л. Н. Жеребцов, поддерживая эту точку зрения, подчеркнул, что решающую роль в возникновении геометрического стиля мезенской росписи сыграло прикладное искусство коми. Однако сложившееся представление о преобладании геометрических

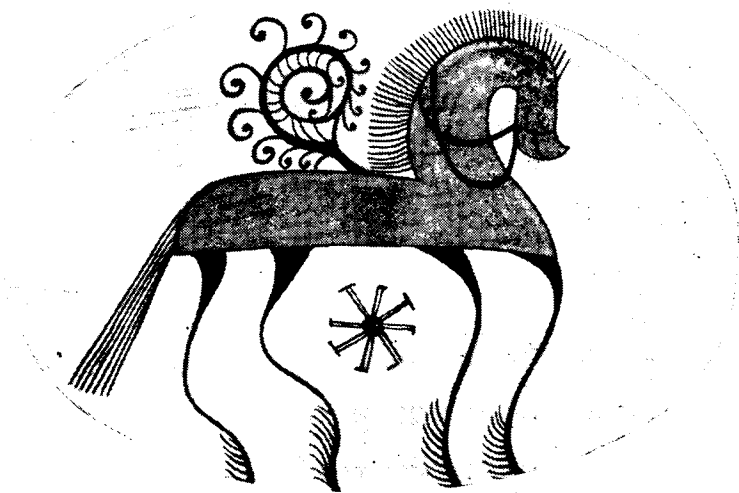

Рис. 1. Фрагмент палащельской прялки начала XX в. (с. Лешуконское). Рис. Б. А. Макеева, 1976 г.

изображений в мезенском орнаменте, на наш взгляд, несколько преувеличено. Преобладают, напротив, зооморфные фигуры — знаменитые бегущие кони, олени, а также птицы, расположенные в несколько рядов. На внутренней стороне каждой мезенской прялки имеется, кроме того, сюжетный рисунок (пароходы с матросами; охотник, прицеливающийся в птицу, сидящую на вершине дерева; дерево с птицами на ветвях, и т. п.), который почти полностью свободен от геометрических фигур. Трудно также согласиться с утверждением о значительном воздействии искусства коми на формирование мезенской росписи. Роспись на изделиях коми (в частности прялках) по композиции довольно существенно отличается от росписи на мезенских изделиях⁷. Сходство же некоторых коми-зырянских прялок с палащельскими, по мнению, например, В. Н. Белицер, объясняется влиянием последних⁸. Вместе с тем многие элементы мезенской росписи близки к силуэтным изображениям на памятниках искусства Архангельской и Вологодской областей, для которых также характерны контурные, графические фигуры животных⁹. А такой при-

³ Арбат Ю. Русская народная роспись по дереву. М.: Изобраз. искусство, 1970, с. 21.

⁴ Воронов В. С. О крестьянском искусстве. М.: Сов. художник, 1972, с. 80.

⁵ Тарановская Н. В. Росписи на Мезени и Печоре (о формировании местных художественных стилей). — В кн.: Русское народное искусство Севера. Сб. статей. Л.: Сов. художник, 1968, с. 50, 54.

⁶ Жеребцов Л. Н. Этнокультурные связи вашских коми с русскими соседями на Пинеге (до начала XX в.). — В кн.: Этнография и фольклор коми. Тр. Ин-та языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1972, № 13, с. 113.

⁷ Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.: Наука, 1980, с. 60 (рис.).

⁸ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми (XIX — начало XX в.). — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958, т. XLV, с. 343, рис. 146.

⁹ Тарановская Н. В. Указ. раб., с. 51.

ный для мезенских прялок мотив орнамента, как фигуры птиц с ярко-выраженным S-образным контуром, довольно часто встречается на изделиях народных мастеров из Белозерья, верхневолжских районов и Подвинья¹⁰.

Ареал мезенской росписи весьма обширен. Кроме бассейна Мезени с Вашкой, он включает на западе районы Пинеги и нижнего течения Северной Двины до Онежского полуострова, а на востоке — бассейны Ижмы и Печоры. На очерченной территории выявлены изделия с мезенской росписью не только палащельские, но и из других деревень, причем, как профессионального (с. Покшеньга на Пинеге), так и непрофессионального производства¹¹. К последним можно, вероятно, отнести прялку, обнаруженную нами летом 1976 г. в с. Койнас Лешуконского района. Подобные прялки, по словам местных жителей, делали крестьяне этого села в прошлом. По общему построению рисунка роспись на койнаской прялке напоминает палащельскую, но основу ее орнамента составляют четырехконечные крестовидные розетки. Такие розетки встречаются в росписи палащельских коробов, а не прялок; особенно же они характерны для печорских росписей (в деревнях на Печоре и ее притоке Пижме)¹². Связь с искусством Печоры не случайна, так как именно через Койнас проходил тракт, связывавший селения Мезени, Печоры и Пижмы¹³. На западе этот тракт шел через Пинегу к Северной Двине. Не исключено, что он способствовал распространению рассматриваемой росписи на Пинеге и в верховьях Кулоя, о чем, в частности, свидетельствуют прялки, зафиксированные нами в с. Кулогора на Пинеге и в с. Кулой на одноименной реке, очень похожие по орнаменту на койнаскую. Представляется правомерным предположить, что подобная живопись послужила основой палащельской росписи. На палащельских прялках декор рассматриваемого типа дополняется элементами, выполненными в иной живописной манере, для которой характерны не геометрические, а сюжетные и силуэтные изображения. Здесь уместно напомнить, что такого рода живопись бытовала как в крупных (Холмогоры, Великий Устюг, Сольвычегодск), так и в мелких (Уфтюг, Борок) промысловых центрах Северной Двины. Влияние их сказалось в декоре мезенских жилищ, именно в тех деревнях, которые издавна были связаны с Северной Двиной¹⁴.

Важно отметить, что рассматриваемая роспись была известна лишь в селах и деревнях Лешуконского района; на нижней Мезени ее не знали¹⁵. Здесь деревянные изделия орнаментировались иначе, о чем свидетельствуют имеющиеся и теперь почти в каждом доме рубели для катания белья. Основу их орнамента составляют вписанные в круг вихревые и шестилепестковые розетки. Всего на рубеле размещалось пять или шесть таких кругов. Иногда в круге вырезалась не одна, а шесть небольших шестилепестковых розеток, причем из их шести боковых лепестков образовывалась седьмая, центральная розетка. Крупные шестилепестковые розетки нередко усложнялись шестью лучами, помещаемыми между лепестками.

Как можно заметить, число «шесть» характерно для построения орнамента рубелей. Шестилепестковую розетку Б. А. Рыбаков считает вариантом шестилучевого знака или «колеса Юпитера» — символа, известного по археологическим и этнографическим материалам начиная с бронзового века¹⁶ и широко распространенного, по его мнению, в древности в

¹⁰ Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978, с. 181, рис. 85 (карта).

¹¹ Тарановская Н. В. Указ. раб., с. 47.

¹² Там же, с. 54.

¹³ Афанасьев А. П. О древних водно-волоковых путях Русского Севера. — В кн.: Этнография и фольклор коми, с. 103.

¹⁴ Дмитриева С. И. Архитектурные и декоративные особенности традиционного жилища русских Мезени (в связи с этнической историей края). — Сов. этнография, 1980, № 6, с. 47.

¹⁵ Тем не менее прялки палащельской работы, покупаемые зачастую на ярмарках, имелись почти в каждом мезенском доме.

¹⁶ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981, с. 295, сл.

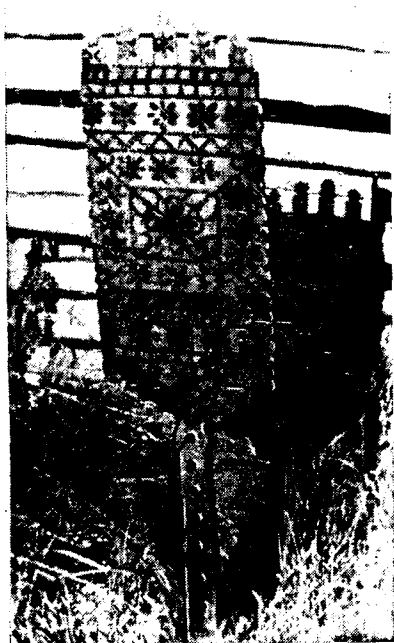

Рис. 2. Прялка Н. Г. Ореховой (дер. Кулой Пинежского р-на). Фото И. Ю. Заринова, 1975 г.

новым, нам довелось встретиться в 1976 г. в дер. Селище Лешуконского района. М. Ф. Фатьянову больше 90 лет. Мастерству изготовления берестяных изделий он научился у отца. Основные занятия М. Ф. Фатьянова — охота и рыболовство — были тесно связаны с природой, и это нашло отражение в орнаменте его туесов, в излюбленных персонажах (охотник, медведь, собака, лось, глухарь, тетерев и т. п.) и сюжетах (охота; птицы, летящие или сидящие на дереве, и т. п.) декора. По словам М. Ф. Фатьянова, он изображает только то, что видит вокруг себя, однако ряд элементов орнамента — ромбы, розетки, круги, простые насечки — свидетельствуют о традиционности его искусства. Интересна техника нанесения орнамента. Мастер использует специальные штампы, сделанные им из твердых пород дерева, высотой 5—7, диаметром 3—4 см, на которых вырезаны зооморфные или геометрические фигурки. Изображения этих фигурок он переносит на берестяные изделия, ударяя по другому концу штампа деревянным молоточком. Иногда отдельные фигур составляют сцены²⁰. Изделия М. Ф. Фатьянова неоднократно получали премии на отечественных и международных выставках.

«Щепные» птицы. М. Ф. Фатьянов славился еще умением делать реальных деревянных птиц. Оперение и хвост этих птиц вырезались из расщепленной сосны, отчего они назывались «щепными». Прежде во многих мезенских домах было принято вешать птиц в красном углу или над обеденным столом; от движения теплого воздуха они вращались по кругу. Пожилые крестьяне еще помнят об этом обычае, но из современного быта он уже ушел. Только в избе самого М. Ф. Фатьянова нам удалось увидеть деревянную птицу, висевшую над столом. Теперь мастер изготавливает щепных птиц по заказу Художественного фонда, так как основными покупателями их стали горожане.

¹⁷ Там же, с. 296.

¹⁸ См. *Мальцев Н. В.* Орнаментальная резьба по дереву на Онежском полуострове. — В кн.: Русское народное искусство Севера, с. 69 (рис.), сл.

¹⁹ Там же, с. 72.

²⁰ Подобная техника орнаментирования бересты известна в ряде районов Архангельской и Вологодской областей. См.: *Федорова-Дылева Н. А.* Северные русские крестьянские берестяные изделия. — В кн.: Этнография народов СССР, Л., 1971, с. 12 сл.

Западной Европе¹⁷. В этой связи служивает внимания сходство мезенских рубелей с резными прялками Летнего и Лямецкого берегов Белого моря¹⁸, имеющими в свою очередь общие черты с подобными изделиями Скандинавских стран, в частности Норвегии¹⁹. Известны хозяйственные и культурные контакты русских поморов со скандинавами. В систему этих контактов входило и население ненецкой Мезени, в культуре которого прослеживается немало аналогий с культурой населения северо-западных районов Русского Севера и северных стран Западной Европы.

Изделия из бересты. Большое место в быту мезенцев, как и всех северян, занимала береста, из которой делали лапти, корзины, пестери (заплетенные кузова для грибов и ягод), корба, лукошки и т. п. Их изготовление было доступно почти каждому крестьянину, но были и очень искусные мастера, изделия которых пользовались спросом на рынках. С одним из них, Мартыном Филипповичем Фатьяновым, мы встретились в 1976 г.

Птицы М. Ф. Фатьянова неоднократно экспонировались на выставках, так же как и изделия его односельчан С. Ф. и И. С. Фатьяновых и каргопольских мастеров А. И. Петухова и В. И. Дедова²¹.

В прошлом ареал распространения щепных птиц был значительно шире, о чем имеются сведения в этнографической литературе. Не только в мезенских, но и в домах многих других северных деревень можно было видеть в переднем углу подвешенных к потолку птиц, иногда по несколько штук сразу. Подобный обычай существовал и у коми-зырян²². С. В. Максимов писал о привычке рыбаков Поморья в долгие зимние вечера наряду с другими безделушками делать из лучин раскрашенных голубков, «которыми любят украшать потолки своих чистеньких зал все богачи побережья Белого моря»²³. Изготовление щепных деревянных птиц зафиксировано также в селениях около Холмогор²⁴. Примечательно высказывание одного из этнографов о том, что родиной деревянных голубей является Шенкурск, где их вырезали большими ($\frac{3}{4}$ аршина в диаметре), с венцом на голове²⁵. Никаких доказательств (кроме величины птиц) в пользу своего предположения он не приводит. Однако Подвинье, на наш взгляд, несомненно было той областью, где это искусство получило особое развитие. Не случайно промысловые центры по изготовлению щепных птиц расположены или непосредственно на Северной Двине (Шенкурск и Холмогоры), или в издавна связанных с Подвиньем селениях Мезени, Вашки и Каргополя.

О культовом назначении щепных птиц в прошлом свидетельствует традиция помещать их в красном углу избы. До XIV в. у новгородских славян существовал обычай закладывать в основание дома жертвенных животных. При раскопках жилищ наряду с черепами животных находят жертвенные ковши с изображением коня, быка, птиц. Известно, что утка, лебедь, петух, голубь были жертвенными птицами у разных групп славян²⁶. Голубь, которого чаще всего изображают мезенские мастера, считался священной птицей западнославянского Святовита. Особенно ярко культовое назначение фигурок летящих птиц прослеживается в обычаях восточных соседей мезенцев. Д. Н. Анучин, изучая искусство и верования приуральской чуди по археологическим материалам из Пермской, Вятской, Вологодской и Тобольской губерний, установил сходство фигурок чудских летящих птиц с изображениями птиц на столбах, к которым привязывали жертвенных животных у остяков, вогулов, самоедов, алтайских алеутов, а также с резными деревянными изображениями птиц,

Рис. 3. Кательная палка (рубль) начала XX в. (дер. Кимжа Мезенского р-на). Фото В. Топоркова, 1971 г.

²¹ Современное народное искусство..., с. 45—51.

²² Засодимский П. В. Лесное царство. М., 1908, с. 34.

²³ Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1864, с. 215.

²⁴ Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Севера. М.: Искусство, 1974, с. 123.

²⁵ Тагер Е. Искусство и быт Севера.— В кн.: На Северной Двине. Архангельск, 1924, с. 37.

²⁶ Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде.— Кр. сообщения Ин-та истории материальной культуры, М., 1957, в. 68, с. 20, сл.

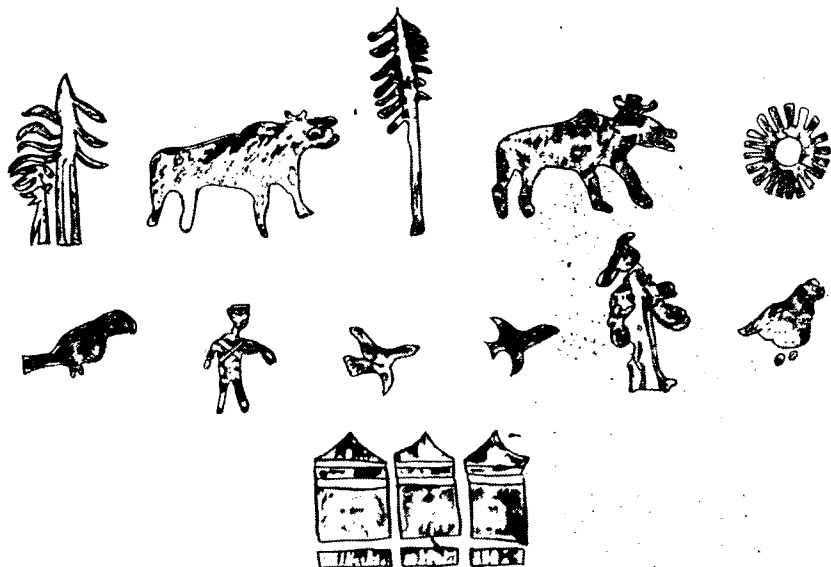

Рис. 4. Рисунки на чеканах М. Ф. Фатьянова (дер. Седище Лешуконского р-на).
Рис. Б. А. Макеева, 1976 г.

подвешиваемыми в юртах у алтайских народов²⁷ для благополучия в доме и охраны от болезней. Это сходство исследователь объясняет, помимо прямых влияний, общечеловеческими представлениями о птицах «как существах, способных быть носителями человеческих желаний..., а с другой стороны, — возвестителями воли богов...». «Такого рода представления, — пишет Д. Н. Анучин, — мы встречаем у народов, стоящих на самых различных ступенях культуры»²⁸.

Сохраняющиеся по настоящее время в некоторых мезенских домах предметы обихода (резные деревянные солонки, ковши в форме уток) служат подтверждением бытования некогда на Мезени, как и во многих других районах Севера, культа водоплавающей птицы.

Игрушечные кони. Столь же яркое отражение в искусстве Мезени нашел культ коня, о чем свидетельствуют изображения конских голов на крышах мезенских домов, многочисленные фигуры лошадей на папильонских прялках и сохранившиеся еще в отдельных домах игрушечные кони. Мастера деревянных игрушек, промысел которых получил большое развитие в средне- и севернорусских областях в прошлом веке, любили вырезать лошадей²⁹. Исследователи отмечали монументальность и архаичность северных игрушечных коней, характерную для них нерасчлененность форм (конь-тележка, конь-сани, конь-качалка). В этой манере делались игрушечные кони в Лешуконском районе, однако в отличие от своих «собратьев» из более южных Вологодской, Костромской и Нижегородской областей они не расписывались. Своеобразие, по мнению исследователей, отличались игрушечные кони с нижней Мезени, запрягавшиеся «по-настоящему», при помощи ремешков. Именно таких скульптурных коней нам удалось увидеть в с. Дорогорском Мезенского района. Вырезал их сравнительно недавно колхозник А. И. Быков для своего сына. Мастер реалистически изобразил не только самих коней, но и упряжку.

²⁷ Анучин Д. Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ. — Материалы по археологии восточных губерний, изд. Императорским Московским археологическим обществом, М., 1899, т. III, с. 139—142.

²⁸ Там же, с. 128.

²⁹ Русские игрушечные кони. М.: Сов. Россия, 1976; Чекалов А. К. Указ. раб., 120—122.

Заметим, что культ водоплавающей птицы прослеживается на Севере и Северо-Востоке Восточной Европы со времен неолита³⁰, тогда как культ коня отмечен там сравнительно поздно. По археологическим материалам выявляются два пути распространения культа коня со степного юга на лесной Север. Один из них шел по Волге и ее притокам. В начале нашей эры многочисленные изображения коня появляются у приуральских племен, несколько позже — в Прикамье и бассейне Оки; в конце I — начале II тысячелетия — в районах верхнего Поволжья³¹. Сходство манеры изображения этих коней позволило исследователям утверждать, что «культ коня был общим для всей огромной территории Волго-Камского бассейна»³². Очевидно, сходство мезенских игрушечных коней и коней из верхневолжских районов можно объяснить древними историческими связями Мезени с районами Волго-Камья.

Другой путь распространения культа коня шел из Поднепровья через Смоленщину (здесь он прослеживается в VI в.) в Ярославскую, Суздальскую и Новгородскую земли (зафиксирован в X—XII вв.). Особую роль в распространении этого культа Б. А. Рыбаков отводит княжеской дружине³³.

Не исключен еще один, западный путь проникновения культа коня на Европейский Север. В свое время В. В. Стасов увидел в изображениях коньков на русских крестьянских крышах отражение верований прибалтийских славян, в которых, как известно, большая роль отводилась коню³⁴. Эта точка зрения не была поддержана в свое время специалистами. Однако в свете позднейших исследований Д. К. Зеленина³⁵ и В. В. Седова³⁶ она представляется убедительной.

Лепные пряники. В какой-то мере сохраняется на Мезени еще один своеобразный вид народного искусства — изготовление лепных пряников «козуль». В дер. Ценогоры Лешуконского района живет известная по всесоюзным выставкам мастерица по изготовлению лепных «козуль» — М. Г. Семенова. Хотя ее фигурки из теста называются «козулями», они представляют различных животных: лосей, коней, коров, а также птиц. Считается, что подобные изображения животных свидетельствуют о существовании в некоторых районах России обычая водить на святках домашних животных³⁷. Заметим кстати, что само название «козули» говорит о преимущественном вождении козы. Это тем более вероятно, что коза считалась животным, посвященным богу-громовнику, пережитки почитания которого прослеживаются в жатвенных обычаях Мезени.

Исследователи выделяют на Севере три «школы» пряничного промысла³⁸. В поморских деревнях делались печатные пряники. Другой вид пряничного промысла бытовал в деревнях близ Архангельска (центр в дер. Соломбала), коренные жители которых и теперь вырезают вырезные «формовые» козули, украшенные цветным сахаром. К третьей группе относятся изделия из теста, которые по форме можно причислить к круглой скульптуре. Именно к этой группе относятся «козули» из Ценогор. Судя по рассказам местных жителей, изготовление подобного свя-

³⁰ Фосс М. Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР. — Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА), М., 1952, № 29, с. 36, рис. 9; Гуркина Н. Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. — МИА, М. — Л., 1961, № 87, с. 151.

³¹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, М., 1961, № 94, с. 139—140.

³² Там же, с. 140.

³³ Рыбаков Б. А. Искусство древних славян. — В кн.: История русского искусства, М., Изд-во АН СССР, 1953, т. I, с. 65—69.

³⁴ Стасов В. В. Коньки на крестьянских крышах. — Собр. соч., СПб., 1894, т. II, с. 112 сл.

³⁵ Зеленин Д. К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода. — Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. М., 1954, № 6, с. 75.

³⁶ Седов В. В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов. — В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968, с. 156.

³⁷ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу... СПб., 1865, т. 1, с. 662—663; Фаминцын Л. С. Божества древних славян. СПб., 1884, с. 237—242.

³⁸ Современное народное искусство..., с. 28.

Рис. 5. М. Ф. Фатьянов за работой (дер. Селище Лешуконского р-на). Фото Б. А. Макеева, 1976 г.

точного печения в прошлом место не только в Ценогорах, но во многих других деревнях Лешуконского района. В дер. Ценогор встречается еще один вид обрядового печеня под тем же названием «козули». Одинадцатилетняя школьница, соседка М. Г. Семеновой, показала мне «козульки», которые она испекла вместе с матерью. В отличие от изделий М. Г. Семеновой, они сделаны в виде спрессованных, восьмерки, плетенки.

Гончарные изделия. В прошлом на Мезени был развит гончарный промысел, заглохший затем в связи с распространением фабричной посуды. В свое время известным центром гончарного производства на Мезени было с. Тимошетье Мезенского уезда. Нам удалось увидеть последнего тимошетьского гончара — Н. Т. Лочехина. В молодости он изготавливал посуду для продажи на ярмарке в верховьях Пезы (притока Мезени), теперь изредка делает ее по заказу жителей окрестных деревень. Изделия Н. Т. Лочехина отличаются простотой и строгостью формы, а также отсутствием орнамента. Своеобразие придает им

окраска: зеленоватая полива на матово-желтых стенках сосудов, сохраняющих цвет мезенской глины. По форме мезенские горшки напоминают гончарные изделия тех районов бывших Новгородской, Владимирской и Нижегородской губерний, где гончары обслуживали только местный рынок³⁹. Последнее обстоятельство, вероятно, способствовало сохранению архаических черт в гончарных изделиях этих районов, обычно утрачиваемых в крупных керамических центрах, подобных Гжели и Скопину, в которых мастера работали на широкий рынок. В целом гончарные изделия мезенского мастера традиционны и по форме близки к так называемым сосудам славянского типа, распространенным в X—XIV вв., судя по археологическим раскопкам, во всех славянских землях («от Эльбы, Дуная и Адриатического моря до Волхова, Волги, Оки и Кубани — всюду одинаковы славянские горшки»)⁴⁰.

Ткачество и вышивка. На Мезени распространенным видом народного искусства было браное ткачество. Традиционные элементы орнамента в браном ткачестве — свастика и ромб во всевозможных комбинациях. Пространство между основными фигурами заполнялось треугольниками, в которых исследователи видят геометризованную женскую фигуру, называемую здесь «куколкой»⁴¹. По мнению исследователей, вышивка Мезени, как и других районов северо-востока Европейской России, испытала влияние браного ткачества, которым так же, как и вышивкой, украшали оплечья и подола женских рубах, края скатертей и полотенец⁴². Влияние браного ткачества на вышивку сказалось и в расцветке (красный гарус на серовато-голубой

³⁹ Русское гончарное искусство XIX — начала XX века. Каталог выставки из собрания Загорского музея. М.: Сов. художник, 1976.

⁴⁰ Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1955, с. 214.

⁴¹ Кожевникова Л. А. Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера. — В кн.: Русское народное искусство Севера, с. 112.

⁴² Там же.

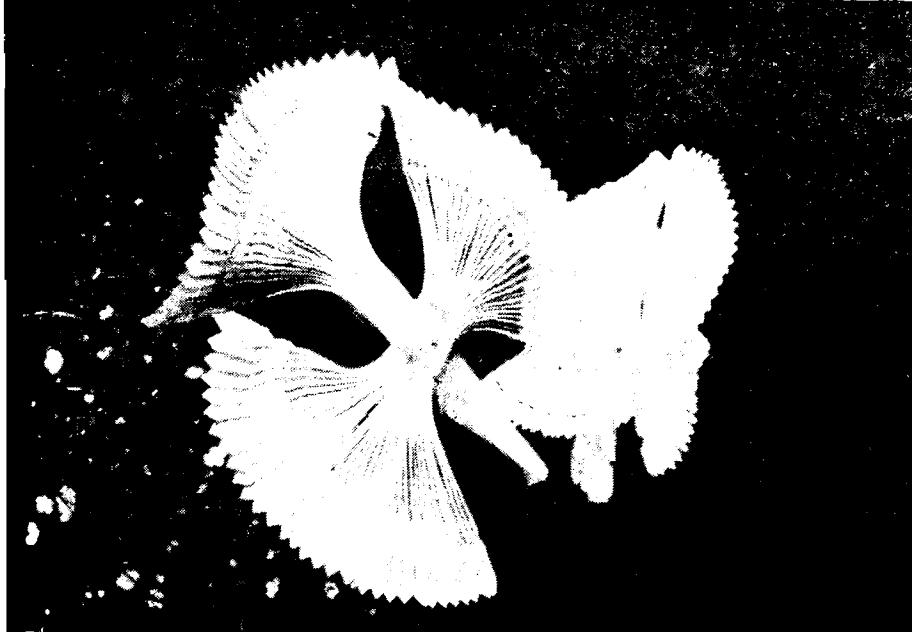

Рис. 6. Птицы И. С. Фатьянова (дер. Селище Лешуконского р-на). Фото Б. А. Матеева, 1976 г.

фоне льна), и в стиле орнамента, состоящего из тех же, что на тканых изделиях, основных элементов — ромбов, квадратов и крестов с загнутыми концами, в том числе свастики. Этот геометрический стиль орнамента мезенских вышивок отличает интересующий нас район от северо-западных районов Русского Севера, где преобладающим в вышивке был изобразительный (зооморфный и терралогический) орнамент, и связывает Мезень как со среднерусскими⁴³, так и с более южными областями России — Смоленской, Рязанской, Тульской и Орловской⁴⁴. Отметим также сходство орнамента вышивок Мезени и центральных районов Севера (бассейны рек Ваги, Кокшеньги, Устьи): основу орнамента последних также составляют ромб и свастика⁴⁵. Кроме того, орнаментальный мотив ромба (простого и гребенчатого) и его производных роднит вышивку и ткачество русских Мезени с подобным искусством русских Белого озера, Чарозера, Кириллова и Череповца⁴⁶.

Ромбический узор характерен еще для одного вида вышивки — перевити. На Мезени известна цветная перевить. По технике эта вышивка, выполняемая на предварительно разреженной (путем выдергивания нитей по основе и утку) ткани, связана, по мнению исследователей, с низовской колонизацией, о чем свидетельствует широкое распространение цветной перевити в Смоленской, Тверской, Калужской, Рязанской и Орловской областях⁴⁷. Вероятно поэтому перевить нам удалось увидеть только в деревнях Лешуконского района, подвергшегося, как уже говорилось, низовской колонизации. Давнее бытование этого вида вышивки на Мезени подтверждает ее местное название — «вязблено дело», на древность которого, в свою очередь, указывает распространение его среди разных групп славянского населения, в том числе и в Болгарии⁴⁸. И. П. Работнова выделяет на Мезени еще один вид тканых и вышитых

⁴³ Некрасов А. И. Русское народное искусство, М., 1924, с. 151.

⁴⁴ Русское декоративное искусство. М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1963, т. 3, 308.

⁴⁵ Кожевникова Л. А. Указ. раб., с. 116.

⁴⁶ Там же, с. 119.

⁴⁷ Работнова И. П. Финно-угорские элементы в орнаменте севернорусских вышивок тканей. — В кн.: Русское народное искусство Севера, с. 85; Художественные промыслы СФСР. Справочник. М.: Легкая индустрия, 1973, с. 12.

⁴⁸ Работнова И. П. Указ. раб., с. 85.

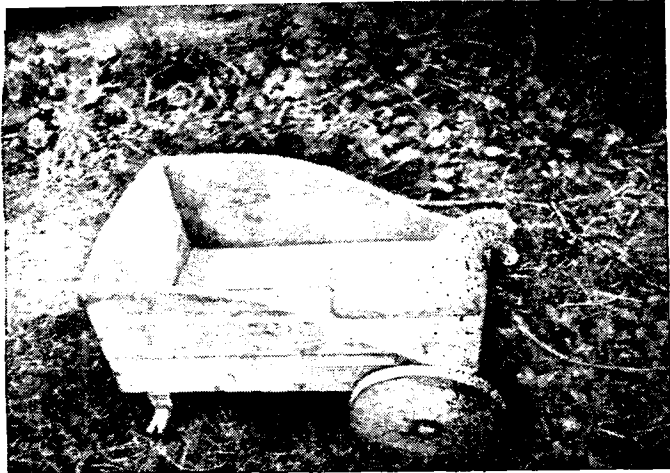

Рис. 7. Игрушечный конь-повозка (дер. Кямжа Мезенского р-на). Фото Б. А. Макеева, 1976 г.

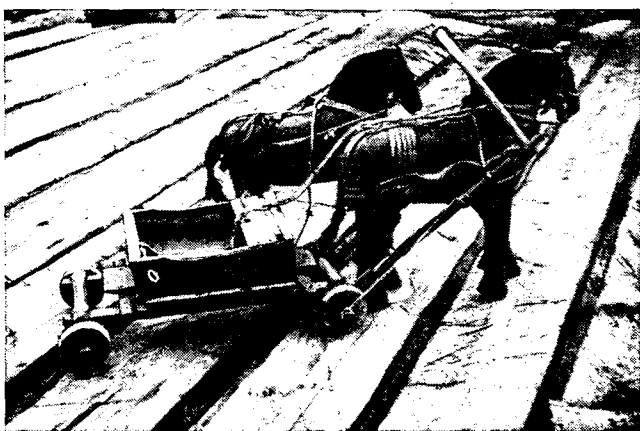

Рис. 8. Игрушечные кони А. И. Быкова (дер. Дорогорское Мезенского р-на). Фото В. Топоркова, 1971 г.

изделий с характерным асимметричным геометрическим орнаментом, состоящим из небольшого числа элементов, которые, многократно повторяясь, создают мелкий и дробный рисунок. Распространение такого орнамента на Верхней Мезени, Пинеге, Верхней Сухоне, Кокшеньге и Ваге — т. е. в районах, где, согласно историческим свидетельствам, в состав русских вошла значительная доля дорусского населения края, позволяет связать его именно с этим населением⁴⁹. Наличие же подобного орнамента в традиционном искусстве карел, коми и удмуртов может служить подтверждением принадлежности этого дорусского населения к угрофинской группе народов.

В деревнях Лешуконского района попадаются изделия, вышитые тамбуром. Этот вид русских вышивок считается сравнительно поздним. Возможно, тамбур привнесен на Мезень из районов Каргополя, Северной Двины и Ваги, где он был весьма распространен. В пользу такого предположения свидетельствует изобразительный, а не обычный геометрический стиль орнамента мезенских тамбурных вышивок. На одной из них, например, видим трехчастную композицию (древо с животными по бокам), свойственную, как уже говорилось, искусству Верхневолжского бассейна и прилегающих к нему районов Севера.

⁴⁹ Там же, с. 84.

Не только в Лешуконском, но и в Мезенском районе можно увидеть изделия, вышитые крестом. О позднем появлении вышивок этого вида свидетельствуют нетрадиционность сюжетов (женские и детские головки, пейзажи в немецком стиле и т. п.), а также функциональное назначение самих изделий: чаще всего это покрывала, наволочки на подушки и настенные картины.

Художественные традиции мезенцев отразились в старинной одежде. На Мезени сохранилась, главным образом, женская одежда. Остановлюсь лишь на некоторых, наиболее ярких ее элементах.

Головные уборы. Во многих домах можно увидеть старинный девичий головной убор—повязку. Это широкая полоса позумента на твердой основе и подкладке, украшенная по краю бисерной или жемчужной поднизью; завязывалась она сзади широкими лентами.

Старые и пожилые женщины и теперь носят в повседневном быту повойники. Нарядные повойники мезенских женщин шились из бархата, овальное дно их украшалось золотой вышивкой, отчего они получили название «кованы повойники». Такие повойники бытовали у

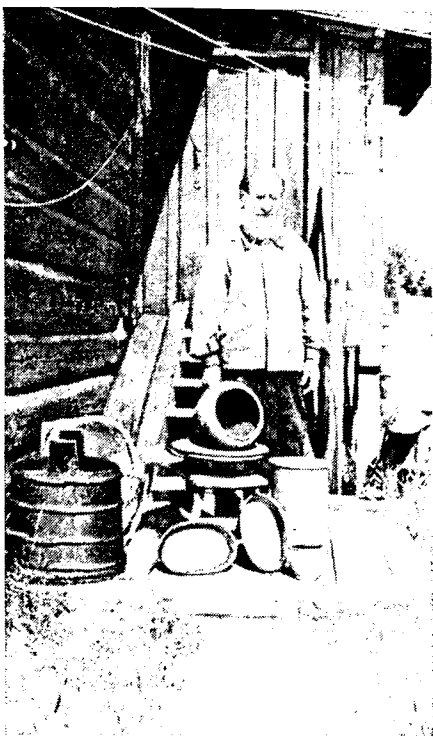

Рис. 9. Гончар Н. Т. Лочехин со своими изделиями (дер. Тимошеле Мезенского р-на). Фото В. Топоркова, 1971 г.

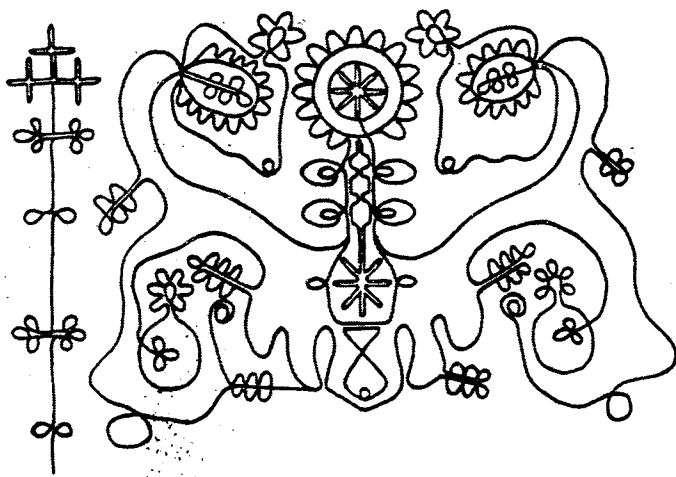

Рис. 10. Вышивка тамбуром (дер. Кеслома Лешуконского р-на). Рис. Л. Альдохиной, 1975 г.

всех поморов Русского Севера⁵⁰. В праздники поверх «кованых» повойников и повязок надевали большие репсовые или кашемировые шали, поражающие и сейчас богатым и необычайно красочным узором. Эти шали, изготовлявшиеся на некоторых русских фабриках, вошли как

⁵⁰ Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXI). М., 1956, с. 684.

Рис. 11. Народный костюм (платье, «кустышки») начала XX в. (дер. Дорогорское Мезенского р-на). Фото В. Топоркова, 1971 г.

групп украинцев и белорусов. Обычай укладывания не заплетенных волос замужними женщинами считается более древним, нежели заплетание кос.

В целом головные уборы — повязки, повойники, платки и разноцветные шали — одинаковы у жителей Мезенского и Лешуконского районов, различаются лишь вышивки, покрывающие овальное дно праздничных повойников. Наиболее часто встречаются повойники, украшенные растительным орнаментом (цветы, листья), вышитым золотой нитью. И только в деревнях Лешуконского района, в местах слияния Мезени с Вашкой, носили повойники, расшитые бисером, причем основным орнаментальным мотивом вышивки была елочка. Интересно, что сам способ нанесения этого орнамента назывался «садить елочки», отчего, вероятно, возникло и название подобных повойников — «саженные». «Саженные елочки» в вышивке имеют аналогии в обнаруженном нами летом 1976 г. оригинальном обычае «новизно», заключающемся в следующем. Молодوخа, выезжая первый раз на работу в поле с новой родней, должна была устроить угощение. В селах Лешуконского района в честь молодой «затесывали» елочку — срубали у ели, недалеко от ее вершины, несколько ветвей. И сейчас, проезжая по Мезени, можно видеть затесанные таким образом ели, иногда две, три подряд. Этот обычай бытовал у русских в районах, пограничных с коми. У последних же поклонение деревьям, особенно березе и ели, сохранялось еще в прошлом веке. Возможно, с коми нужно связывать и украшение одежды бисером. Напомним, что подобное украшение, не характерное для северных русских, было присуще восточнофинским народам и некоторым группам южнорусского населения.

Пояса. Как известно, пояса составляют неперенный элемент комплекса старинной одежды с сарафаном. В Мезенском районе поясами

неотъемлемая часть в комплексной женской народной одежде второй половины XIX — начала XX в.

Особого внимания заслуживает праздничный платок из яркого красного репса, так называемый «красный плат», который в свернутом виде повязывался по околышу повойника так, чтобы нарядная часть последнего оставалась открытой, концы платка торчали надо лбом наподобие рогов. Этот головной убор напоминает аналогичный украинский, к тому же и название его «кустышки» — созвучно с украинским названием платка — «хустка». Мезенские «кустышки» не нашли отражения в этнографической литературе, что скорее всего объясняется малой изученностью бассейна Мезени этнографами. Сходство с украинским головным убором свидетельствует о древности мезенских «кустышек». Древним является и обычай укладывания волос под «кустышки». Волосы разделяли на две пряди, наматывали их на две ленты и укладывали затем вокруг головы. Подобный способ укладывания волос (только не на ленту, а на обруч) бытовал также у некоторых

⁵¹ Работнова И. П. Русская народная одежда. М.: Легкая индустрия, 1964, с. 46.

служили длинные атласные или репсовые ленты фабричной работы; в деревнях Лешуконского района носили пояса ручного изготовления. По технике и орнаменту пояса кустарной работы четко разделяются на три группы: «зыренские», «в кружках» и «плетеные»⁵². Последние встречаются у некоторых групп русских, например, в Калужской области, где эти пояса были покупными⁵³. Современные мезенские женщины не знают техники изготовления плетеных поясов, поэтому можно предположить, что и на Мезени эти пояса были покупными. Пояса «зыренские» и «в кружках» — местного производства. Почти все старые и пожилые женщины в молодости ткали такие пояса, а некоторые и теперь делают их на продажу или по заказу родных и знакомых. В недавнем прошлом изготовление и ношение этих поясов было широко распространено в Лешуконском районе; сейчас их можно видеть только на пожилых женщинах.

Рис. 12. «Саженый» повойник (дер. Резя Лешуконского р-на). Фото Б. А. Макеева, 1976 г.

Техника изготовления поясов обоих видов очень древняя. Пояса «в кружках» ткются на специальных дощечках, которые имелись почти в каждом доме. Это небольшие деревянные квадраты с четырьмя дырочками по углам. Техника тканья на них аналогична описанной в работах В. И. Смирнова⁵⁴ и Н. И. Лебедевой⁵⁵. О глубокой древности тканья на дощечках свидетельствует тот факт, что подобное искусство зафиксировано в древнем Вавилоне. Судя по археологическим и этнографическим материалам, этот вид ткачества был распространен в Европе, на Кавказе, в Средней и Передней Азии. На территории Европейской части СССР он зафиксирован у северных (на Пинеге, Мезени, Печоре и Северной Двине) и южных русских (в Калужской, Орловской, Курской и Рязанской областях) и у некоторых групп белорусов. Известен этот способ ткачества и ряду неславянских народов Европейской России: прибалтийским народам, карелам и волжским финнам⁵⁶.

Техника изготовления «зыренских» поясов иная. Это также древний способ тканья «на ниту» (по местному — с помощью чурки и ножичка)⁵⁷, бытовавший у народов Восточной Европы: русских, белорусов, литовцев, мордвы и удмуртов.

Довольно четко различаются рассматриваемые виды поясов и по орнаменту. Для поясов «в кружках» основной орнаментальный мотив — ромб, с которым, очевидно, нужно связывать и само название «кружки»⁵⁸. Напомним, что кругом называется ромб, также в традиционном орнаменте Смоленского края⁵⁹ и Белоруссии⁶⁰.

⁵² Используется местная терминология.

⁵³ Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1951, т. XII, с. 19—20.

⁵⁴ Смирнов В. И. Русское узорное тканье (костромские пояски). — Сов. этнография, 1940, № 3, с. 93.

⁵⁵ Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян. — Восточнославянский этнографический сборник (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXI). М., 1956, с. 505.

⁵⁶ См. Смирнов В. И. Указ. раб., с. 95; Лебедева Н. И. Указ. раб., с. 505—506.

⁵⁷ О технике тканья см.: Лебедева Н. И. Указ. раб., с. 508; Белицер В. Н. Народное изобразительное искусство коми. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. — Л., 1950, в. 10, с. 20.

⁵⁸ Кроме того, мезенские пояса «в кружках» напоминают по орнаменту некоторые костромские пояса. См.: Смирнов В. И. Указ. раб., с. 97—103.

⁵⁹ Клетнова Е. Н. Символика народных украс Смоленского края. Смоленск, 1924, 8.

⁶⁰ Гринблат М. Я. Народное искусство. Очерки истории изобразительного искусства Белоруссии. М.—Л., 1940, с. 5.

Рис. 13. Народный костюм (платье, повязка, шаль, «зыренский» пояс, цепь с крестом) начала XX в. (дер. Кельчегора Лешуконского р-на). Фото В. Топоркова, 1971 г.

На связь мезенских рукавиц и носков с аналогичными изделиями коми из западных районов расселения указывает как сходство в орнаментике, так и большее распространение их в Лешуконском, а не в Мезенском районе.

В Лешуконском районе и теперь многие женщины вяжут для себя и своей семьи (а некоторые — на продажу) чулки, варежки и перчатки. В Мезенском районе, напротив, большинство вещей с узорной вязкой — покупные. Материалом для вязанья служит овечья или козья шерсть, которую окрашивают покупными красителями в разные цвета. В последние годы стали модными варежки и перчатки из разноцветного мулине. Узоры на вязаных изделиях однотипны; только на носках геометрические фигуры, составляющие орнамент, крупнее, чем на других изделиях. Основными орнаментальными элементами являются квадрат, ромб и крест с загнутыми концами. Последний элемент повторяется зачастую в тех же сочетаниях, что и на тканых поясах. На варежках и перчатках нередко бывает узор из звезд, преимущественно восьмиконечных. По рассказам информаторов, изделия с этим узором стали пользоваться большим спросом в последние годы. Однако сам узор довольно древний, он издавна знаком карелам и народам Прибалтики⁶².

Особого внимания заслуживает свастический орнамент, часто встречающийся на вязаных и тканых изделиях, а также на «зыренских» поясах. Известно, что свастика — древнейший орнаментальный мотив, зафиксированный в памятниках народного искусства различных стран Старого и Нового Света. В Восточной Европе он бытовал у карел, мордвы, марийцев, хантов и манси. Обратив внимание на распространение свастического узора преимущественно среди народов угро-финской группы и сравнительно малую известность его у восточных славян (за исключением некоторых групп южных русских), Б. А. Куфтин высказал мысль о неславянском происхождении свастического орнамента на территории

В «зыренских» поясах основным элементом орнамента является крест с загнутыми концами, нередко встречается свастика. Название этих поясов, техники их изготовления, широкое распространение аналогичных изделий у коми⁶¹ свидетельствуют о том, что появление «зыренских» поясов у русских Лешуконского района связано с коми-зырянами. Это подтверждается, на наш взгляд, и многоцветностью поясов: для их плетения использовали красные, желтые, зеленые, синие и коричневые нитки. Известно, что для Русского Севера характерна сдержанность в расцветке вышитых и тканых узоров, построенных, главным образом, на сочетании красного и белого тонов.

Вязаные изделия. Широко развито на Мезени вязаное чулок, варежек и перчаток. Своим многоцветностью и сложным геометрическим узором они похожи на вязаные изделия финских народов (карел, эстонцев, коми).

⁶¹ Белицер В. Н. Народное изобразительное искусство коми, с. 18, 20.

⁶² Там же; см. также: Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел с. 130.

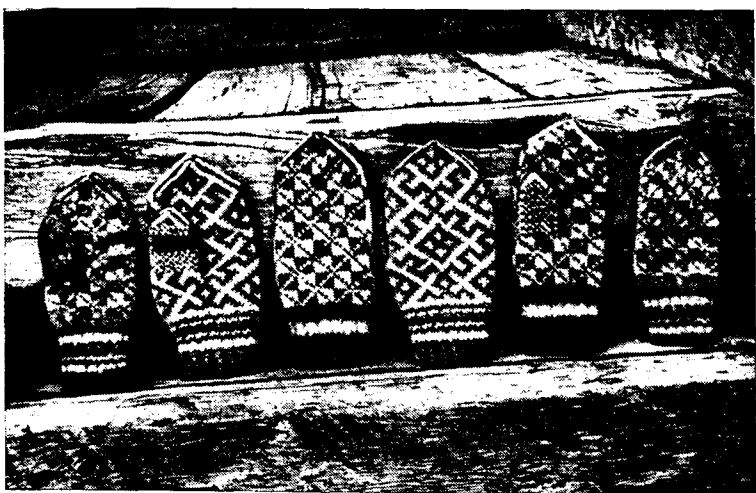

Рис. 14. Вязаные рукавицы работы Т. Л. Кириной (с. Палашелье Лешуконского р-на). Фото В. Топоркова, 1971 г.

Европейской России⁶³. Наши материалы о распространении свастики главным образом в районах, связанных с коми, подтверждают эту мысль.

Украшения. До наших дней сохранились старинные украшения мезенских женщин. И теперь носят ожерелья из янтаря, известные в Мезенском районе под названием «восковы перла», а в Лешуконском — «восковы предки» (т. е. прядки). Янтарь издавна добывали на побережье Балтийского моря; украшения из него носили женщины Прибалтики, северной России и Белоруссии. Если ожерелья из янтаря распространены во всех мезенских деревнях, то другие шейные украшения — металлические цепочки из маленьких колец с прикрепленным внизу крестом — бытовали главным образом в деревнях Лешуконского района. Их часто надевали вместе с янтарным ожерельем. Подобные цепи с крестами в качестве нагрудного украшения носили женщины коми⁶⁴. О древности этого вида украшений свидетельствует археологический материал. Небольшие крестики были обнаружены среди бус в женских захоронениях костромских курганов, датируемых X—XII вв. Подобные крестики найдены и в языческих могилах Эстляндии и Курляндии, а также в мерянских курганах Владимирской и Ярославской губерний. Встречались они в курганах Московской, Рязанской, Тверской и Петербургской губерний⁶⁵.

Особенно интересны металлические серьги, так называемые «чуски», из Лешуконского района. Эти серьги довольно массивны: к верхней части их, представляющей Ω -образную дугу, украшенную круглой зернью, снизу прикреплены пять подвесок-стержней с нанизанными на них металлическими бусинами, орнаментированными с помощью насечки. Аналогичные серьги с похожим названием «чуси» носили женщины коми⁶⁶. Подобные серьги находили в приладожских, костромских и вытегодских курганах. Известны они в украшениях карел⁶⁷ и у русского населения Среднего Поволжья⁶⁸. Лешуконские серьги носили с гусиными

⁶³ Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещеры. М., 1926, с. 64.

⁶⁴ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми, с. 279.

⁶⁵ Анучин Д. Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. — Материалы по археологии восточных губерний, Императорским Московским археологическим обществом. М., 1899, т. III, с. 19—

⁶⁶ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми, с. 279.

⁶⁷ Там же, с. 278—279.

⁶⁸ Бусыгин Е. П. Русское сельское население среднего Поволжья. Казань: Изд-во Анск. ун-та, 1966, с. 355.

цам серег. Известно, что пушки являются характерным ушным украшением южных великорусок⁶⁹. Их распространение отмечено также в некоторых районах Тверской, Псковской и Вологодской губерний⁷⁰. Зафиксированные нами пушки на далекой Мезени существенно дополняют картину географического распространения этого вида украшений.

* * *

Рассмотренный материал позволяет выделить в народном искусстве Мезени две зоны, связанные с историей заселения края: северную и южную. Как уже отмечалось, Мезень, согласно историческим сведениям, заселялась двумя потоками: с севера — новгородцами, с юга — смешанным коми-русским населением. Очевидно, в Мезенский район направлялся северный, а в Лешуконский — южный потоки мигрантов. Выявленные по материалам народного искусства особенности, касающиеся главным образом древнейших элементов культуры, свидетельствуют не только о непосредственных контактах русских и коми, но и о более глубоких процессах, обусловленных, вероятно, ассимиляцией русскими отдельными группами коми. Такие элементы народного творчества, как кружки на поясах, ромбический узор и «елочка» на повойниках, имеющие аналогии в культуре некоторых районов Владимирской, Костромской, Нижегородской и Вологодской губерний, дают основание говорить о связях жителей бассейнов Волги и северных рек. Древность подобных связей подтверждается топонимическими и археологическими исследованиями последнего времени⁷¹. Наши материалы, кроме того, позволяют судить о конкретных путях, по которым осуществлялись эти связи, а, возможно, и шло заселение края. Так, появлению на Мезени характерных мотивов живописного декора на прялках, коробах и других деревянных изделиях способствовал торговый тракт, соединявший Печору с Северной Двиной через среднее течение Мезени и Пинеги. Распространение других видов народного искусства: «щепных» птиц, фигурного печенья, некоторых орнаментальных мотивов на тканях и вышитых изделиях — указывает на связи сел Лешуконья с деревнями по Ваге, Кокшеньге и другим притокам Северной Двины, а также с Каргопольем и Белозерьем. О существовании подобных связей свидетельствует анализ ряда исторических документов. Жития святых, писцовые книги, царские грамоты и т. п. указывают на колонизационные пути из Каргопольского уезда на восток, к берегам Северной Двины и ее притоков Ваги, Сии, Емцы, Ваймуги и Пинеги⁷². Пинега же системой волоков через Вашку соединялась с средней Мезенью. Данные топонимии свидетельствуют о древности этих путей⁷³.

⁶⁹ Лебедева Н. И. Материалы по народному костюму Рязанской губ. Рязань, 1929 с. 23; *ее же*. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. М., 1927, с. 107—109.

⁷⁰ Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов, с. 730.

⁷¹ Фосс М. Е. Указ. раб.; Горюнова Е. И. Указ. раб.; Ономастика Поволжья. Материалы I Поволжской конференции по ономастике. Ульяновск, 1969 и др.

⁷² Очерки по истории колонизации Севера. В. 1. Пг., 1922, с. 42—43.

⁷³ Жеребцов Л. Н. К вопросу о заселении бассейна р. Вашки. — Изв. Коми филиала Всесоюзного географического об-ва, Сыктывкар, 1972, № 5, с. 171.

К. П. Калиновская

ТРАДИЦИОННОЕ СКОТОВОДСТВО В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

В изучении Африки давно установилась традиция рассматривать восточную ее часть, так называемую Высокую Африку (на севере — от Южного Судана, на Западе — по Белому Нилу, на Юге — до Конго), как особый регион континента. Среди многих факторов, определяющих свое

образе этого региона, следует выделить разведение в больших масштабах крупного рогатого скота¹, а также некоторые формы социальной организации. Так, в Восточной Африке сохранился, причем в наиболее толной и архаичной форме, своего рода социальный феномен — система возрастных классов², характерная для многих обществ доклассовой эпохи³.

Традиционное скотоводство и связанные с ним формы социальной организации — это важная и почти неразработанная проблема в изучении народов Африки. Под термином «традиционное скотоводство» понимаются в данном случае формы хозяйства, связанные с разведением крупного и мелкого рогатого скота и верблюдов, сложившиеся еще в доклассовую эпоху. В условиях Африки эти формы хозяйства отличаются большим консерватизмом. Пережив длительный период колониального господства, они сохранились у ряда народов до настоящего времени⁴.

Природные условия Восточной Африки благоприятны и для скотоводства, и для земледелия. Обширные саванны и степи, долины рек, склоны гор и холмов, равнины между горами являются хорошими пастбищами, хотя во многих местах разведению крупного рогатого скота препятствуют засухи, эпизоотии и распространение мухи цеце⁵. Земледелие возможно практически повсеместно, за исключением пустынных территорий, лишенных водоснабжения.

Принцип естественного разделения труда по полу и возрасту нашел четкое выражение в организации общественной деятельности народов Восточной Африки, вследствие чего возникли специфические формы социальной организации. Ярким примером могут служить скотоводы галла (в современной литературе — оромо) с их институтом возрастных классов «гада»⁶ и земледельцы ньякюса⁷ (занимающиеся и скотоводством), известные своими деревнями сверстников — локальными производственными коллективами. Характерно, что определенным формам ведения хозяйства соответствуют конкретные общественные институты, причем владение крупным рогатым скотом везде в Восточной Африке выступает как важный социальный фактор.

Скотоводство Восточной Африки еще не рассматривалось в достаточной мере с точки зрения теории хозяйственно-культурных типов. Между тем это позволило бы конкретнее представить взаимоотношения общества и природы, а также характер межэтнических связей. Материалы по Восточной Африке дают возможность рассмотреть проблему хозяйственно-культурных типов в историческом развитии. Например, данные XVI—XVII вв. определяют галла как «чистых» кочевников-скотоводов⁸. В дальнейшем образ жизни этого народа полностью изменился. Галла осели и адаптировались в среде более развитых земледельцев амхара, и постепенно их хозяйственно-культурный тип сложился в ряде мест как тип оседлых скотоводов, а кое-где как земледельцев с отгонным скотоводством⁹.

К началу колониального периода в Восточной Африке были, правда, в незначительном количестве, народы с чисто скотоводческим и с чисто

¹ Clark J. D. Atlas of African Prehistory. Chicago — L., 1967; Herskovits M. J. The Cattle Complex in East Africa. — Amer. Anthropologist. N. S., 1926, v. 28; *idem*. The Cultural Areas of Africa. — Africa, 1926, v. 13, № 1, p. 59—77.

² Jensen A. E. Im Lande des Gada. Stuttgart, 1936; Prins A. H. J. East African Age-Class Systems. Groningen, 1953; Schurz H. Altersklassen und Männerbünde. B., 1902.

³ Ольдерогге Д. А. Население и социальный строй. — В кн.: Абиссиния. 1936, с. 85—197.

⁴ Ольдерогге Д. А. Колониальное общество — этап в этническом развитии Тропической Африки. — В кн.: Проблемы населения и хозяйства стран Африки. Л.: ВГО, 1973, с. 3—11.

⁵ History of East Africa. Oxford, 1963, v. I, p. 21.

⁶ Guidi I. Historia Gentis Galla. — Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Aethiopici, series altera, t. 3. Parisiis, 1907.

⁷ Wilson M. Good Company. A Study of Nyakyusa Age-Villages. London — New York — Toronto, 1951.

⁸ Beckingham C. F., Huntingford G. W. B. Some Records of Ethiopia (1593—1646). — 1954.

⁹ Абиссиния. М. — Л., 1936, с. 85—197.

земледельческим хозяйством. Но наибольшее распространение получила своеобразная система хозяйства, в которой ведущими занятиями были земледелие и скотоводство. Однако назвать эту систему комплексной в обычном понимании этого термина едва ли возможно, так как обе основные отрасли хозяйства были значительно разобщены. Это имело следствием своего рода хозяйственный дуализм, основанный на половых возрастных различиях. Женщины, дети и старики жили оседло, занимались земледелием и (в меньшей степени) животноводством. Мужчины пасли скот в пустынных и степных областях, удаленных на значительное расстояние от земледельческой полосы. Разделение их сфер деятельности не может в полной мере рассматриваться как следствие разделения труда, так как члены каждой из групп существовали главным образом за счет своего собственного, в одном случае земледельческого, а в другом — скотоводческого хозяйства. Обмен имел место при сезонных посещениях мужчинами оседлых поселений, когда они прогоняли неподалеку от них свои стада. Но регулярным он не был, и значение обмена сильно варьировало у разных групп населения. Такой тип скотоводческого хозяйства был, например, у джиэ и туркана¹⁰.

В смешанном хозяйстве следует выделить разновидности, отличающиеся соотношением ведущих отраслей, а также особенностями скотоводческого хозяйства, быта и культуры¹¹. Существо хозяйственно-культурного типа определяется, как известно, формой и содержанием главной отрасли хозяйства. Разнообразие хозяйственных форм и вариантов комбинаций ведущих отраслей в обществах Восточной Африки показывают, что здесь мы имеем не один хозяйственно-культурный тип, а несколько, и еще ряд подтипов, разработка систематики которых требует углубленного изучения конкретных материалов.

В Восточной Африке везде, где нет мухи цеце, разводят крупный рогатый скот в основном двух видов: короткорогий горбатый — зебу и длиннорогий — анколе. Широко распространен и промежуточный вариант — безгорбый скот с мелкими кривыми рогами (Jersey bulls и Boran stock). Однако доминирует, как и повсюду в Африке, зебу, причем и на промежуточные виды крупного рогатого скота именно зебу оказал наибольшее влияние¹². Эти виды скота маломолочны, особенно в сухое время года. Размножаются быстро, в благоприятных условиях стадо удваивается за четыре года. Африканский скот хорошо скрещивается с европейскими породами, при этом возможно целенаправленное скрещивание для получения большего количества либо мясного, либо молочного скота. В Восточной Африке хорошими селекционерами в колониальное время показали себя масаи. Они нередко уводили лучших животных с ферм европейцев и скрещивали их в своих стадах из местных пород, создавая таким образом промежуточный тип крупного рогатого скота, дающего больше, чем местные породы, мяса и молока, и при этом отличающегося устойчивостью к африканским условиям¹³. На севере региона, преимущественно в Эфиопии, кроме крупного рогатого скота разводят еще верблюдов, лошадей, ослов. Мелкий рогатый скот — овцы и козы, имеющие иммунитет против сонной болезни, распространен повсеместно.

¹⁰ Gulliver P. H. The Family Herds. A Study of Two Pastoral Tribes in East Africa The Jie and Turcana. L., 1955.

¹¹ Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии XIX — первой трети XX в. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. LXIX, М.: Изд-во АН СССР, 1961; Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — Материалы по этнографии, в. 1. Л.: ГО СССР, 1961; Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов. — Сов. этнография, 1970, № 6; Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М.: Наука, 1972; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; Марков Г. Е. Кочевники Азии, М.: МГУ, 1976; Симаков Г. Н. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов. — Сов. этнография, 1978, № 6.

¹² Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980; Boston J. E. Cattle Breeds in Europe and Africa; Joshi N. R., McLaughlin E. A. Types and Breeds of African Cattle. — In: Man and Cattle. L., 1963, p. 105—109.

¹³ Merker M. Die Masai. B., 1904.

В соответствии с природными условиями складывались формы скотоводческого хозяйства. Для Восточной Африки с ее многообразием ландшафтов свойственно и разнообразие форм хозяйства.

Зарубежные авторы типологию форм скотоводческого хозяйства Восточной Африки сводят в основном к различению двух категорий. Первая, общая — пастушество (*pastoralism*) и вторая — кочевничество (*nomadism*)¹⁴. Неоднократно высказывалось также мнение о единообразии характера скотоводства в рассматриваемой области¹⁵. Иными словами, для зарубежных исследователей важен один критерий, детерминирующий характер скотоводческих обществ, — динамизм в образе жизни. Если народ владеет стадами, не занимается земледелием, постоянно переходит с пастбища на пастбище в зависимости от сезонных перемен — это кочевники.

Такой подход, однако, односторонен и уводит от изучения социальных институтов, связанных со спецификой хозяйства. Например, два культурно и исторически очень близких народа — джиэ (Уганда) и туркана (Кения)¹⁶ по форме хозяйства характеризуются в зарубежной этнографии как скотоводы кочевого типа¹⁷. Остановимся несколько подробнее на этих народах. И джиэ, и туркана разводят крупный рогатый скот, однако живут они в совершенно различных природных условиях. Страна джиэ — обширная пастбищная равнина, где среда благоприятствует и скотоводству, и земледелию. Земли туркана, напротив, — безводная, сухая полупустыня, обрамленная холмами и горами. У джиэ еще до колониального времени были постоянные в течение большей части года поселения, где, кроме содержания скота, женщины выращивали сорго. С наступлением сухого сезона все обитатели поселений уходили на пастбища, где устраивались стойбища для скота. С началом колониальной эпохи положение изменилось. По требованию британской администрации, которой легче было управлять оседлым населением, джиэ не должны были покидать свои постоянные поселения. Там все время года жили женщины, дети и старики. Только мужчины продолжали вести пастушескую жизнь.

Из сказанного видно, что оценивать однозначно хозяйство джиэ как кочевое или как оседлое нельзя. Предварительно можно лишь отметить, что традиционная форма их скотоводческого хозяйства определялась отгонным способом выпаса скота и полuosедлым образом жизни населения. Весь скот, или по крайней мере его основная часть, находился на отдаленных от поселений пастбищах, при этом контакты между группами земледельцев и скотоводов не прерывались. Какую-то часть года все население проводило совместно на пастбищах.

В колониальное время способ выпаса скота остался прежним, отгонным. Но изменился образ жизни скотоводов. Часть жителей уже никогда не покидала поселений, а пастухи возвращались в них со стадами в соответствующие сезоны. Такой тип хозяйства можно определить как оседло-скотоводство.

Туркана практически никогда не занимались земледелием. Основа их жизни — разведение крупного и мелкого рогатого скота и верблюдов. Зарубежные источники, определяющие туркана как чистых кочевников, содержат данные и о том, что у каждой их группы на равнине есть «главные усадьбы» — домохозяйства, в которых остается часть людей (обычно старшие жены семейства и их дети) и стада особо ценного скота. Эти люди не покидают поселения весь год или большую его часть. Остальное население переходит вместе со стадами с пастбища на пастбище по традиционным маршрутам вместе с семьями и имуществом. Из приведенных материалов следует, что туркана практикуют единственно возможное в

¹⁴ Cohen Y. A. *Pastoralism*. IV.— In: *Man in Adaptation. The Cultural Present*. Chicago, 1968.

¹⁵ Gulliver P. H. *The Family Herds...*, p. 2.

¹⁶ Gulliver P. H. *The Karimojong Cluster*.— *Africa*, 1952, t. 22, № 1.

¹⁷ Gulliver P. H. *The Family Herds...*, p. 16—20; Lamphear J. *The Traditional History of the Jie of Uganda*. Oxford, 1976.

их суровых природных условиях пастбищное скотоводство получило очень подвижного типа¹⁸. Во всяком случае, даже по предварительным наблюдениям их нельзя отнести к «чистым» кочевникам (номадам), поскольку часть населения со стадами живет в постоянных поселениях, не занимаясь при этом земледелием.

В целом по всей Восточной Африке к кочевому типу скотоводства следует, вероятно, отнести хозяйство галла до их расселения на территории Эфиопии в XVI—XVII вв.¹⁹ и масаев доколониального периода²⁰.

В течение трех веков складывалась смешанная форма хозяйства нилотов луо. Наряду с обработкой земли под посев они занимались также отгонным скотоводством. Образ жизни большинства групп луо оседлый. Доли скотоводства и земледелия в их хозяйстве примерно одинаковы²¹.

Ньякюса и нгонде (Малави, Танзания) также ведут смешанное хозяйство²². Главная отрасль его — земледелие. Однако разведение зебу занимает значительное место в хозяйстве. Эти два народа издревле вели оседлый образ жизни. Пахотные земли располагались вокруг поселений, стада мелкого рогатого скота паслись вблизи усадеб, а крупный рогатый скот отгонялся пастухами на значительное расстояние от поселений. Скотоводческое хозяйство ньякюса и нгонде было отгонным.

В Уганде в районе горы Элгон живут скотоводы себей²³. Их хозяйство определяется условиями выпаса скота. Стада пасут в основном на горных склонах, постепенно поднимаясь вверх по мере смены сезонов и затем спускаясь вниз к подножию гор. При этом вместе со скотом на пастбища переселяется большая часть населения, осуществляющая пастбу и уход за стадами. Образ жизни этого народа полуоседлый, а скотоводческое хозяйство следует определить как трансгуманс. Даже приведенные немногочисленные примеры дают представление о разнообразии способов выпаса скота и образа жизни населения в Восточной Африке. Разнообразие скотоводства складывалось постепенно в ходе исторического процесса расселения этнических групп по всей обширной территории Восточной Африки. Параллельно, как уже говорилось, создавались своеобразные формы социальной организации народов. При всем разнообразии социальной жизни народов нельзя не заметить некоторых ее общих черт.

Обратимся к основным средствам производства. В скотоводческом хозяйстве их составляют скот и то, что необходимо для его воспроизводства, — земли, пастбища, солончаки и водные источники. Известно, что собственность на основные средства производства, в данном случае на скот, определяет характер социально-экономических отношений в обществе. В традиционных обществах Восточной Африки стадо было собственностью семьи²⁴. Только глава семьи мог распоряжаться животными из общего семейного стада. Эта черта производственных отношений всех традиционных обществ доколониальной эпохи сохранилась и позднее у многих народов региона. Ни одно связанное с животными из семейного

¹⁸ Gulliver P. H. The Family Herds..., p. 21; о понятии «подвижное скотоводство» см.: Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология. — Сов. этнография, 1981, № 4, с. 90; его же. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества. — Там же, 1982, № 4, с. 84; Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. — Там же, 1982, № 2, с. 52.

¹⁹ Beckingham C. F., Huntingford G. W. B. Op. cit.; Budge W. History of Ethiopia, v. I. L., 1928; Cerulli E. Etiopia occidentale, v. I—II. Roma, 1933—1934; Gudrun Bahl. Ecology and Equality: The Boran Case. — In: Pastoral Production and Society. Cambridge, 1979, p. 261—264.

²⁰ Cohen Y. A. Op. cit.; Hollis A. C. The Masai. Oxford, 1905; Huntingford G. W. B. The Southern Nilo-Hamites. L., 1953; Merker M. Op. cit.

²¹ Ndisi J. W. A Study in the Economic and Social Life of the Luo of Kenya. Lund, 1974.

²² Wilson M. Op. cit.; idem. For Men and Elders. L., 1977.

²³ Goldschmidt W. The Operations of a Sebei Capitalist — A Contribution to Economic Anthropology. — Ethnology, 1972, v. 11, № 3, p. 187—201.

²⁴ Першц А. И. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 155, 164; Gulliver P. H. The Family Herds...

стада действе социального или экономического характера не могло быть произведено без разрешения главы семьи. Продуктами животноводства могли свободно распоряжаться держатели определенного количества животных из семейного стада, т. е. те, меж кем стадо распределено, прежде всего близкие родственники. При этом традиционно стадо как членами данной семьи, так и всеми окружающими, воспринимается как неделимая семейная собственность. Эта традиция способствовала сохранению целостности семейного стада, а следовательно, его воспроизводству и стабильности положения семьи, пока она не разрасталась и не начинала дробиться. Прежде всего это касается обществ с полукочевым характером скотоводческого хозяйства, где специфика условий ухода за стадом вызвала необходимость дробления стада и соответственно формирования небольших социальных групп, связанных временными узами хозяйства. У традиционных обществ Восточной Африки обнаруживаются различные нормы распределения стада и продуктов скотоводства между членами семьи и другими лицами. Эти нормы зависят от общего числа животных в стаде, соотношения крупного и мелкого рогатого скота, от формы скотоводческого хозяйства (способа выпаса и образа жизни) и социальной структуры.

В нормах наследования также есть своя специфика. Общим для традиционных скотоводческих обществ региона является то, что скот наследуют только мужчины. Право на пользование продуктами животноводства может наследоваться и женщинами. Например, у джиэ мать могла передать по наследству своей незамужней дочери право на пользование продуктами от животных, выделенных ей главой семьи, ее мужем. Однако и в этом случае было необходимо согласие главы семьи²⁵.

Ареалы кочевания народов Восточной Африки складывались веками под воздействием миграционных и этнических процессов, протекавших здесь очень активно. Этнические границы никогда не были абсолютно неподвижны, однако менялись они постепенно, подчас даже незаметно для каждого поколения в отдельности. В каждой этнической группе от поколения к поколению передавалось знание границ своей территории, а история каждого народа вносила свою поправку в эту информацию. Земля, по которой народ передвигался со стадами и на которой строил свои поселения, воспринималась как общее владение. Мысль Маркса о том, что у скотоводов «присваивалось» только стадо, а не земля, ибо стадо было обособленным владением, а земля общей, находит подтверждение в материалах по Восточной Африке²⁶. Например, у джиэ каждый владелец стада произвольно, по собственному разумению, выбирает маршрут перекочевки с юга на север и с востока на запад в дождливое время года. Однако в сухой сезон вступает в действие неписанный, сложившийся из практики и ставший традицией закон, согласно которому следовало откочевывать из западной части страны, чтобы эти пастбища могли восстановиться. Такой режим был издавна продиктован природой, ибо земли являлись жизненным резервом для всех. Никто не смел нарушить этот запрет, так как земля признавалась общей и забота о ней была общим делом²⁷.

Передвигавшиеся со скотом домохозяйства останавливались обычно у водного источника, объединяясь в одну соседскую группу. Если хозяйства приходили сюда одновременно, то пользовались пастбищем и водой сообща. Если же чье-то домохозяйство появлялось первым, как часто бывало на деле, то право первопоселенца обычно позволяло этому хозяйству взять на себя распоряжение местными природными благами и даже кому-то в них отказать²⁸. Это, конечно, не собственность, а только право на временное пользование, ибо через некоторое время данная

²⁵ Gulliver P. H. The Family Herds...; Lamphear J. The Traditional History of the Jie of Uganda. Oxford, 1976.

²⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 480.

²⁷ Gulliver P. H. The Jie of Uganda.— In: Man in Adaptation. The Cultural Present. Chicago, 1968; *idem*. The Family Herds..., p. 18.

²⁸ Gulliver P. H. The Family Herds..., p. 11.

группа переходила к другим источникам или солончакам, а следую- занимала ее место на тех же основаниях. У оседлых скотоводов территория для выпаса скота бывала гораздо меньшей, чем у полукочевых, и располагалась обычно вокруг постоянных поселений. При этом хозяйства объединяли свои стада в группы по принципу производственной кооперации. Поскольку территория выпаса была ограничена, то часто приходилось менять маршруты стад к водопою, чтобы восстановить вытоптанную скотом траву. И здесь ни у кого не было особого преимущества в праве на использование пастбищ, так как земля была общей со времен заселивших ее предков. Земля воспринималась как одна из главных ценностей и как таковая отражалась в системе мировоззрения и идеологии общества. Например, луо и кикую (Кения) считали землю матерью народа, и старики при встрече обычно обращались друг к другу не иначе как: «Приветствую тебя, сына земли!»²⁹.

Организация производства зависела от распределения ведущих отраслей в хозяйстве, и в этом проявлялся руководящий принцип разделения труда. В тех обществах, где ведущей отраслью было скотоводство, главная роль принадлежала мужчинам. Здесь женщины к крупному рогатому скоту не допускались; сферой их деятельности были мелкий рогатый скот, домашнее хозяйство, огород, собирательство. В хозяйстве, где существенная роль принадлежала земледелию, основной производительной силой были женщины. Мужская помощь применялась лишь при обработке целины. Однако заметим, что степень участия мужчин и женщин в хозяйстве значительно варьирует в зависимости от формы скотоводческого хозяйства.

По сравнению с земледельческим хозяйством в скотоводстве, связанном главным образом с разведением крупного рогатого скота, гораздо раньше появилась тенденция использования труда зависимых членов общества. Это, видимо, связано с формой собственности на стадо. В то время как пахотная земля в доколониальное время находилась в общем владении, стада издавна представляли обособленную собственность с абсолютным правом глав семей распоряжаться животными. Первый вид зависимости проявлялся уже на уровне семейного родства. Сыновья, незамужние дочери, жены — все зависимы от главы семьи прежде всего в экономическом отношении. Эта зависимость распространялась и за пределы семьи на более широкий круг родственников. Обретение экономической и социальной независимости молодыми членами семьи было связано прежде всего с владением скотом. До тех пор пока семейное стадо не достигало определенных размеров, его глава не позволял своим сыновьям отделиться от семьи и создать собственные, относительно самостоятельные домохозяйства. Но и после отделения эти отпочковавшиеся семьи оставались в некоторой зависимости от отца³⁰.

Чем больше было семейное стадо (хотя в условиях экстенсивной скотоводческой экономики его размеры ограничены), тем больше требовалось труда для ухода за ним. В соответствии с этим складывались различные формы экономических отношений, которые условно можно квалифицировать по формам зависимости. Так, большое стадо требовало его рассредоточения по обширной местности, чтобы сохранить пастбища, в какой-то мере избежать эпизоотии и грабежей. Для этого было необходимо соответствующее число пастухов, которых набирали в первую очередь из родственников и малоимущих соседей³¹. Существовали и другие экономические и соционормативные отношения в скотоводческом хозяйстве, порождавшие в обществе различные виды зависимости (например, отдача некоторого числа животных другому лицу на выпас, обеспе-

²⁹ Ndisi J. W. Op. cit., p. 11—12.

³⁰ Gulliver P. H. The Family Herds...; Кобищанов Ю. М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М.: Наука, 1982; Община в Африке. М. Наука, 1981.

³¹ Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968, с. 257, 259, 264, 270, 271.

чение скотом социально связанным с владением стада лиц для их брачного выкупа и др.). С проникновением в традиционную экономику товарно-денежных отношений такого рода экономические взаимосвязи обретают уже более резкие черты зависимости, — черты эксплуатации³².

В традиционных обществах Восточной Африки минимальной социальной и экономической структурной единицей была малая семья, состоявшая из ее главы, его жены (жен) и их детей. Полигиния — широко распространенное явление. Неразделенная семья — несколько поколений близких родственников (кровных и свойственников), совместно владеющих средствами производства и участвующих в хозяйстве, — здесь не универсальное, но преобладающее явление. Наиболее стабильны неразделенные семьи в обществах со смешанным хозяйством (консо, нуэр, кикую). В скотоводческих обществах дело обстояло иначе. Там, где были постоянные поселения, например у джиэ, обычно вместе селилась вся неразделенная семья. Однако совместное кочевание со стадами всех родственников необязательно, обычно достаточно было отца и его сыновей. Нередки были случаи кооперации двух-трех родных или двоюродных братьев. Довольно широко практиковалось объединение для кочевания нескольких соседских хозяйств³³. Все такого рода объединения легко возникали и распадались. В обществах с чисто скотоводческим хозяйством, а их было немного в регионе (галла, масаи), минимальной экономической ячейкой была малая семья. Объединения (на основе родства, а также дружбы и взаимопомощи) возникали лишь на время дальних перекочевок.

В Восточной Африке на формы общественной организации сильное влияние оказал широко представленный здесь институт возрастных классов (система возрастных классов)³⁴. В пору своего расцвета этот социальный институт выполнял функцию организатора всей общественной жизни от формирования органов управления до создания регулярных специализированных производственных коллективов, пополнявшихся по принципу сверстничества³⁵. Действие системы возрастных классов обнаружено в оседлых обществах со смешанным типом хозяйства (консо, нуэр, кикую, ньякюса) и у скотоводов (галла, масаи, туркана). У последних этот институт сохранился дольше и в более полной форме.

Значение скота как социального фактора проявлялось во всех сферах действия системы возрастных классов и прежде всего в производстве, организованном в соответствии с принципом социально-возрастного разделения труда. Признак социально-возрастного сверстничества, согласно правилам системы, объединял людей в производственные коллективы, специализация которых определялась комплексом хозяйственных и социальных задач. Так, группы молодежи, находясь на первых ступенях системы возрастных классов, проходили обучение и выполняли отдельные связанные со скотом работы в качестве подручных. Переходя на старшие ступени системы, они становились воинами и пастухами, а позже членами органов управления в обществе. Социальная жизнь подростка начиналась с его посвящения (инициации), причем символом социализации выступал бычок, полученный во время церемонии от отца³⁶. С этого момента вся жизнь мальчика была связана с уходом за крупным рогатым скотом, тогда как до посвящения он ассоциировался с женщи-

³² Зейверт В. Д. Кочевники Западной Сахары в процессе этнической консолидации (анализ социальной и этнической структуры в конце XIX — начале XX в.). Дис. на соискание уч. ст. канд. историч. наук. М.: МГУ, 1977; Goldschmidt W. Op. cit., p. 187—201; Murdock G. P. Africa. Its Peoples and Their Culture History. N. Y., 1959, p. 76, 95, 265.

³³ Gulliver P. H. The Family Herds...

³⁴ Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. М.: Наука, 1976.

³⁵ Jensen A. E. Op. cit.; Krapf R. J. L. Travels, Researches and Missionary Labours, during an Eighteen Years Residence in Eastern Africa. L., 1860; Legesse A. Gada. Three Approaches to the Study of African Society. N. Y., 1973.

³⁶ Huntingford G. W. B. The Galla of Ethiopia. L., 1955; idem. The Southern Nilo-Hamites; Knutsson E. K. Authority and Change. Göteborg, 1967; Wilson M. Good Company, p. 23.

нами, выполняя женскую работу. Даже терминология отражает перемены в социальном положении инициированного. Так, у кикую до инициации терминологически пол детей не различается, но после ритуала мальчикам и девочкам присваивали разные названия, подчеркивавшие их различное социальное положение в общественной структуре и хозяйственной сфере³⁷. После посвящения наступала четкая специализация деятельности по полу и возрасту, причем этому соответствовала табуация определенных видов труда³⁸.

Каждый ритуал в действии возрастной системы сопровождается «участием» скота и связанной с ним атрибутикой (кровь, молоко, масло, шкуры и пр.). Разделка туши жертвенного животного происходит в соответствии с социальными рангами возрастных ступеней³⁹. Все ритуалы закрепляют причастность членов системы возрастных классов к крупному рогатому скоту, выступающему везде, даже у народов, почти не имеющих стад, как символ богатства и престижа. Возрастные подразделения кузнецов, как известно, относились обычно к низкой социальной категории. На этом основании скот, который кузнецы захватывали в общих военных набегах, потом, как правило, у них отбирался, ибо скотом имеют право владеть только полноценные в социальном отношении члены общества⁴⁰.

Можно сказать, что значение скота в социальной жизни обществ, имеющих систему возрастных классов, очень велико. Так, именно скот был фактором, укреплявшим родство (кровное и свойство). В этих обществах родство воспринималось в первую очередь как система взаимных обязательств, осуществлявшихся посредством владения скотом и перераспределения его. Поэтому положение «родство — это скот» раскрывало сущность отношений по родству. Например, някюса в разговоре с европейцами задавали риторический вопрос, в котором ясно выражена мировоззренческая связь скота с системой общественных отношений этого народа: «Раз вы, европейцы, не отдаете брачный скот, откуда же тогда придет родство?»⁴¹. У нгонде, как и у някюса, «ранг распознаваемого родства» выявлялся наиболее четко в ритуале обмена скотом при заключении браков⁴². Выделение из семейного стада брачного скота — дело первостепенной важности для всей родственной группы. Это был акт большого экономического и социального значения, имевший немаловажные последствия. Если из семьи уходила дочь, семья лишалась рабочих рук, но от брачного выкупа семейное стадо получало скот, уход за которым требовал дополнительного труда. Если женился сын, прибавлялась трудовая единица в семье, последняя же лишалась части семейного стада, которая в форме брачного выкупа перегонялась в стадо родителей невесты.

В области социальной брак (а он считался законным только после перегона брачного скота из одного семейного стада в другое) расширял сеть родства, т. е. круг лиц, причастных к системе взаимных моральных обязательств, проявлявшихся в экономической и социальной сферах общественной жизни.

Существовало множество операций, связанных со скотом. В традиционных обществах почти все они имели не только экономическую, но и соционормативную значимость. Так, на семейные торжества и на поминки гости (не родственники) приносили утварь, одежду, пищу, но лишь родственники из семьи покойного или чествуемого на торжестве приво-

³⁷ Lambert H. E. Kikuyu Social and Political Institutions. London, 1946; p. 2; Middleton J. The Kikuyu and Kamba of Kenya.— In: East Central Africa, pt. V. L., 1953.

³⁸ Evans-Pritchard E. E. The Nuer: Age-Sets.— In: Sudan Notes and Records, 1936, v. 19, p. 234—243.

³⁹ Lienhardt G. Divinity and Experience: The Religion of Dinka. Oxford, 1961; Merker M. Die Masai. B., 1904, S. 169—170; Дэвидсон Б. Африканцы. М.: Наука, 1975, с. 46.

⁴⁰ Merker M. Op. cit.

⁴¹ Wilson M. For Men and Elders, p. 7.

⁴² Ibidem.

дали скот⁴³. Здесь скот выступал как ценность, закреплявшая, с одной стороны, родство, а с другой — целостность семейного стада: животных брали из своей семьи и отдавали в свою же семью. Основной экономический принцип скотоводческого хозяйства всегда заключался в том, чтобы не расходовать крупный рогатый скот — гарантию жизни семьи, а приумножать его. В случае смерти жены семья ее родителей должна была возместить утрату: либо отдать другую свою родственницу, либо вернуть брачный скот. Невыплата брачного выкупа лишала мужчину права отцовства, и его дети переходили вместе с их матерью в семью последней, становясь детьми деда по матери⁴⁴. Большое социальное значение имел институт дарения. Действия по принципу «дар — ответный дар», между кем бы они ни производились — родственниками или друзьями, служили укреплению уз дружбы, добрых отношений и взаимозависимости. Действие по форме «просто дар» чаще встречалось среди родни. Так, отец дарил первого бычка своему сыну в день его инициации (иногда бычка дарил и брат матери). Дарение животного — важный социальный акт: именно с этого бычка мальчик начинал собирать собственное стадо в рамках общесемейного. В такого рода дарениях могли участвовать только самые близкие родственники, так как бычок на инициацию должен быть обязательно из общесемейного стада. С момента посвящения ребенка законным порядком приобщался к системе родства и взаимных обязательств. Инициация освящалась «участием» в ней скота, — важнее символа для скотоводов нет.

Мать могла подарить незамужней дочери корову или телку. Следует, однако, иметь в виду некоторую условность такого дара: женщины крупным рогатым скотом вообще владеть не могли. Желая помочь дочери, мать дарила ей не самих животных, а только право ухаживать за ними и пользоваться продуктами от них (право узуфрукта).

При рождении в семье ребенка родные дарили родителям скот. Это означало, что при тех же обстоятельствах в другой ячейке данной большой семьи родители этого новорожденного должны будут ответить таким же даром. Подобные обязательства были взаимны.

Сын, наследовавший стадо отца, занимал его место в сети обязательств. Он должен был одаривать родню и заботиться о женитьбе своих братьев. Если же он, желая жениться вторично, берег скот для себя и не хотел наделить им брата, родня вправе была напомнить ему, что он «бывал погребальных животных отца» и, следовательно, принял на себя его обязательства. Надо сказать, что нарушение кем-либо подобных обязательств наносило непоправимый ущерб его престижу⁴⁵.

Широкое использование скота в ритуальных действиях, экономические и социальные операции, связанные с перераспределением скота в рамках семьи и между кооперациями социальных групп — все это показывает, что крупный рогатый скот — фактор, укрепляющий и расширяющий сеть родственных связей. Посредством передачи скота ритуально закреплялись родственные узы и преемственность поколений. Крупный рогатый скот в традиционных обществах со скотоводческим хозяйством — материальная основа и символ социального престижа. Забота о престиже начинается уже с детства. Если подросток не получил по какой-либо причине от отца или дяди своего первого бычка, он не будет инициирован вовремя, а значит, отстанет в социальном росте от своих сверстников. Не было ничего унижительнее такого состояния. Поэтому вся родня подростка старается его выручить, тем более что акт инициации ближайшего родственника отражался и на престиже его родственной группы⁴⁶. Престиж каждого члена общества рос вместе с ростом его семейного стада. Обязательное участие в ритуальных действиях и праздниках требовало экономической доли от всех участников, не всегда всех одновре-

⁴³ Wilson M. For Men and Elders, p. 30.

⁴⁴ Herskovits M. J. The Cattle Complex..

⁴⁵ Gulliver P. H. The Family Herds...; Wilson M. For Men and Elders, p. 41.

⁴⁶ Evans-Pritchard E. E. Op. cit., p. 237.

менно, чаще по очереди. Каждый был заинтересован иметь как можно больше материальных возможностей для этого. Личное стадо, являвшееся частью семейного, увеличивалось не только благодаря подаркам родственников и естественному приплоду, но и за счет животных, похищенных во время набегов на стада соседних народов. Чем больше было стадо, тем больше его владелец мог использовать животных в действиях обеспечивающих рост престижа. Он мог со временем сам делать подарки, укрепляя тем узы родства и дружбы. От размеров стада зависела его способность устраивать мясные ритуальные трапезы для своей социальной группы. Скот определял возможность вступления в брак и получения социально-экономической независимости. В традиционном обществе скот постоянно «обращался» по внутренним каналам социальных связей. Это было главной целью создания и увеличения стада. Чем шире владелец стада мог обеспечить такие связи, тратя на них скот, тем крепче становилась сеть взаимных обязательств между ним и обществом и тем выше был престиж этого скотовладельца. Таким образом, каждый член скотоводческого общества — традиционный накопитель социального статуса. Статус тем выше, чем шире были возможности индивида постоянно расширять свое материальное достоинство среди социально связанных с ним людей. Обмен ценностями по принципу «дар — ответный дар» был тем интенсивнее, чем больше материальных возможностей было у участников этого взаимного действия и чем выше, следовательно, было их социальное положение⁴⁷.

Таким образом, в Восточной Африке широко представлены разные типы традиционного производящего скотоводческого хозяйства, система которых еще не разработана. Однако можно утверждать, что сведение их к двум типам — пасторализм и номадизм — как это делают зарубежные исследователи, упрощает и схематизирует реальную картину. Как показывают фактические данные, в этой обширной области с разными образными природными условиями обнаруживается наличие по крайней мере нескольких типов скотоводческого хозяйства: пастбищное (кочевое, полукочевое), трансгуманс (пастушеское) и отгонное (оседлое, полuosедлое)⁴⁸.

Дальнейшее изучение форм скотоводческого хозяйства в Восточной Африке и их типологизация будут способствовать определению хозяйственно-культурных типов традиционных обществ этой обширной области, следовательно, воссозданию общен исторической картины этнических процессов, протекавших здесь в предколониальную эпоху.

⁴⁷ Максимов А. Н. Скотоводство малокультурных народов. — Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН. М., 1927, т. 2, с. 4—10.

⁴⁸ В работах зарубежных авторов встречаются и иные, также двучленные типологии скотоводства Восточной Африки. Так, выделяются «номадизм» и «стационарное скотоводство» или «большой» и «малый» номадизм. См. например: Schinkel H.-G. Haltung, Zucht und Pflege des Viehs bei den Nomaden Ost- und Nordostafrikas. В., 1970.

⁴⁹ Типологию скотоводства см. в статье Г. Е. Маркова в настоящем номере журнала; см. также: Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1982.

Г. Штробх

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА

Всевозможные конгрессы, симпозиумы и деловые командировки неизменно рождают у немецких исследователей фольклора чувство зависти к фольклористам других стран. Ведь у нас давно уже нарушилось, по большей части и совсем прервалось развитие архаической фольклорной традиции, тогда как фольклористы многих стран до сих пор имеют возможность непосредственно изучать богатые и многообразные фольклорные традиции.

формы. С другой стороны, немецким исследователям известно множество исторических источников, свидетельствующих о существовании богатой фольклорной традиции у немецкого народа. Именно это определило характер немецкой фольклористики как исторической дисциплины. Историческая точка зрения была характерна уже для концепции Гердера; она явно сказалась и в тяге романтиков к изучению и восприятию фольклора. Основы для научного изучения фольклора как одной из отраслей историко-сравнительной филологии были заложены Я. Гриммом. Следует также отметить, что первое обширное собрание народных песен Л. Уланда, вышедшее в двух томах в 1844 и 1845 гг., — «Старинные верхне- и нижненемецкие песни» («*Alte hoch- und niederdeutsche Lieder*») содержало только исторические песни, в основном XVI в.

Источников для исторического изучения немецкого фольклора достаточно: многие из них можно с известной мерой достоверности отнести ко второй половине XV в.; отдельные драгоценные свидетельства восходят к позднему средневековью, и только некоторые менее достоверно — к средневековью раннему. Большой вклад в исследование и издание исторических источников внесен позитивистской буржуазной наукой; соответствующие труды и по сей день лежат в основе любого исторического исследования немецкого фольклора. Труды И. Больте и А. Коппа широко признаны в европейской науке.

Вместе с тем до сих пор еще нет достаточно глубоких и полных обобщающих исследований по истории отдельных жанров и тем более — всего немецкого фольклора в целом¹. Ученые занимались главным образом монографическим исследованием эволюции отдельных текстов, их типов и групп. Даже сравнительному анализу региональных традиций в историческом аспекте не уделялось должного внимания. Это объяснялось рядом причин. Одна из них заключается в том, что в поздней буржуазной науке господствовало представление о народной культуре и о словесном фольклоре как о некоей исконно существующей, не меняющейся субстанции. Подобная концепция, естественно, не могла способствовать появлению подлинно исторических исследований. Действительно, многие прозаические и песенные тексты столетиями жили в народной памяти, но это еще не означает полной неизменяемости традиции. Даже если сюжеты и типы сохранялись очень долго, непрерывно менялись их форма и характер изложения. Устная народная традиция постоянно варьирует, в результате чего появляется бесконечное множество чем-то отличающихся друг от друга отдельных редакций текста. Кроме того, в процессе бытования и передачи текста из поколения в поколение в него включаются новые сюжеты и типы, а многие старые исчезают. В ходе исторического развития изменяется и развивается социально-культурная функция словесного фольклора. Даже в пределах одной эпохи она варьирует применительно к разным классам и слоям общества. Так, например, по источникам XV — начала XVI в. — времени, когда впервые началась систематическая фиксация немецкой народной поэзии, песенные и прозаические повествовательные жанры, народные изречения и рассказы «былых людей» в прозаической и стихотворной форме составляли важнейшую часть культуры как деревенского населения, так и низших городских слоев. В то же время в средних бюргерских слоях и прежде всего среди ремесленников, мелкого купечества наряду с этими фольклорными жанрами бытовали литературные сюжеты и формы (например мейстерзанг). По мере распространения грамотности в XVI в. в системе духовной культуры средних, а позднее и нижних слоев бюргерства, а начиная с XIX в. — и сельского населения все более падал удельный вес традиционных жанров народного поэтического творчества, которые постепенно вытеснялись самым разнородным чтением. В ходе исторического развития изменяются не только содержание и форма отдельных жанров народ-

¹ См. краткую библиографию по истории немецкого народного творчества: *Deutsche Volksdichtung. Eine Einführung*/Hrsg. vom Autorenkollektiv unter der Leitung von Strobach H. Leipzig, 1979, S. 375—376.

творчества, но и их место в системе других жанров; они играют также иное общественное значение. Так, например, для немецкой устной повествовательной традиции XIX в. характерно доминирование шванка и вообще комических и развлекательных жанров и типов; сказки и былички о сверхестественных существах в основном отступают на задний план. Известно также, что не только сказки, но и некоторые виды песен в XIX — начале XX в. перекочевали из мира взрослых в мир детей. Передача текста все реже происходила устно и по памяти, возрастала роль книги. Сегодня же текст передается почти исключительно при помощи книги или технических средств коммуникации. Стало быть, изменялись и состав носителей традиции, и формы передачи народного творчества или определенных его жанров. Из сказанного выше ясно, что нельзя рассматривать народное творчество как нечто неизменное и однородное. Оно всегда было развивающимся, многообразным и многослойным явлением.

Невероятное изобилие постоянно меняющихся форм текстов и их содержания, а также многообразие социальных связей и культурных соотношений и функций фольклора несомненно приводили к тому, что исследователи редко отваживались на исторические обобщения, а если это и случалось, то их выводы неизменно объявляли слишком смелыми и преждевременными.

Действительно, при любой попытке обобщенного исторического изучения народно-поэтического творчества какой-либо этнической общности неизбежно возникают трудные проблемы, которые во всей их полноте я не берусь рассмотреть, хотя бы предварительно. Остановлюсь лишь на трех комплексах проблем, особенно важных для исторического исследования народного творчества: 1) источники; 2) историческое изучение функций фольклора; 3) значение диалектического соотношения стабильного и изменчивого в народной традиции.

Итак, первая проблема, возникающая при любом историческом исследовании — это определение характера информации, содержащейся в источнике, т. е. степени ее полноты, а также аутентичности источника. Иными словами, при изобилии исторического материала овладеть им весьма трудно; нельзя также не отметить существенных пробелов в имеющихся данных, а также неаутентичности значительной части доступных источников.

Естественно, что при любом исследовании приходится пользоваться лишь определенной частью всех существующих материалов по теме. При историческом исследовании критерии отбора источников должны зависеть от тенденций и основного направления исторического развития предмета исследования. Историческая картина, полученная в результате анализа отобранного материала, будет неизбежно беднее, чем реальное многообразие отдельных явлений традиционной народной поэзии. Она сможет передать их только приближенно. Но вместе с тем во всем многообразии и многослойности явлений можно проследить важнейшие признаки и тенденции исторического развития фольклора. В конечном счете речь идет, стало быть, не о проблеме источников, а о методологии, которой мы еще коснемся, говоря о третьем комплексе проблем.

Для обработки обширных материалов неоднократно предлагались, а отчасти уже применялись количественные методы. В будущем, как считают многие ученые, без количественных методов «нельзя будет обойтись, так как все большее число источников будет постепенно обращено в цифры, перфокарты, таблицы и программы для компьютеров»². Современная оценка достоинств и недостатков количественных методов колеблется от абсолютного скепсиса до чрезмерно преувеличенных надежд. Причина такой полярности взглядов в еще недостаточной ясности вопроса о роли количественных методов в историко-этнографических исследо-

² Engelberg E. Ereignis, Struktur und Entwicklung in der Geschichte. — In: Probleme der geschichtswissenschaftlichen Erkenntnis/Hrsg. von Engelberg E. und Küttler W. Berlin, 1977, S. 20.

ваниях. Чтобы правильно оценить значение подобных методов, нужно исходить из того, что их применение предполагает следующие условия:

1. Постановку вопроса или задачи в зависимости от специфики социально-исторической действительности и уровня ее изученности.
2. Наличие научно обоснованной теории, которая может быть в достаточной степени формализована для применения количественной методики.
3. Обоснованную оценку имеющихся источников, для чего и в дальнейшем должны применяться традиционные методы их верификации.
4. Критическое использование уже накопленных знаний о предмете исследования.

Отсюда ясно, что в рамках общетеоретических и методологических принципов количественные методы ни в коем случае не исключают других. Поэтому можно с уверенностью говорить о вспомогательном характере количественной методики³. Именно это обстоятельство и позволяет думать, что в будущем необходимость в ней возрастет, и границы ее применения расширятся. С ее помощью будет легче освоить всю полноту материала. Но сама по себе проблема обилия материала будет стоять с прежней остротой, так как возможность технической обработки большого массива источников неизбежно увеличит стремление к вовлечению все новых и новых данных. Это означает, что сохранится характерная для всякой обобщающей работы тенденция к верификации общих построений при помощи как можно большего числа источников.

Неполнота источников по-прежнему остается основной трудностью всякого этнографического и фольклористического анализа. Даже при самой напряженной собирательской деятельности из всех действительно исполняемых вариантов песен в многообразном потоке песенного творчества определенной области в определенное время фиксируются фактически лишь отдельные случаи, примеры, пробы. Особенно остро ощущается неполнота источников, когда мы обращаемся к «контексту», т. е. стремимся выяснить всю область социальных и культурных отношений, в которых в конкретных исторических условиях живет любой текст. Проблема «контекста» в качестве эвристического принципа присутствует во всяком исследовании и требует соответственного источниковедческого и аналитического инструментария. Следует также учитывать, что методы и цели собирания и исследования материала имеют исторически обусловленные границы. В качестве примера сказанному выше нужно привести работу по собиранию народной песни. Первые записи были сделаны Гете в Эльзасе в 1770 г. Вслед за тем появилось великое множество записей, которые помещались во многих изданиях, группировались по местностям, жанрам и тематическому признаку, по историческим периодам. Кроме весен, опубликованных в общих сборниках и сводах, накопилось еще множество рукописного материала в архивах, главным образом фольклорных. Но несмотря на интенсивную двухсотлетнюю собирательскую деятельность, материал все же не полон, не единообразен и обладает разной степенью аутентичности.

Многие тексты и мелодии извлекались из печатных сборников уже в обработанном виде. Причем обработки были самыми разными — от устранения отдельных ошибок в тексте до попыток реконструкции текста и даже сведения воедино многих, порою сохранившихся лишь в отрывках, записей. Можно встретить и коренную переработку текстов, предпринятую издателями книг.

Собиратели в соответствии со своими взглядами на народную поэзию часто интересовались лишь некоторыми видами народной прозы и песни («старинным», или «подлинным») или же определенными жанрами, например, балладой, обрядовыми песнями и т. д. Кроме того, в печатных изданиях избегали обычно эротических мотивов в связи с предвзятым отношением к этой тематике. Большинство собирателей не давало вовсе и давало лишь скудные указания о функциях, распространении и даже

социальном слое, в котором бытовали данные повествование или? Следует также отметить, что некоторые области, например альпийские или нижненемецкие районы, изучены гораздо лучше других, что отразилось в различиях областных сборников. Однако внутри этих районов собиратели ориентировались почти исключительно на деревню, иногда на маленький город. Большой или средний город никогда не принимался во внимание.

Характер собирательской работы в значительной степени зависел от социальной принадлежности и политической установки исследователя. Это сказалось и на содержании сборников. Так, в сборниках второй половины XIX в. либо полностью отсутствуют, либо появляются лишь sporadически отдельные песни протеста и устная проза обличительного характера, а также песни и сказы рабочих. Рассказчики и певцы утаивали от собирателя тексты, направленные против существующей общественной системы и ее идеологии, или уже запрещенные государством...⁴

При анализе рукописных и печатных песенников, «листовок», хроник, литературных памятников и других источников, появившихся не вследствие целеустремленной собирательской деятельности, а благодаря практической потребности, точно так же встают проблемы полноты источников и их аутентичности.

Мы уже упоминали, что в нашем распоряжении имеется довольно много ранних источников, и далеко не все они исчерпывающе изучены. Различные рукописи, начиная с середины XV в. (а с начала XVI в. и печатные песенники, листовки, литературные произведения и т. п.), сохранили нам в изобилии народные песни и прозу. Но следует помнить, что собиратели и издатели, как правило, отбирали и печатали песни непосредственно для исполнения или для распространения с коммерческой целью. И рукописи, и печатные издания почти всегда содержат наряду с народными песнями другой материал. Кроме того, здесь мы имеем дело чуть ли не исключительно с источниками бюргерско-городскими, содержащими лишь городские песни или песни сельских местностей, расположенных вблизи от города. Вся же крестьянская традиция представлена исторически крайне скудно, и ее трудно проследить. Сказанное относится ко всем знаменитым рукописям второй половины XV в., начиная с лохамского песенника и рукописного собрания песен аугсбургской монахини Клары Хецлерин до ростокского и глогауского песенников. В песнях композиторов немецкого бюргерства XVI в. (Финка, Рава, Отмайера, Форстера и др.) мы встречаем популярный песенный репертуар не в первоначальной народной форме, а в художественной обработке.

Нечто подобное происходит и с прозаическим фольклором. Когда, например, мы обнаруживаем пересказы сюжетов преданий и легенд в хрониках, трактатах, церковных притчах и пр. в качестве иллюстраций к историческим событиям, то мы имеем дело с их отдельными случайными редакциями. Этих отрывков недостаточно для суждений об устойчивости и формах функционирования той или иной традиции в определенных слоях населения. И главное: как правило, и форма, и содержание повествовательных произведений изменялись автором или составителем, а в хрониках, клерикальной литературе и т. п. они интерпретировались с точки зрения переписчиков и их заказчиков в интересах идеологии господствующих классов⁵. Со шванком дело обстоит несколько благополучнее. Сборники XVI и XVII вв. содержат множество произведений этого жанра. Но и здесь многие тексты подвергнуты литературной обработке⁶.

Важнейшая источниковедческая проблема, которую очень трудно, а часто и вовсе невозможно решить однозначно, состоит в том, чтобы уста-

⁴ Engelberg E. Op. cit., S. 20—21.

⁵ См.: Steinitz W. Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten. Berlin, 1954, B. 1, S. XXIV—XXV.

⁶ Burde-Schneidewind G. Bauernkriege des 16. Jts. in der Sagenüberlieferung — In: Der arm man 1525. Berlin: Volkskundliche Studien, 1975, S. 274 ff.

повить, как в действительности было распространено то или иное произведение фольклора: повсеместно или только в определенных регионах и социальных слоях, и каковы были формы его распространения. Из сравнения всех доступных ранних и синхронных источников с более поздними фольклорными записями можно, соблюдая максимальную осторожность, сделать определенные выводы. Насколько осторожными должны быть подобные выводы, можно пояснить на примере балладной традиции. Подавляющее большинство всех немецких баллад дошло до нас в записях от современников Гердера. Однако это еще не значит, что немецкая народная баллада исторически была одним из жанров деревенского фольклора. Согласно одной из теорий, истоки немецкой народной баллады следует искать в городской среде позднего средневековья⁷. Дошедшие до нас исторические источники подтверждают эту гипотезу. Однако, учитывая ограниченность распространения грамотности, можно думать, что до нас дошли исторические свидетельства, восходящие чуть ли не исключительно к памятникам городской письменности. Видимо, лишь в очень небольшой степени они отражают сельскую традицию, остававшуюся по-прежнему бесписьменной. Здесь мы снова попадаем в замкнутый круг, так как теоретические предположения и характер источников, в конце концов, взаимообусловлены. Но именно поэтому на основании только письменной традиции нельзя с полным правом судить о возникновении и механизме передачи традиции. В большинстве случаев решающую роль играет анализ содержания текста. Даже если согласиться с положением о городском, бюргерском происхождении немецкой народной баллады, то на вопрос о том, когда и как жанр баллады переселился в деревню, имеющиеся источники не дают пока исторически достоверного ответа.

Скажем лишь, что при изучении текстов устных повествований, песен и других произведений фольклора нужно принимать во внимание и широкую область источников иного рода. Важные сведения о бытовании рассказов и песен и об их функциях можно обнаружить в разнообразных письменных источниках соответствующего времени — литературных произведениях, хрониках, описаниях стран и путешествий. Запреты, распоряжения полиции и цензуры, проповеди и церковные трактаты, в которых, например, осуждаются светские песни, содержат важные данные о повествовательном и песенном репертуаре и его жизни в народе. Для всей эпохи средневековья вплоть до XV в. такие косвенные свидетельства, как порицания и запреты церковных властей, являются едва ли не единственными источниками, из которых можно почерпнуть краткие и всегда требующие критического подхода сведения о песенном и повествовательном репертуаре народа, об употребляемых им пословицах. Еще Гердер указывал на важное значение хроник и подобной им исторической литературы для изучения фольклора. Арним и Брентано широко использовали подобные источники в сборнике «Волшебный рог мальчика», контаминируя тексты для своего издания и порой значительно их обрабатывая. Из тех же источников почерпнули большинство своих «народных преданий» Я. и В. Гримм.

Долгое время из этих источников выделяли только фольклорные тексты. И лишь постепенно более или менее стихийно из них стали извлекать сведения о жизни и функционировании фольклора и об условиях, в которых происходит передача его из поколения в поколение. Систематическое же изучение указанных источников началось лишь в последнее время в крупнейших архивах и в рамках исследовательской группы Международного общества по изучению народной музыки (IFMC). Таким образом, был введен в оборот обширный материал для исторического исследования фольклора. По мере расширения публикаций, изучения не опубликованных до сих пор рукописных сборников и обнаружения новых рукописей или старопечатных сборников источниковая база

⁷ См. *Deutsche Volksdichtung. Eine Einführung*; Reclam Universal-Bibliothek № 782. Leipzig, 1979. Или то же: *Röderberg-Taschenbuch*. Frankfurt a. M., 1979, B. 82.

фольклорные исследования будут становиться все более надежными. Однако ее абсолютная полнота по-прежнему будет, как уже говорилось, оставаться утопией. Поэтому всякие исторические исследования должны учитывать ограниченность имеющихся исторических источников и соответственно оценивать надежность их данных и относительность построенных на них выводов.

Особенности источников обуславливают и еще один круг методологических проблем. Фольклористика ГДР особенно интенсивно занималась изучением демократических и революционных традиций немецкого фольклора. Именно эту задачу поставил перед фольклористами сразу же после 1945 г. В. Штейниц. А важнейшей публикацией по этой тематике стал его собственный двухтомный свод «Шесть веков немецкой демократической песни». Вслед за ним за пределами ГДР стали выходить публикации того же характера⁸. Теперь появилась необходимость полного всестороннего исследования немецкого народного творчества для того, чтобы определить место демократического и революционного фольклора в устно-поэтическом репертуаре и тем самым рассмотреть социальную критику, социальный протест и обличение в произведениях фольклора в свете проблемы социальной функции фольклора. Ибо социальные моменты выражены в фольклорных текстах в различной степени и очень по-разному. Текст, содержащий социальную критику, в антагонистическом обществе может быть прямым обвинением и средством протеста против господствующей несправедливости, угнетения и эксплуатации, но в определенных ситуациях он служит только выражением общего настроения и имеет чисто развлекательную функцию⁹. С другой стороны, и тексты, не содержащие прямой социальной критики, в определенных ситуациях выражают социальный протест угнетенных масс и даже становятся сигналом к восстанию. Тому есть немало исторических примеров¹⁰. Общепризнан методологический принцип, согласно которому социальная критика, протест и обличение не просто дословно вычитываются в самом тексте повествования или песни, а понимаются как функция текста, которая так или иначе воспринимается каждым носителем традиции применительно к определенной общественно-исторической ситуации.

В исторических источниках крайне редко можно найти указания на былую функцию зафиксированных народно-поэтических текстов. Подавляющее большинство архивных материалов — это только записи текстов. И требуется специальное исследование для выяснения их социальной функции. Важным, а часто и единственным реальным вспомогательным средством является выяснение устойчивости или изменчивости текста и его варьирования в традиции. Поясним это на примере. Одна из самых лучших немецких баллад «О двух подружках», зафиксированная еще в XV в., часто начинается так:

Es waren zwei Gespielen,
die gingen beide spazieren;
die eine führt ein' frischen Mut,
die andre weint so sehre.

Жили были две подружки,
ходили обе гулять,
одна была всегда веселой,
другая уж очень сильно плакала¹¹.

⁸ Hruby A. Zur Entstehungsgeschichte der ältesten deutschen Balladen.— In: Orbis literarum 7. Kopenhagen, 1949, S. 1—30; ср. также: Rosenfeld H. Heldenballade.— In: Handbuch des Volksliedes. München, 1973, B. 1, S. 64, 69, 72.

⁹ Strobach H. Bauernklagen. Untersuchungen zum sozialkritischen deutschen Volkslied. Berlin, 1964; Zur sozialen Funktion von Balladen.— In: 9. Arbeitstagung über Fragen des Typindex der europäischen Volksballaden der S. I. E. F.— Kommission Volksdichtung in Esztergom 1978. Budapest, 1979, S. 68, 99; Neumann B. Der mecklenburgische Volksschwank. Sein sozialer Gehalt und seine soziale Funktion. Berlin, 1964.

¹⁰ О роли, которую сыграла в восстаниях 1510 и 1511 годов в Рудных горах, в канун раннебуржуазной революции, баллада «Schreiber in Korb», см., например: Ludwig Erk und Franz M. Böhme, Deutscher Liederhort, Leipzig, 1893, B. 1, S. 477; Uhlands Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage. Stuttgart, 1869, B. 4, S. 253—254.

¹¹ Steinitz W. Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten. Berlin, 1954, B. 1, S. 182.

Содержание баллады таково: перед юным героем стоит выбор — жениться на богатой или бедной девушке. Он выбирает бедную, так как любит ее, но в этом решении немаловажную роль играет и ее социальное положение. В тексте XVI в. прямо так и говорится:

Und wenn die Reiche das Gut verzehrt,
So hat die Lieb ein Ende,
Wir zwey wir sind noch jung und stark,
gros gut wollen wir erwerben.

А когда богатая проест свое богатство,
кончится и любовь,
мы же оба еще молоды и сильны,
и еще наживем богатство ¹².

В этой песне отражено самосознание городского немецкого бюргерства XVI в., эпохи, отмеченной в Германии реформацией и крестьянскими войнами, т. е. раннебуржуазной революцией. В более поздних редакциях XIX в. эта социальная тенденция выступает в специфически измененной форме. Теперь эти строки звучат так:

So will ich die Reiche fahren lan (lassen)
Und mich zur Armen kehren;
Wir beide sind noch jung und stark,
Wir werden uns schon ernähren.

Так брошу я богатую
и вернусь я к бедной;
мы оба еще молоды и сильны,
и уж как-нибудь прокормимся ¹³.

Здесь жизненной целью представляется уже не стремление разбогатеть, добиться «богатства», как в тексте XVI в. Молодые люди мечтают вместе хотя бы прокормиться своим трудом. Поздний вариант текста характерен для перехода баллады в другую социальную среду — пролетарско-плебейскую или сельских наемных работников и отражает положение и чаяния этих слоев. Еще один, тоже поздний, вариант песни, зафиксированный в горном районе Берна, приспособливает ее содержание к жизненным условиям мелкого крестьянства:

I will mit dem Pflug gah'z' Acher fahre
und sie cha wacker spinna.

Я с плугом пойду работать на поле,
а она будет прилежно прясть ¹⁴.

Такая конкретно-историческая приспособляемость текста к имеющимся социальным условиям говорит о том, что в традиции этот текст сохраняет свою связь с действительностью, а его варьирующиеся строки всякий раз адекватно соответствуют социальной функции. На основе анализа подобного рода можно попытаться понять и истолковать социальную и прочие функции традиционного фольклора в историческом аспекте ¹⁵.

И, наконец, самая сложная методологическая проблема — адекватное понимание и истолкование фольклора как многообразно и противоречиво развивающейся области социально-культурной жизни. Ибо, во-первых, фольклор охватывает множество жанров, весьма отличных друг от друга по структуре, функциям и развитию действия: песню, предание, сказки, пословицы, шванки и т. п. А, во-вторых, в рамках этих жанров существует множество отдельных явлений, процессов и приемов, т. е. элементов, соотносящихся друг с другом, влияющих друг на друга и

¹² Das Ambraser Liederbuch vom Jahre 1582/Hrsg. von Bergmann J. Stuttgart, 1845, N 53, S. 47.

¹³ *Erk-Böhme*. Deutscher Liederhort. Leipzig, 1893, B. 1, Nr. 70 c.

¹⁴ *Meier J.* Balladen. T. 2: Leipzig, 1936, S. 114.

¹⁵ См. также: *Strobach H.* Variabilität, Gesetzmässigkeiten und Bedingungen.— In: *Jb. für Volksliedforschung*, 11, 1966, S. 1—9; *Sozialkritik und soziale Wirklichkeit als methodische Probleme der Volksliedforschung*.— In: *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungariae*, 16, 1967, S. 339—348; *idem.*, Variierungstendenzen im Deutsches Arbeitervolkslied.— In: *Dt. Jb. für Volkskunde*, 11, 1965, S. 183—191; *Neue Quellen zu antifeudalen Volksliedern*.— In: *Jb. für Volkskunde und Kulturgeschichte*, 2, 1974, S. 231—233.

развивающихся по-разному. В традиционном фольклоре можно выделить сюжеты, типы и отдельные тексты, изменяющиеся медленно и постепенно на протяжении столетий, и тексты, жизнь которых очень коротка. Иные жанры и типы в определенные периоды истории отчетливо выступают на первый план, а в другие эпохи оказываются не столь характерными для фольклорного репертуара в целом. Таким образом, историческое развитие фольклора отмечено диалектическим единством постоянства и изменчивости. Сюжеты, типы и функции фольклорных произведений обнаруживают устойчивость на протяжении столетий. В то же время жизнь вносит в них на первый взгляд незаметные, но важные изменения. То же можно сказать о соотношении сходства и различия между жанрами, соотношении смысла текстов и их функции со стилем, одни из которых меняются быстрее, а другие — медленнее. И вместе с тем, если взять фольклор любого времени и любого угнетенного класса или прослойки, то обнаружится, что в каждую эпоху он состоит из многих разнообразных слоев. По крайней мере, именно так обстоит дело в период, для которого мы располагаем прямыми историческими источниками. В фольклор входят разнообразные повествовательные и песенные жанры и изречения — от ритуальных до чисто развлекательных, тексты, различные по содержанию и эстетическому качеству, песни хоровые и сольные и т. п.

Поэтому при работе над историей фольклора нельзя ориентироваться лишь на выяснение того, когда и как возникают определенные жанры фольклора, тексты и группы текстов¹⁶. История фольклора — менее всего история возникновения фольклорных явлений; гораздо важнее исследование процесса вхождения этих явлений в традицию и их бытования. Установление хронологической последовательности возникновения новых тем, сюжетов, фольклорных типов и жанров еще не дает возможности получить адекватную картину исторической жизни фольклора, а помогает лишь проследить диалектику «сосуществования» и «последовательности» фольклорных явлений. Необходимо также выяснить, как протекает диалектическое взаимодействие продолжающей действовать традиции и новаций в процессе исторического развития, какие жанры, категории песен, сюжеты выступают на первый план, а какие исчезают, какие развиваются и меняются больше, а какие остаются относительно неизменными.

Вырисовывающаяся при этом теоретико-методологическая проблема касается соотношения структуры и процесса. Совмещение синхронного и диахронного подходов относится к самым трудным проблемам всякого научно-исторического исследования¹⁷. Поначалу фольклор представляется нам, как и любой отдельный жанр или любой тип текста, цельным и сложным сплетением множества элементов, по-разному соотносящихся друг с другом, т. е. неким социальным явлением, имеющим определенную структуру. Мы располагаем этот материал в зависимости от его особенностей, делим его по генетическому сходству и по различиям на типы, сюжеты, мотивы. Так, вырисовываются структуры типов, жанров и пр., и в конечном результате — общая структура народно-поэтического творчества любой эпохи. Но уже в процессе работы нам становится понятно, что элементы этой структуры и их соотношение постоянно меняются. Следовательно, в реальном материале, отражающем картину бытования народной традиции, доминантой является развитие. И поэтому было бы методологической ошибкой считать несовместимыми структурное и историческое изучение исторических явлений. Или точнее: общественные явления существуют всегда только в виде развивающихся

¹⁶ Ср., например: *Cistov K. V.* Aktuelle Probleme der sowjetischen Folkloristik. — In: *Jb. für Volkskunde und Kulturgeschichte*, N. F. 5 (1977), S. 75.

¹⁷ *Topolski J.* Struktur und Prozeß in der Geschichte. — In: *Probleme der geschichtswissenschaftlichen Erkenntnis*, S. 74; *Pasemann D.* Bemerkungen zur Struktur der Geschichte bei Karl Marx. — In: *Struktur for Prozeß/Hrsg. von Wessel K. F.* Berlin, 1977, S. 87—101.

структур¹⁸. Таким образом, историческую картину народно-поэтического творчества можно получить лишь тогда, когда в толще традиционного материала удастся адекватно определить реальное диалектическое взаимодействие элементов — развивающихся и застывших, доминирующих и зависимых — и их соотношение как единой развивающейся структуры. Для этого, конечно, необходим определенный уровень абстракции. А полученный материал может стать только основой, а не содержанием исторического описания. Точнее, при описании и исследовании фактов, которыми мы располагаем, должны выявляться исторические тенденции и исторические закономерности.

Основной предпосылкой исследования должно служить осознание того факта, что абсолютной самостоятельности, автономности различных форм не существует ни в одной области социальной реальности, а стало быть и ни в одной сфере культуры¹⁹. Скорее, все ее формы и явления подчинены общему социальному целому, что выражается в соотношении многих зависимостей и взаимодействий и передается с помощью нескольких промежуточных звеньев. Структурные связи, законы и особенности развития социального целого всегда в конечном счете определяют конкретные связи, специфику развития и формы изменения отдельных сфер социальной жизни. В применении к фольклору можно сказать, что не существует имманентных ему двигателей развития. Вся история фольклора — это не что иное, как разнородность деятельности «преследующего свою цель человека»²⁰. Люди же стремятся к достижению цели, находясь во взаимоотношениях и связях определенной исторической структуры, где отдельные стороны социальной жизни занимают все-таки доминирующее место. Поэтому и исследование фольклора станет подлинно историческим лишь тогда, когда можно будет увидеть простые эмпирические факты и их эмпирическую взаимосвязь в рамках единого социального целого, сложившегося и меняющегося по определенным законам. Все компоненты этого социального целого как постоянно развивающейся и подвижной на всех своих уровнях и во взаимоотношении этих уровней друг с другом макроструктуры детерминированы, с нашей точки зрения, динамикой производительных сил и производственных отношений. «Эта диалектика определяет развитие всей суммы классовых отношений во всех ее экономических, политических и идеологических формах и областях»²¹. Отсюда следует, что факты, извлеченные из источников, нельзя рассматривать вне связи с изменением этой основной социальной макроструктуры, которую мы называем общественно-экономической формацией. Лишь при таком подходе факт становится историческим, и только тогда можно судить о его подлинной значимости, его сущности; он может быть понят как проявление закономерности в структуре и развитии человеческого общества²².

Социальная функция фольклора, его изменение и развитие и прежде всего условия и причины его существования не могут быть выявлены вне отношения с конкретно-исторической структурой общества, в котором он бытует. Методическим ключом к этому может служить нам понятие функционирования. Историческое исследование должно стремиться установить примерное соотношение фольклора и его отдельных разделов, т. е. отдельных жанров, категорий и типов текстов в общем культурно-социальном процессе в конкретный исторический период, и проследить его изменения по отношению к общей социальной структуре и уровню ее

¹⁸ Так как развитие совершается в виде взаимовлияния элементов структур, необходимо исследовать динамику элементов, чтобы объяснить изменения в структуре. Отсюда ясно, что неопозитивистское понимание структуры непригодно для исследования исторических явлений, так как оно не занимается свойствами элементов и принимает внимание лишь ограниченные во времени связи, существующие между элементами. М.: Engelberg. Op. cit., S. 24 ff; Pösemann D. Op. cit., S. 90.

¹⁹ Ср.: Engelberg E. Op. cit., S. 27.

²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство или критика критической критики. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

²¹ Engelberg E. Op. cit., S. 26.

²² Ibidem.

развития. Только это и поможет нам понять тенденции развития, а анализ условий, в которых происходит развитие, подскажет их толкование. Тем самым будет точнее очерчено место структурного анализа, выдвигающего на передний план синхронные связи «пространственного» в историческом исследовании. Структурный анализ является существенным звеном, но никак не всеобщей методологией исследования, которой остаются диалектический и прежде всего исторический материализм.

Таково теоретико-методологическое решение поставленного здесь вопроса о соотношении структуры и процесса «синхронии и диахронии». Практическая реализация этих методологических принципов в конкретных исследованиях, конечно, достаточно сложна и рождает множество частных вопросов, которые в каждом конкретном случае решаются заново. Применение указанных принципов покажет, между прочим, что для структуры развития народно-поэтического творчества во все времена характерно единство «сосуществования» и «последовательности», традиции и новации, стабильности и изменчивости. Во все эпохи, которые мы можем изучать, опираясь на документальные свидетельства по истории народного творчества, традиционные и новые элементы сосуществовали, менялись и развивались параллельно и взаимосвязанно. В применении к современности это приводит нас к широко дискутировавшемуся вопросу о том, отмирает ли фольклор или существуют возможности и тенденции его дальнейшего развития в иных формах при изменившихся условиях. Но этот вопрос касается уже совсем иной темы и выходит за пределы круга рассмотренных здесь методологических проблем²³.

²³ См.: *Strobach H. Deutsches Volkslied. Geschichte und Gegenwart.* Berlin, 1979 (Schlussbemerkungen).

А. И. Першиц

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ЭТНОГРАФИИ

Последние десятилетия отмечены быстрым подъемом теоретического уровня марксистской этнографии. Начавшись в области разработки теории этноса, этот процесс к настоящему времени охватил, пожалуй, все другие сферы нашей науки. При этом, естественно, возникла необходимость в переосмыслении и уточнении многих привычных понятий и упорядочении связанных с ними терминов. На практике она вылилась в подготовку энциклопедического словаря «Этнография: основные понятия и термины», ведущуюся совместно учеными СССР и ГДР. Такая задача ставится в марксистской этнографии впервые, и ее сложность сделала целесообразным создание серии работ предварительного характера — понятийно-терминологических сборников по основным разделам этнографической науки.

Это относится, в частности, и к тому разделу этнографии, который всегда традиционно выделялся в рубрику «Общественный строй и быт»¹. В последнее время для него предложены и другие обозначения: «социальная организация», «соционормативная культура»². Очевидно, что в первом названии делается упор на общественных структурах, а во втором — на связанных с ними культурных институтах, и в целом они удачно дополняют одна другую. Однако социальная организация и соционормативная культура могут быть отделены от хозяйства в его этнографическом понимании («хозяйственный быт», «культура первичного производства»), но не от экономических отношений. Куда бы мы в этом случае отнесли такие категории, как, скажем, *общественно-экономическая формация, община, эксплуатация*? Этим-то неразрывным единством многих социальных и экономических понятий и определяется содержание одного из первых сборников предполагаемой серии «Социально-экономическая организация и соционормативная культура».

Перечень рассматриваемых в сборнике понятий и терминов помещен в приложении к данной статье. В самой же статье отчасти в качестве комментария к этому перечню хотелось бы поставить несколько вопросов, обсуждение которых может помочь в последующей работе.

1. **Принцип отбора: этнография и смежные науки.** При отборе терминов для этнографического словаря возможны два подхода — специальный и генеральный. Первый предполагает рассмотрение только собственно этнографических понятий и терминов, практически не применяющихся в смежных науках или применяющихся как именно этнографические понятия и термины. Таковы, например, *дуальная организация, мужской дом, избегание, подшучивание, патронимия* и т. п. Второй принцип предполагает рассмотрение также и междисциплинарных понятий и тер-

¹ См., например, серию «Народы мира. Этнографические очерки» (М.: Изд-во АН УССР — Наука, 1954—1965).

² Членов М. А. О внутреннем членении этнографической науки (применительно к научной информации). — В кн.: Актуальные проблемы этнографии. М.: Моск. фил. Географ. о-ва СССР, 1973; Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этно—. В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978.

минов, используемых всеми или несколькими общественными науками и этнографией в их числе. Это, например, *аристократия, зависимость, крестьянство*, и т. д. Вопрос о выборе того или иного подхода, может быть особенно важен для блока социально-экономических терминов, так как в этой области этнографии много теснее связь с историческим материализмом, политической экономией, историей, правоведением и другими общественными науками, чем, скажем, в области изучения материальной культуры.

При компоновке блока социально-экономических понятий и терминов этнографии избран второй подход. При этом он проводится, пожалуй, более последовательно, чем в зарубежных словарях и энциклопедиях по культурной/социальной антропологии, этнологии или этнографии³. В блок включены даже такие термины, как *общественно-экономическая формация, производство, производительные силы, производственные отношения, труд* и т. п. Это связано с тем, что авторы стремятся преломить через призму этнографии фундаментальные понятия обществоведения: показать, как они работают на этнографию и каким может быть этнографический угол зрения на них самих.

Так, в статье об общественно-экономической формации отмечается, что марксистская этнография изучает типы и свойства этносов не вообще, а в историческом, формационном разрезе и что в разных общественно-экономических формациях у этнографа разные зоны интересов (в культуре в доклассовых и преимущественно традиционно-бытовой — в классовых обществах). Равным образом в статье о производственных отношениях значительное внимание уделено тому, как эти отношения влияют на этнические процессы и смену исторических типов этнических общностей. В статье о труде показаны различия между условно-рефлекторной орудийной и целенаправленной трудовой деятельностью, а также специфика труда в присваивающем и производящем хозяйстве.

Не умножая количества примеров, подчеркнем, что не специфический, а генеральный подход при отборе терминов для социально-экономического блока имеет большое мировоззренческое значение. Он дает нам то преимущество, что в нужных случаях мы можем противопоставить буржуазной трактовке нашу трактовку не только собственно этнографических понятий, но и этнографического аспекта междисциплинарных понятий обществоведения.

2. Принцип отбора: дробность и компактность. Отбор терминов из всякого словаря и любой энциклопедии имеет не только методологическую, но и чисто техническую сторону. С этой точки зрения имеются два основных пути: рассматривать каждое понятие под своим собственным термином или сводить генетически, функционально, типологически родственные понятия в относительно крупные блоки, рассматривая их под одним обобщающим термином. В частности, можно посвятить отдельные статьи первобытной, соседской, семейной, земледельческой, кочевой, промысловой и т. д. общинам, а можно охарактеризовать все эти типы виды общины в одной статье об *общине*.

Оба пути имеют свои преимущества и недостатки. В первом случае автором может выступить узкий, но зато очень компетентный специалист — скажем, по кочевой общине; легче и тому читателю, которого интересует в данный момент только кочевая и никакая другая община. Зато и автора, и у читателя теряются общая перспектива исторических типов общины и цельное представление о ее хозяйственно-культурных разновидностях, типология может заместиться классификацией, или наоборот. Во втором случае читателю предлагается предельно возможная (в рамках издания такого рода) характеристика общины в ее историческом развитии и конкретных разновидностях, а неудобство только одно: поиск в словаре определенного типа или вида общины по сравнению с первым случаем затруднен. Обычно это неудобство преодолевается включением отсылочных статей (в нашем случае *Кочевая община*. — см. *Общины*

³ См., например, *Encyclopedia of Anthropology*. N. Y. etc., 1976.

в данном блоке, как и во всем издании, отсылочных статей не будет. Их заменит приложенный к энциклопедическому словарю общий алфавитный индекс, или глоссарий, существенных терминов, не выведенных в заглавия статей. Учитывая эту особенность издания, мы считаем более целесообразным второй из названных путей как в целом более информативный.

По такому принципу наряду со статьями об *общине* построен и ряд других статей. Так, в статье об *антропосоциогенезе* объединены не только антропогенез и социогенез, но и возникновение человека и общества вообще с возникновением «готового», по определению Ф. Энгельса, человека и общества. В статьях о *зависимости* и об *эксплуатации* рассмотрены все конкретные разновидности и, насколько это оказалось возможным, исторические типы данных форм. В статье о *руководителе* интегрированы все типы лидерства — от ранних главарей к ненаследственным «большим людям» и наследственным вождям, а также все его виды — синкретное, военное, религиозное, судебное, ради чего пришлось поступиться даже таким традиционным термином, как *военный предводитель*.

Однако до конца этот принцип все же не проведен. Наряду со статьями о *зависимости* и *эксплуатации* даются статьи о *данничестве*, *кабале*, *рабстве*, что объясняется либо эвристичностью недавно выработанных понятий, либо особенно важным значением понятий, давно установившихся. Однако дело, по-видимому, не только в этом. Наряду со статьями о *власти* имеются статьи об *аристократии*, *демократии*, *олигархии* и т. д., наряду со статьями об *экономическом обмене* — статья о *немом обмене*. В ряде случаев здесь просто отдана дань словарной традиции или сказалось стремление не доводить последовательность до абсурда. Думается, что вопрос о соотношении дробности и компактности при отборе терминов еще заслуживает обсуждения.

3. Соотношение понятий и терминов. В научной практике термином является точное название строго определенного понятия⁴. Действительно, ученым, работающим в области точных наук, вопрос о соотношении понятий и терминов покажется надуманным и нелепым. Их термины всегда искусственно созданы, а потому общеприняты. Однако уже естественники отнесутся к этому вопросу по-другому. Недаром геологи на своих периодических международных съездах уславливаются, какое понимание они будут вкладывать до следующего съезда в те или иные термины. И не случайно биологи, в том числе антропологи, стремятся руководствоваться принципом терминологического приоритета первооткрывателя.

Не то в общественных науках, и, может быть, сложнее всего обстоит дело в этнографии. Этнография изучает непосредственную жизнь, и ее термины очень часто (если не чаще всего) взяты из жизни. А поскольку жизнь многогранна, многие исследователи не только обозначают изученные ими явления своими собственными терминами, но и нередко спорят о том, какие понятия за ними скрываются, какой термин адекватнее и т. п. Так бывает даже в кругу соотечественников и единомышленников, что же касается более широких международных рамок, то к этим спорам неизбежно добавляются расхождения, связанные с отечественными традициями в науке разных стран и с теоретическими, методологическими, мировоззренческими проблемами⁵.

Между тем заимствование этнографией терминов из жизни объясняет, но не оправдывает их неоднозначность. Нельзя смешивать значения обыденных слов и научных терминов. На это прямо указывал В. И. Ленин, критикуя вольное применение Ж. Сисмонди слова *фабрика*: «Мы просим не забывать, что научное значение этого термина не то, что обыденное. Наука ограничивает его применение только крупной машинной индуст-

⁴ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1976, s. v. «Термин».

⁵ См. Pershitz A. Scientific Communication and Scientific Terminology.— Current Anthropology, 1979, v. 20, № 1.

рией»⁶. Значит, надо стремиться к тому, чтобы и в общественных науках, в том числе в этнографии, термин однозначно соответствовал выраженному им понятию, чтобы возобладал принцип «одно понятие — один термин».

Правда, достигнуть этого нелегко. Современная этнография, в том числе и марксистская, не только унаследовала множество неопределенных понятий, выраженных неоднозначными терминами, но и продолжает создавать новые. Приведем несколько примеров, нашедших отражение в подготовленном социально-экономическом блоке словаря.

В советской этнографии часто применяют термин *раннеклассовое общество*, однако разные авторы вкладывают в него четыре разных значения. 1. Такие ранние, еще не развитые и продолжающие формироваться антагонистическо классовые общества, как раннеазиатское, ранне рабовладельческое, раннефеодальное. 2. Общества, уже обладающие антагонистическо классовой структурой, но с еще не выявившимся господствующим способом производства, т. е. равноукладные. 3. Общества с азиатским (общинно-государственным, политарным и т. п.) способом производства. 4. Любые антагонистическо классовые общества докапиталистической эпохи. В статье о раннеклассовом обществе показано, что второе из этих пониманий основано на смешении раннеклассового общества с предклассовым; третье — в значительной мере «камуфляжное», обязанное своим появлением той критике, которой подверглось со стороны многих исследователей понятие азиатского способа производства; четвертое — отчетливо, но неудачно, так как позднеантичное или позднефеодальное общество едва ли является раннеклассовым. Термин наиболее адекватен своему первому значению, что и подчеркнуто в статье.

Так же многозначен термин *цивилизация*, которым обозначают и ступень антагонистического классового общества, и достигнутый на этой ступени уровень культуры, и разновидность культуры классового или бесклассового общества, и даже материально-техническую базу духовной культуры. В соответствующей статье блока обращено внимание на адекватность термина только двум первым, тесно связанным между собой значениям, что соответствует и его пониманию Ф. Энгельсом в гл. IX «Происхождения семьи, частной собственности и государства».

Имеются понятия и термины, которым особенно не повезло. В их числе одно из первых мест принадлежит *патронимии*. Этот термин был введен в 1930-х годах М. О. Косвеню для обозначения группы относительно близких отцовских родственников, возводящих себя к общему хорошо памятному предку-эпониму; патронимия возникает в результате сегментации большой семьи, а совокупность родственных патронимий образует патриархальный род. Уже в 1950-х годах было обращено внимание на то, что в качестве собирательного обозначения как патронимий, так и аналогичных им матрилинейных матронимий удобнее пользоваться термином *семейно-родственная группа*. В 1960-х годах Н. А. Кисляков подверг сомнению само понятие патронимии как результата сегментации большой семьи и высказал мнение, что эта структура является только пережитком патриархального рода. В 1970-х годах А. И. Робакидзе и А. Д. Давыдовым был выдвинут противоположный тезис о патронимии как родоподобном новообразовании, не связанном с патриархальным родом и возникающем только в результате сегментации большой семьи. В эти же десятилетия М. В. Крюков предложил отождествить патронимию с кланом как общинно-родственным объединением, а Ю. И. Семенов показал наличие в ней двух разных аспектов — общинного и родственного. В настоящее время термином *патронимия*, как и его синонимами, продолжают широко пользоваться, но едва ли найдутся два исследователя, вкладывающих в него одинаковое содержание. При этих обстоятельствах патронимия близка к тому, чтобы вообще утратить терминологическое значение. В соответствующей статье блока коротко изложено состояние вопроса и высказано мнение, что наиболее обоснован взгляд на патро-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 183.

нимии как на новообразование, выступающее и в родственном, и в общинном аспекте⁷. Если учесть, что уже тогда, когда М. О. Косвен выдвигал свою концепцию патронимии, в мировой этнографии существовало понятие *линиджа* (*патрилиниджа*), то только таким новым подходом оправдывается сохранение термина *патронимия*.

Таким образом, в ряде статей блока не представилось возможным ограничиться изложением существующих взглядов на то или иное понятие и перечислением синонимов. В необходимых случаях авторы взяли на себя также и оценку соотношения понятия и термина. Правомерность такого подхода к делу тоже могла бы явиться предметом продуктивного обсуждения.

4. **Терминология и идеология.** Как и у каждой общественной науки, этнографии есть свой мировоззренческий аспект. Это значит, что категориальный аппарат этнографии имеет не только научно-теоретическое, но и идеологическое значение. Во многих понятиях этнографии и даже выражающих их терминах находят свое место методологические расхождения между марксистскими и немарксистскими концепциями, идеологическая борьба между марксизмом и антимарксизмом в общественном знании.

Это касается прежде всего отношения к краеугольному камню марксистской исторической науки вообще и этнографии в частности — теории общественно-экономических формаций. Сдав в последние десятилетия позиции по некоторым мировоззренческим вопросам (например, по вопросу о природе первобытного общества, которое сейчас лишь очень немногими буржуазными учеными не признается коллективистическим, эгалитарным), антимарксизм в этнографии переключил основное внимание на понятие формации и связанную с ним концепцию единства и объективной закономерности исторического процесса. В статье об *общественно-экономической формации* показано, что попытки, предпринимаемые в этом направлении этнографами-теоретиками антимарксистской ориентации, делаются сразу по двум линиям. Первая — противопоставить теории формаций теорию разного рода социокультурных уровней (Дж. Стюард) или шкал культурной сложности (Дж. Мэрдок), призванную смазать и тем самым расшатать самое понятие формации. И вторая — подменить понятие *прогресса* понятием изменений и тем самым проблемы прогрессивного развития исторических типов общества — проблемами их структурной эволюции. Та же тенденция буржуазной теоретической этнографии вскрыта в статье о *периодизации первобытной истории*, где привлечено внимание к свойственным части неозволюционистских схем периодизации попыткам приравнять общественное расслоение в позднепервобытных стратифицированных и иерархических обществах к классовому делению, а сами эти общества — к формационным типам обществ. Критика понятийно-терминологического аппарата буржуазной этнографии в связи с ее попытками «размыть» теорию формаций содержится также в статьях об *общественном расслоении, элите* и др.

В ряде статей нашли отражение и более конкретные вопросы понятийно-терминологического противостояния марксистской и немарксистской или откровенно антимарксистской этнографии. Так, в статье о *раннеклассовом обществе* обращено внимание на такой, казалось бы, малозначительный факт: в буржуазной литературе лишь очень редко поль-

⁷ Основные работы: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963; Кислов Н. А. (Рец.). М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. — Сов. этнография далее — СЭ), 1965, № 6; его же. О сущности понятия «патронимия». — В кн.: Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М.: Наука, 1976; Крюков М. В. О соотношении родовой патронимической (клановой) организации (к постановке вопроса). — СЭ, 1967, № 6; Яценков Ю. И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности. — СЭ, 1968, № 4; Робакидзе А. И. Патронимия у народов Кавказа. — IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973; Давыдов А. Д. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1979; Перишиц А. И. Динамика традиций и проблема их источниковедческого истолкования. — Народы Азии и Африки, 1981, № 5.

используются английским термином «early class society» или его инновационными аналогами, предпочитая ему термин «early state» и т. п. В этом случае специфика терминологии часто прокладывает путь к «опровержению» тех или иных фундаментальных понятий марксистского обществоведения. Раннее государство мыслится как предклассовое или образованное такими «классами», которые находятся в отношениях взаимовыгодного сотрудничества, и, таким образом, за нейтральным самим по себе термином *раннее государство* нередко стоит такая его трактовка, которая направлена против марксистско-ленинского понимания государства как результата классовых антагонизмов. Подобным же образом в статье об *эксплуатации* нашла место критика попыток не только подменить понятие способа производства понятием способа эксплуатации и тем самым опять-таки проложить путь к «размыванию» теории формаций, но и развить концепцию так называемой взаимной эксплуатации. Последняя мыслится как взаимовыгодное сотрудничество обеих сторон процесса эксплуатации, т. е. как нечто прямо противоположное и противопоставленное марксистскому пониманию эксплуатации — безвозмездного присвоения прибавочного продукта. Может показаться, что перед нами проблема не этнографии, а политэкономии, но на деле это не так. Именно этнография, проливая свет на генезис эксплуатации и ее начальные формы, представляет аргументацию в пользу либо марксистского, либо антимарксистского понимания истоков этого института.

С вопросом о генезисе государства связан вопрос о генезисе права, по которому также имеются существенные методологические расхождения. Они освещены в особой статье блока — *Право*. Если в нашей науке право понимается как функция государства, а значит, и исторически обусловленная категория, то в буржуазной — чаще всего как минимум морали, обеспеченный каким бы то ни было принуждением. При таком подходе право превращено в извечную внеисторическую категорию, что и отражается в постоянно применяемом на Западе термине *первобытное право*. Этот подход подвергнут критике, тем более действенной, что одновременно отмечено не последовательное, а параллельное вызревание всех основных институтов и форм классового общества.

Огромное значение в современную эпоху имеет понимание войны — ее извечности как порождения некоей имманентной человеку агрессивности или ее исторической обусловленности классовыми и производными от них антагонизмами. Как известно, военные столкновения существовали уже в раннепервобытную эпоху, и это дает многим буржуазным ученым основание говорить об извечности и неизбежности войн. В статье о *войне* с предельно возможной в рамках данного издания детализацией рассмотрены особенности эпизодических вооруженных столкновений на ранних ступенях общественного развития и их принципиальное отличие от собственно войны как массовой организованной формы, получившей распространение в эпоху классового общества и в антагонистическом классовом обществе. В статье показана также специфика справедливых и несправедливых, внутренних и внешних войн в разных общественно-экономических формациях и обращено внимание на тот факт, что с созданием мировой социалистической системы войны перестали быть неизбежностью.

В целом, критика антимарксизма в этнографии нашла место во многих статьях социально-экономического блока. В то же время данное обсуждение может способствовать выявлению новых линий мировоззренческой конфронтации (пополнение состава блока, расширение круга вопросов и идейно-значимых терминов).

5. Обновление понятийно-терминологического аппарата. Как и всякая наука, этнография развивается, и соответственно обновляется ее понятийно-терминологический аппарат. Одни понятия уточняются, что не может не сказываться на адекватности выражающих их терминов, другие вводятся заново, что также не может не находить своего терминологического отражения. В связи с этим встают вопросы традиции и инноваций в терминологической сфере этнографии, и такие вопросы имеют са-

спосредственное отношение к составу и содержанию понятия «первобытно-эволюционного словаря вообще, его социально-экономического блока в частности. Важнейшими из этих вопросов представляются два: уточнение, переосмысление или даже забвение некоторых старых понятий-терминов в свете вновь накопленных фактов и введение отдельных новых понятий-терминов, обусловленное современным теоретическим уровнем науки.

Первый из этих вопросов может быть проиллюстрирован на примере эволюции, которую претерпело понятие *военной демократии*. Этот термин был введен Л. Г. Морганом для обозначения формы правления на стадии перехода от родового строя к государству в его «Древнем обществе», сохранен К. Марксом в конспекте этой книги и воспроизведен Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Позднее в работах многих советских историков-марксистов он стал использоваться для обозначения не только формы правления, но и соответствующей ей заключительной эпохи первобытной истории. В то же время уже в 1950-х годах И. И. Потехин высказал сомнение в адекватности данного термина сущности политической надстройки в эпоху перехода от классового общества к классовому, а М. О. Косвен — в универсальности самой военной демократии. И действительно, многие исторические и этнографические исследования послевоенных десятилетий показали, что военная демократия перерастала в государство не непосредственно, а через промежуточные военно-иерархические или иные (например, олигархические) структуры; стало быть, военно-демократическими были только начальные формы надстройки переходного периода. Выяснилось также, что не все общества знали сколько-нибудь выраженную военную демократию: ее не было, например, у части племен Полинезии и Тропической Африки. В результате сейчас преобладает взгляд на военную демократию, во-первых, как не на эпоху, а только как на форму становления государственной власти, и, во-вторых, лишь как на форму, присущую раннему этапу этого процесса⁸. Соответственно иное, более широкое понимание этого термина, еще встречающееся в литературе, представляется в настоящее время устаревшим.

Еще сложнее обстоит дело с понятием *матриархат*. Этот термин вошел в обиход в начале 1880-х годов для обозначения (по определению крупнейшего исследователя проблемы матриархата М. О. Косвена) того периода первобытной истории, «который знаменуется равноправным, в своем дальнейшем развитии и преобладающим положением женщины в хозяйстве и обществе, а вместе с тем и отражением этих начал в области духовной культуры»⁹. М. О. Косвен различал ранний матриархат с равноправным и развитой матриархат с преобладающим положением женщины, объединяя их в один этап периодизации первобытной истории. Однако, как это было отмечено уже в 1950-х годах, равноправное положение женщины не может называться *матриархатом*, так как основное значение слова *arche* — власть (ср. термин *патриархат* для обозначения господства отца, мужчины)¹⁰. Важнее, впрочем, другое. Само понятие *матриархата* как преобладающего положения женщины не выдержало проверки временем. Создатели матриархальной теории И.-Я. Бахофен и Л. Г. Морган основывались на исторических реконструкциях и анализе пережитков, достоверность которых не подтвердилась в дальнейшем развитии этнографии. Обобщенные в XX в. факты показали, что класси-

⁸ Потехин И. И. Военная демократия матабеле. — В кн.: Родовое общество. М.: Изд-во АН СССР, 1951; Косвен М. О. К вопросу о военной демократии. — В кн.: Проблемы истории первобытного общества. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М.: Наука, 1967; Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов. — СЭ, 1968, № 1; Бром-мелл Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981; Kubbel L. E. On the Origin of the Statehood in the Western Sudan. Moscow: Nauka, 1967, и др.

⁹ Косвен М. О. Матриархат. История проблемы. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 3.

¹⁰ Монгайт А. Л., Першиц А. И. Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет. — Вопр. истории, 1955, № 1.

ческая первобытность не знала общественного неравенства полов, позже господства женщин никогда не было. Матриархат в прямом смысле этого слова не существовал ни как совокупность общественных порядков, ни тем более как этап в развитии первобытности. При этом, хотя матриархальная теория сыграла большую роль в борьбе с реакционной патриархальной теорией и поэтому была высоко оценена Ф. Энгельсом, ее переосмысление никак не поколебало марксистской концепции первобытности как концепции первобытного коллективизма. На это прямо указывал В. И. Ленин, критикуя тех, кто «экономическую теорию Маркса соглашаются отнести в „частности“, сопоставить с вопросом о происхождении матриархата»¹¹. В свете новых этнографических фактов в работах советских исследователей послевоенных десятилетий под матриархатом стали понимать не столько преобладающее положение женщин, сколько материнско-родовую организацию или даже ее отдельные элементы (матрилинейность, матриликоальность и т. п.)¹². Термин все больше переставал соответствовать своему прямому значению и начал выходить из употребления, как до этого вышли из употребления синонимичные термины *гинекократия*, *матернитет*, *материнское право*.

Естественно, что в нашем издании сохраняются не только уточненные но и полностью переосмысленные термины, в том числе и такие неудачные, как *матриархат*. За ними — глубокая научная традиция, и они, не сомненно, имеют большое если не операционное, то историографическое значение.

Второй вопрос — о понятийно-терминологических инновациях. Такие инновации не только допустимы, но и необходимы прежде всего тогда когда с развитием теории науки рождаются новые понятия, требующие своего терминологического обозначения. К их числу относится, например понятие *социального организма* как отдельного общества, являющегося относительно самостоятельной единицей исторического развития, за последнее время широко вошедшее в историческую и этнографическую науки. При этом оно особенно четко разработано в этнографии, где предложена не только его типологизация по общественно-экономическим формациям, но и особый аспект классификации по первобытным обществам с одной стороны, антагонистическо-классовым и социалистическим — с другой¹³. Таково же понятие *первобытной периферии*, которое также отчетливо определилось только в последнее время, когда первобытные общества были типологизированы по принципу ассоциированности общественно-экономическими формациями и подразделены на виды по их происхождению (первичная и вторичная периферия), расположению (ближняя и дальняя периферия)¹⁴ и т. д.

К числу таких новых понятий относятся и некоторые понятия, введенные зарубежной наукой и принятые частью советских исследователей. Здесь прежде всего надо назвать особый вид первобытных экономических отношений, названный К. Дюбуа *престижной экономикой*. Престижная экономика была изучена этноэтнографами, показавшими, что она существовала только в системе избыточного продукта и проявлялась главным образом в престижном дарообмене¹⁵. Сюда же относится широко вошедшее в обиход мировую, и в том числе советскую¹⁶, науку

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 287. Подчеркнуто В. И. Лениным.

¹² См.: *Периц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1968 (2-е изд. — 1974, 3-е изд. — 1982).

¹³ См.: *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. — *Вопр. истории*, 1966, № 8; *его же.* Кочевничество и некоторые общепроблемы теории хозяйства и общества. — *СЭ*, 1982, № 2.

¹⁴ См.: *Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов)*. М.: Наука, 1978.

¹⁵ См.: *Семенов Ю. И.* Теоретические проблемы «экономической антропологии». — В кн.: *Этнологические исследования за рубежом*. М.: Наука, 1973.

¹⁶ *Васильев Л. С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чиффому). — *Народы Азии и Африки*, 1980 № 1; *его же.* Протогосударство-чиффому как политическая структура. — Там же, 1981 № 6.

понятие *chiefdom* как формы социально-экономической организации и организации власти в эпоху далеко зашедшего разложения первобытного общества. Еще одно такое понятие — понятие *big man* как ненаследственного руководителя общины или субобщины, лучше всего изученное в последнее время на новогвинейском этнографическом материале¹⁷. Этот перечень можно расширить за счет ряда других давно уже циркулирующих в мировом этнографическом обращении понятий-терминов: линидж (в том числе *патрилинидж* и *матрилинидж*), *редистрибуция*, *реципрокация* (*реципрокность*), *сегментарная организация*, *ранг*, *статус*, *эгалитарное общество* и т. д.

Обращение к терминологии, вошедшей в международный этнографический обиход, во многих случаях вызывает чисто языковые сложности. Если такие заимствованные из мертвых языков термины, как *редистрибуция*, *ранг*, *статус*, *эгалитарность* и т. п., сравнительно легко входят в любой язык, то с англоязычными терминами *чифдом*, *бигмен* или *линидж*, равно как и с другими общими терминами-понятиями живых языков дело обстоит не так просто. Здесь возможны два пути: калькирование или сохранение оригинального звучания. Л. С. Васильев калькировал *чифдом* как протогосударство, но это не совсем точно. Протогосударство потому и протогосударство, что оно раньше или позже непременно перерастает в государство. Между тем в эпоху классообразования подобные процессы обладают известной обратимостью, и чифдом может не только длительно законсервироваться на этой стадии, но повернуть вспять, как это случилось у шиллуков и ануаков Африки или качинов Южной Азии. Может быть, отдавая себе в этом отчет, Л. С. Васильев сохранил двойное обозначение: *протогосударство-чифдом*, проиграв таким образом в смысле калькирующей части двойного термина и не выиграв в его русском звучании. Между тем английское *chiefdom* легко переводится на русский как *вождество*, на немецкий как *Häuptlingtum*, на французский как *chefferie*. Именно термин *вождество* и принят нами в данном случае в нашем блоке.

Термин *big man* также легко перевести на русский как *большой (значительный) человек*, но такое словосочетание в качестве термина хотя и не исключено, но громоздко и неудобно. От него не образует прилагательного, а тем более общего понятия, соответствующего английскому *bigmanship*. Калькировать этот термин по-русски невозможно, так как все ассоциируемые с ним слова выражают иные по значению или по исторической окраске понятия. Остается принять термин в его английском звучании, тем более что последнее ничем не уступает звучанию таких уже давно ставших общепринятыми в международном языковом обиходе слов, как *спортсмен*, *джентльмен* или *бармен*.

Термин *линидж* Н. А. Бутинов руссифицирует как *линию*, С. А. Мажетина сохраняет оригинальное звучание¹⁸. Второй вариант представляется более удачным, так как многозначное слово *линия* может быть понято только в определенном контексте (прямая линия, линия родства, линия наследования и т. п.).

Таким образом, собственно языковые вопросы обращения к иноязычной терминологии решаются в нашем блоке словаря, главным образом исходя из возможностей языка и удобства пользования терминами.

6. Можно ли унифицировать терминологию? Терминология является специфическим языком науки. Следовательно, от единства, унифицированности терминологии во многом зависят взаимопонимание ученых и продуктивность научных обсуждений. Между тем, как мы видели выше, многие этнографические термины синонимичны и омонимичны, а этнографы не только разных стран и направлений, но и соотечественники и единомышленники вкладывают в них подчас разное содержание.

¹⁷ Шницерльман В. А. Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980.

¹⁸ Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты). — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М.: Наука, 1968; Мажетина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1980.

Можно ли унифицировать терминологию? Если говорить о такой унификации в международных масштабах, то, как мы опять-таки уже видели, в обозримом будущем, безусловно, нельзя. Здесь методологическое расхождение с неизбежностью сопровождается взаимной неадекватностью многих теоретических понятий, что особенно сказывается на социально-экономической терминологии. Максимум, чем мы в этом отношении располагаем, — это определенный запас интернациональных терминов, в основном заимствованных из классических языков, таких, как *геронтократия*, *теократия*, *майорат*, *минорат*, *элита* и т. п. Все эти термины, которые относятся к архитектонике науки и могут быть названы «техническими», включены в наш блок — если не в заголовки статей, в указатель.

Унификация терминологии в рамках науки одной страны также не легка из-за инерции уже сложившихся терминологических синонимов, омонимов, престижных соображений отдельных ученых, наконец, просто привычки. Но думается, что здесь такая унификация в обозримом будущем все же достижима и к ней надо стремиться. Немалую роль в этом отношении может сыграть сам энциклопедический словарь «Этнография основных понятий и термины». Он, разумеется, не станет нормативным актом и не будет иметь обязательной силы. Сформировавшиеся ученые едва ли откажутся от привычного им (а нередко и введенного ими самими) словоупотребления. Тем не менее словарь в какой-то мере поможет им найти общий язык. Однако еще имеется большое количество студентов, аспирантов, молодых ученых, для которых предлагаемая в готовящемся издании специальная терминология послужит если не нормой, то во всяком случае, рекомендацией и тем самым действенным средством упорядоченного освоения категориального аппарата этнографии.

* * *

Можно думать, что настоящее обсуждение будет более эффективным, если сопроводить эту статью словником социально-экономического блока. Надо только учесть, что отграничение данного блока от ряда других (например, блоков общих понятий, направлений и школ, семьи и брака) в большой степени условно и известная часть социально-экономической терминологии оказалась там. С другой стороны, в наш блок вошла терминология потестарно-политическая, нормативная и в незначительной части даже хозяйственная (статья *Ремесло*). Такое разграничение исторически сложилось в процессе работы редколлегии издания, и, видимо, не оно должно явиться предметом предстоящего обсуждения. Цифры, которыми помечены глоссы, указывают на объем статей (0—7-12 страниц, 1—3-5 страниц, 2—1,5-3 страницы, 3—1-1,5 страницы, 4—0,7 страницы, 5—0,5 страницы и 6—до 0,25 страницы).

Антропосоциогенез 1

Аристократия 4

Бигмен 4

Взаимопомощь 3

Власть 2

Вожество 3

Война 2

Воспитательство 4

Геронтократия 4

Гостеприимство 4

Государство 1

Данничество 3

Демократия 5

Демократия военная 3

Деспотизм 5

Дом общественный 4

Дружина 3

Домохозяйство 3

Зависимость 2

Избегание 4

Изгнание 5

Кабала 4

Каста 2

Клан 3

Классы общественные 1

Контроль социальный 3

Конфликт 3

Крестьянство 1

Линидж 4

Майорат 5

Матриархат 3

Мечь кровная 4

Минорат 5

Мораль 3

Наследование 3

Несвободные 4

Нормы социальная 4
 Обмен немой 4
 Обмен экономический 2
 Общество превобытное 0
 Общество раннеклассовое 2
 Общество тайное 3
 Община 0
 Олигархия 5
 Организация дуальная 3
 Организация политическая 3
 Организация половозрастная 2
 Организация родовая 1
 Организация сегментарная 4
 Организм социальный 3
 Отношения производственные 1
 Патриархат 4
 Патронимия 4
 Периодизация первобытной истории 1
 Периферия первобытная 3
 Племя 2
 Подшучивание 4
 Потребление 3
 Право 3
 Престиж 3
 Продукт общественный 4
 Производство 2
 Рабство 3
 Разделение труда 2
 Ранг 4
 Распределение 2
 Расслоение общественное 3

Редистрибуция 5
 Ремесло 3
 Реципрокация 5
 Руководитель 2
 Связи территориальные 3
 Силы производительные 3
 Собрание народное 3
 Совет 3
 Собственность 1
 Сословие 3
 Союз женский 4
 Союз мужской 4
 Союз племен 4
 Способ производства 2
 Стадо первобытное человеческое 4
 Статус 4
 Суд 4
 Теократия 4
 Торговля 2
 Труд 3
 Уклад общественно-экономический 2
 Формация общественно-экономическая 3
 Фратрия 4
 Цивилизация 3
 Эгалитарность 5
 Экономика первобытная 2
 Экономика престижная 2
 Эксплуатация 2
 Элита 5
 Этикет 4

Ю. В. Бромлей

ВАЖНАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ

В методологии каждой науки, как известно, важнейшее место занимает ее понятийно-терминологический аппарат. Ведь представляя собой обобщенный результат познания действительности, существенных свойств, связей и отношений предметов и явлений, понятия, фиксированные в терминах, выступают важнейшим инструментом научного исследования. Для этнографической науки на современном этапе ее развития разработка понятийно-терминологического аппарата приобретает особое значение. Это обусловлено в первую очередь теми задачами, которые выступают перед ней в условиях весьма значительных перемен, происходящих в современной общественной жизни, что не могло не сказаться и на развитии всего комплекса социальных наук, в том числе на их междисциплинарном взаимоотношении. В частности, существенное значение в данной связи имеет для этнографии интенсивное развитие в нашей стране в последнее десятилетие конкретно-социологических исследований, поставившее задачу кооперации этнографических и конкретно-социологических знаний, а тем самым и более четкого их размежевания. Нельзя не учитывать также и расширившиеся международные связи советских этнографов, прежде всего с их коллегами из стран социалистического содружества. Это настоятельно требует усиления международной конвенциональности при использовании этнографического

понятийно-терминологического инструментария. Всем сказанным условлена задача подготовки совместными усилиями этнографов СССР и ГДР словаря основных этнографических понятий и терминов.

Естественно, что подготовка этого далеко не стандартного по своим параметрам труда выдвинула ряд вопросов общего характера. Не случайно, что именно они и занимают центральное место в вынесенной на обсуждение статье А. И. Першица, содержание которой в результате оказалось шире ее названия. И такой широкий подход к статье хочется тем более приветствовать, что, на наш взгляд, имеются достаточные основания поддерживать основные общие соображения ее автора. Прежде всего это относится к предлагаемому в статье решению вопроса о соотношении в словаре специфически-этнографических и междисциплинарных понятий. Имею в виду тезис автора, согласно которому включение в словарь фундаментальных обществоведческих понятий (а сама необходимость этого не вызывает сомнений) требует преломления их через призму этнографии, показа «как они работают на этнографию и каким может быть этнографический угол зрения на них самих». Такой подход важен не только для подъема методологического уровня этнографии, но и для ее междисциплинарных связей. И все же представляется, что объем статей, посвященных «междисциплинарным» терминам, должен быть меньшим, чем специально-этнографических, ибо подробные сведения об основных чертах первых читатель может почерпнуть из справочных изданий общего характера. Поэтому, к примеру, на наш взгляд, вполне правомерно, что словник отводит меньший объем для статьи «формация общественно-экономическая», чем для статьи «уклад общественно-экономический».

Заслуживает внимания и мнение автора о том, что надо стремиться к однозначности терминов. Особенно это относится к тем случаям, когда в качестве терминов используются слова, взятые из обиходного языка, — такие термины чаще всего отличаются многозначностью. Имея в виду словарь в целом (а не только «социально-экономический» блок), сошлюсь для примера на такое слово, как *народный*, широко используемое в этнографической науке в качестве составной части многих специальных терминов (*народное творчество, народный театр, народная медицина* и т. п.).

Справедливо уделяя основное внимание общим вопросам подготовки словаря статья, однако, не лишена, на наш взгляд, отдельных пробелов по проблематике, имеющей общее значение для того его раздела, который автор, судя по всему, предполагает именовать «Социально-экономическая организация и соционормативная культура». Подобное наименование раздела представляется вполне правомерным, но в таком случае во вводной к нему статье было бы существенно, в частности, специально отметить, что сам термин *социальный* употребляется в нашем обществоведении далеко не однозначно. Он имеет широкое и узкое значение. В первом случае *социальными* именуются все общественные явления. Иными словами, сюда включаются явления экономические, языковые, политические, национальные, правовые, нравственные, эстетические и т. д. Во втором случае¹ под *социальными* понимаются лишь отношения между основными элементами социальной структуры общества²: прежде всего классами, а также социальными группами, стоящими

¹ Иногда выделяют три трактовки понятия «социальные отношения», рассматривая в качестве их отдельной разновидности отношения между всеми группами, входящими в определенную историческую общность (см. об этом; Руткевич М. Н. Методологические проблемы изучения социальной структуры социалистического общества. Свердловск, 1972, с. 3).

² Иными словами, теми элементами общества, суть существования которых составляют производственные отношения. Подчас, правда, можно встретить возражения против употребления термина *социальный* в узком и широком значении. Однако если принять это возражение, то придется отказаться от таких, например, терминов, как *социально-экономический*, ибо в нем слово *социальный* явно имеет «узкое значение», т. е. не охватывает все общественные явления; в ином случае употребление второго в составе рассматриваемого термина слова — *экономический* — оказалось бы лишенным всякого смысла.

ние классов, и внутриклассовыми социальными слоями. При этом существует мнение, что не только в первом, но и во втором случае имеется в виду, что социальные отношения охватывают все отдельные виды общественных отношений, как бы синтезируя их³, разумеется, лишь в сфере взаимодействия основных элементов социальной структуры общества. Очевидна и необходимость терминологического разграничения указанных двух значений слова *социальный*; в ожидании соответствующих предложений представляется целесообразным для его первого (широкого) значения использовать слово *общественный*⁴.

В обсуждаемой статье, на наш взгляд, следовало бы также остановиться на вопросе о правомерности использования для наименования рассматриваемого в ней комплекса понятий термина *соционормативная культура*. Это тем более желательно, что указанный термин сравнительно недавно введен в научный обиход. Не вдаваясь во все детали этой далеко не простой задачи, отмечу лишь, что ее решение связано с рассмотрением общества (социального организма) в двух проекциях, одна из которых позволяет вычленить социальные отношения в узком значении слова, другая — всю культуру, включая ее соционормативную сферу⁵. Соответственно под последней понимается совокупность тех компонентов культуры, которые обеспечивают детерминацию и регуляцию человеческого поведения; при этом имеются в виду такие институты, как право, мораль, обычай, ритуал, значительная часть религиозных институтов и различные социальные структуры⁶.

Одним словом, разработка понятийно-терминологического аппарата этнографической науки требует особого внимания к методологическим проблемам общего характера. Обсуждаемая статья, несомненно, стимулирует такую ориентацию, и в этом одно из ее существенных достоинств.

³ См.: Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М.: Изд-во МГУ, 1971, с. 67—68.

⁴ Ср.: Дроздов А. В. Понятие социальной структуры как социологическая категория. — В кн.: Проблемы исторического материализма. Л., 1971, с. 20.

⁵ Из последних работ, рассматривающих эту проблему, см.: Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983, с. 23—26; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 91—101.

⁶ См.: Мкртумян Ю. И. Компоненты культуры этноса. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978, с. 44—45; Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса. — СЭ, 1982, № 1, с. 9—10.

С. А. Арутюнов

ЗА КОРРЕКТНОСТЬ ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВА

В этом кратком отклике на поднятые А. И. Першицем вопросы я не собираюсь обсуждать принципы отбора терминов для словаря. Такой отбор в любом случае происходит в значительной мере интуитивно, исходя из того, какие термины воспринимаются как наиболее употребительные и операционально насыщенные среди общего терминологического тезауруса, присущего группе ученых — составителей подобного словаря. Все прочие рассуждения обычно служат лишь для придания видимости объективности и логичности этому в основе своей субъективному и ассоциативно-интуитивному процессу. В таком оправдании вряд ли есть надобность — практика показывает, что в таких начинаниях интуиции одного или нескольких крупных ученых вполне достаточно для достижения хорошего результата.

Что касается соотношения понятий и терминов, то в обществах наук в обозримом будущем качественный подход к определению процессов и явлений явно будет, как и раньше, резко преобладать над количественным, и соответственно этому идеал строгого соответствия термина и понятия, не всегда, кстати, достигаемый даже в точных науках, не говоря уж о естественных, останется далеким от достижения. А. И. Першиц приводит четыре значения термина *раннеклассовое общество* и считает, что правомерно употреблять его лишь для первых из них.

Однако по существу, оставляя в стороне безусловно неправомерное четвертое употребление (наиболее удачно называть любые классовые общества докапиталистической эпохи, на мой взгляд, традиционалистскими или доиндустриальными классовыми обществами), нельзя не видеть, что в реальном употреблении термин *раннеклассовое общество* соответствует достаточно широкому семантическому полю, охватывает все три первых случая, кроме высокоразвитых поздних обществ с так называемым азиатским или политарным способом производства, и, что самое главное, провести линии разграничения между этими случаями на практике бывает чрезвычайно трудно.

Но в данной публикации я хочу коснуться прежде всего проблемы обновления и обогащения нашего терминологического арсенала. Если словарь не может обладать силой принуждения в плане смыслового употребления (или неупотребления) термина, то в плане его написания он такой силой обладать может. Редакторы издательств знают, что этнонимы следует выверять по «Атласу народов мира», а топонимы — по «Географическому атласу мира» 1967 г. И когда выйдет в свет готовящийся словарь, он может стать таким нормативом.

Ряд обстоятельств (невнимательное отношение к изучению древних языков, поверхностное знание английского языка рядом ученых, занимающихся терминоведением, и т. д.) приводит, к сожалению, к тому, что наш терминологический лексикон засоряется лингвистически некорректными терминами. Не всегда можно добиться переводимости новых русских терминов на западные языки — не поддается адекватному переводу термин *кабала*, тем более ему не поддаются *кабальные, деленные, разборные* и прочие отношения и ряд других терминов, введенных Ю. И. Семеновым. Источником постоянных мучений переводчиков являются такие сверхупотребительные слова, как *область* и *народность*. Совершенно нетерпимым представляется мне употребление прилагательного *реципрокный*, грубо нарушающего нормы одновременно и латинской, и русской грамматики. Вошло в обиход слово *полиэikonия*, однако через «эй» (ныне чаще «ой») обычно передается в русском греческий дифтонг *oi*, а *ei* неизменно передается через «и», и закономерно, что в английском переводе этот термин становится полииконизмом. Отмечу, что исторически разная транскрипция одних и тех же греческих слов уже приводила в русском языке к образованию различных терминов — *схема* и *схима*, *сцена* и *скиния* и т. д. Нежелательны и выглядят уродливо даже греко-латинские биномы (типа культурологии), не говоря уже о смешении современных языков с древними (наукология, сайентология и подобные терминологические уродцы).

Ничего нельзя возразить против введения в русский язык, когда нужно, английских терминов англо-саксонского происхождения, типа *бигмен*; однако ничем не оправдано введение романских (латинских, французских) терминов в «англизированной» форме. Мне очень режут слух не только чудовищное *трайбализм* (вместо трибализм), но и все широко распространившиеся за последнее время *линиджи* и *рэмиджи* — в соответствии с традициями русского языка гораздо корректнее было бы говорить *рамаж* и *линеаж*.

Бороться с этим полуграмотным терминоведением по ряду понятных причин крайне трудно. Тщетно воюет наш старший коллега С. А. Токарев против совершенно неправомерного сочетания «продукт питания» — его употребляют все и, видимо, будут употреблять. Склон-

ность к мещанской «красивости», кажется, уже вытеснила из нашей речи (даже научной!) слово *центр*, заменив его, ни к селу ни к городу, *эпицентром*, хотя последнее слово имеет свое очень четкое терминологическое значение. Пожалуй, единственное оружие тут — это нормативный словарь. Только он может вернуть в законное русло прорвавшие дамбы грамматики и традиции мутные волны неконтролируемого терминотворчества, восстановить попорченную грамматическую и стилистическую справедливость. И будет очень жалко и обидно, если это единственное оружие останется в этом плане неиспользованным.

Г. Е. Марков

О ТЕРМИНАХ И ПОНЯТИЯХ В ЭТНОГРАФИИ

В последние годы исследователи, работающие в области этнографии и истории первобытного общества, все чаще и настойчивее отмечают неудовлетворительное состояние используемой в публикациях терминологии и понятий¹. Это обстоятельство, и необходимость их уточнения и унификации справедливо отмечаются в обсуждаемой статье А. И. Першица.

В связи с этим необходимо подчеркнуть важность и своевременность работы по подготовке энциклопедического словаря «Этнография: основные понятия и термины», с чем связана и настоящая дискуссия. Значение обсуждаемых вопросов особенно велико потому, что после выхода в свет энциклопедии принятые в ней определения терминов и понятий долгое время будут иметь нормативное значение и использоваться в научных исследованиях и в преподавании в высшей школе. Это требует особой осторожности и такта в отборе терминов, большой точности в формулировке понятий. В том случае, когда проблема остается дискуссионной, излишняя категоричность суждений может привести только к разрыву излишних дискуссий.

Думается, что предложения, высказываемые в обсуждаемой статье, формулировки терминов и понятий, отвечают в целом этим требованиям и заслуживают серьезного внимания и одобрения. Вместе с тем, как и во всяком новом деле, касающемся тем более столь сложных теоретических проблем, существуют и некоторые аспекты, нуждающиеся в дальнейшем обсуждении.

В связи с этим хочется высказать некоторые соображения. Прежде всего по поводу отдельных понятий и терминов, рассматриваемых в обсуждаемой статье, а затем в связи с некоторыми возможными дополнениями.

А. И. Першиц, безусловно, прав, когда он пишет, что термины должны однозначно соответствовать выражаемому им понятиям и что единственно верный принцип — «одно понятие — один термин». Этому ответ и предлагаемый путь отбора терминов: рассматривать каждое понятие под своим термином, а не сводить генетически, функционально, филологически родственные понятия в относительно крупные блоки, рассматривая их под одним обобщающим термином (см. с. 61). Но (и это тоже справедливо отмечает А. И. Першицем) отбор терминов — дело очень сложное из-за их разнохарактерности.

Проще всего обстоит дело с терминами, давно уже вошедшими в научный оборот и достаточно строго отвечающими определенным понятиям. Их много, например можно назвать: *общественно-экономиче-*

¹ См., напр.: Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории мифа и общества. — СЭ, 1982, № 2.

ская *формация, разделение труда, государство* и др., хотя и относительно этих понятий можно встретить в литературе разные мнения.

Другая категория — это термины широко распространенные, давно вошедшие в науку, но применяемые в связи со спорными или устаревшими понятиями. Остановимся на некоторых предложенных для обсуждения понятиях.

Патронимия. На с. 62 автор достаточно убедительно показывает, что отсутствие единого понимания существа этого понятия. Приводится удачное предложение Н. А. Кислякова заменить термин *патронимия* термином *семейно-родственная группа*. И вместе с тем А. И. Першиц высказывает мнение, что термин *патронимия* следует сохранить, так как существует «новый подход» к определению этого понятия (см. с. 63). Однако в чем заключаются достоинства этого нового подхода, остается не вполне ясным, и можно полагать, что рассматриваемый термин в связи с неопределенностью и многозначностью связанных с ним понятий лучше обозначить как устаревший и в дальнейшем не нужный.

Право. В принципе справедливо критикуется употребление этого термина применительно к первобытнообщинному строю (с. 64). Но известно, что в литературе давно утвердился по отношению к обществам, не достигшим уровня развитых классовых отношений, термин *обычное право*. Можно предложить термин *обычай*, но он слишком многозначен.

Военная демократия. Представляется, что критика использования этого термина и понятия для определения социально-экономического явления более широкого, чем надстройка, спорна. Можно согласиться, что военная демократия не была универсальным социально-экономическим этапом в развитии исторического процесса. Однако для определения не только надстройки, но и всей социально-экономической структуры определенных обществ это понятие и, соответственно, термин могут оказаться пригодными. Так, в частности, может быть обозначен общественный строй кочевых народов, представляющий собой как бы самостоятельные политические и социальные организмы при общинном владении пастбищами и частной собственности на скот. В связи с этим предлагаю определять социально-экономический строй такого рода народов как *кочевую военную демократию*². Кстати, точки зрения авторов, на которые ссылается А. И. Першиц, едва ли бесспорны и окончательно решают проблему.

Матриархат. Совершенно верно отмечается, что это понятие, связанное с гипотетическим предположением о якобы существовавшей исторической эпохе господства женщины, не выдержало проверки временем. Совершенно ясно, что наличие чьего-либо господства в обществе в принципе несовместимо с тем, что понимается под первобытнообщинным равенством. В связи с этим полагаю, что нельзя обозначать этим термином, содержащим частицу *arché* (власть), и такие явления первобытного общества, как матрилинейность, матрилокальность и т. п. Лучше прямо указать, что термин и понятие *матриархат* устарели и имеют лишь историографическое значение.

Следующая категория терминов — новации, в том числе заимствованные из иностранных языков. Представляется, что в нашей этнографической литературе используется в последнее время излишне много иностранных терминов, имеющих простой и понятный русский эквивалент. Это создает наукоподобность, но науку не обогащает. Совершенно прав А. И. Першиц, когда он говорит, к примеру, о том, что термин *chiefdom* можно обозначить по-русски словом *вождество* (а можно сказать и *предводительство*). Подходящими русскими терминами можно обозначать *патри-* и *матрилиниджд*, *дистрибуция*, *реципрокность* и т. д.

² «Кочевую военную демократию» не следует смешивать с встречающимся в литературе определением общественного строя некоторых африканских народов, как военно-демократического, так как социально-экономическая база этих народов совершенно иная, чем у кочевников.

Очень осторожно следует поступать со старыми, давно вошедшими в науку терминами, являющимися вольным переводом местных терминов. Уже не раз приходилось писать о термине *род* применительно к общественной организации номадов. Исходя из «первобытного» звучания этого термина, многие авторы усиленно искали (и считали, что находили) не существующие у кочевников первобытные черты в общественной организации. Любой термин субъективен, и объективно только то понятие, к которому он прилагается. Таким образом «филологическое» толкование понятия на основании звучания субъективного термина представляется глубоко ошибочным.

Думается, что в приложенном к обсуждаемой статье словнике приведены не все термины и понятия, имеющие самый непосредственный социально-экономический смысл. В частности, отсутствуют термины *номад* (кочевник), *скотовод* и др., хотя иерархически аналогичные термины в словнике приведены (например, *крестьянство*).

В связи с этим хочу предложить терминологию и понятия, связанные с социально-экономическими явлениями у скотоводческих народов.

В наиболее сжатом виде это можно сделать в связи с системой классификации и терминов скотоводства, учитывая его специфику и место среди других отраслей хозяйственной деятельности, размещая в иерархическом порядке его показатели, а соответственно термины и определения, от наиболее общих до наиболее конкретных. При этом в качестве общих показателей принимаются определения комплекса: хозяйственной деятельности, социально-экономических отношений и образа жизни. В качестве конкретных — термины, связанные с технологическими приемами скотоводства³.

Наиболее целесообразным представляется использовать уже принятые и имеющие в других науках давнюю традицию терминологию и систематику. Ближе всего к нашим задачам — термины и классификация биологической систематики, которую можно использовать в объеме, необходимом для рассматриваемой цели, за исключением терминов, не подходящих для определения хозяйственной деятельности.

Предлагаемая систематика (соответственно и терминология) состоит из двух частей. Первая часть — общая. В ней классифицируются наиболее крупные комплексы понятий производящей деятельности, рассматриваемые как типы и составляющие их подтипы отраслей хозяйства.

Тип. Этим термином обозначаются наиболее крупные комплексы производящей хозяйственной деятельности в доиндустриальных обществах: 1) *Оседлый* (оседло-земледельческий) тип хозяйства. 2) *Подвижный* (подвижно-скотоводческий, пастушеский) тип хозяйства. 3) *Номадный* (номадно-скотоводческий) тип хозяйства.

Подтип. Оседлое хозяйство составляют подтипы: а) *оседлое* (возвжные случаи полuosедлого) *земледелие* как ведущая отрасль, б) *оседлое и полuosедлое скотоводство*, в) прочие занятия.

Подвижное хозяйство включает подтипы: а) *пастбищное скотоводство*, б) *полuosедлое земледелие*, в) прочие занятия. Ведущая отрасль варьирует.

В номадном хозяйстве существуют подтипы: а) *пастбищное скотоводство* — ведущая отрасль, б) часто встречающееся *полuosедлое земледелие*, в) прочие занятия.

При оседлом земледелии скотоводство представляет собой вспомогательный подтип. Уход за скотом осуществляется специальными пастухами, основное население в этом не участвует.

При подвижном хозяйстве скотоводство представляет собой либо основное занятие отдельных групп внутри оседло-земледельческого населения, либо является в одном случае более или менее временным, а другом не обязательно основным средством получения жизненных благ мигрирующими народами.

³ Терминология и систематика разработаны совместно с К. П. Калиновской. Предлагаемые для обсуждения и словника термины даны курсивом.

При номадизме скотоводство составляет основу хозяйственной деятельности и доставляет главные средства существования, не исключая и других видов деятельности. Ведется в пастбищной экстенсивной форме. Понятие *номадизм* включает не только хозяйственную, но и социальную характеристику общества, так как номады составляют отдельные от земледельческих народов социальные организмы (удачно названные Ю. И. Семеновым «демосоциальными»), а экстенсивный пастбищный скотоводческий экономический базис порождает соответствующую социальную структуру и форму общественной организации. Скотоводство у номадов — дело всего народа.

Вторая, специальная часть систематики посвящена терминам и понятиям собственно скотоводческого хозяйства, в связи с чем выделяются классы, роды и виды скотоводства.

Под классами имеется в виду совокупность хозяйственных и социально-экономических показателей, образа жизни, определяющая характер скотоводства каждого из его трех подтипов: оседлое, подвижное, номадное хозяйство.

Род и вид скотоводства рассматриваются как низшие ступени системы классификации и являются показателями технологических приемов хозяйствования: род содержания скота и вид его выпаса.

Рассмотрим содержание понятий в связи с названными терминами. **Класс.** Скотоводство оседлого и (полуоседлого) подтипа ведется в виде *придомного* и *отгонного* классов хозяйства.

При придомном скотоводстве животные находятся постоянно около оседлых жилищ, пользуются прилегающими к селениям пастбищами получают заготовленный впрок корм.

При отгонном содержании скота животные пасутся пастухами в более или менее дальних пастбищах. Отгонное скотоводство оседлого населения может быть по форме сходным с приемами ведения хозяйства подвижными скотоводами и номадами. Поэтому способ выпаса скота сам по себе не может служить критерием при систематике скотоводства.

При подвижном типе хозяйства могут быть выделены как класс *трансгуманс* (называемый в литературе иногда полукочевым скотоводством) и *миграционно-военный* класс скотоводства.

Известны два варианта трансгуманса. В одном случае часть населения живет оседло, другая же весь год или несколько месяцев в году находится со скотом на отгонных пастбищах. Во втором — все население живет какое-то время года оседло, а в остальное передвигается со скотом.

Класс миграционно-военный существенно отличается от трансгуманса. Он может быть подразделен на два варианта. Как известно из истории, целые народы или даже группы народов переходили в древности и в средние века к временной подвижности. В одном случае это были вызванные различными социально-экономическими, политическими и природными факторами миграции оседлого или полуоседлого населения, вынужденного оставить места своего обитания и заняться условиями миграций скотоводством. Но такие группы населения, подобно части скифов и других так называемых евразийских «кочевников», со временем опять переходили к полуоседлости или оседлости, хотя и некоторые из них могли остаться номадами. От номадов подвижных скотоводов отличали временная или вынужденная подвижность, сохранение в материальной культуре традиций оседлого и полуоседлого быта.

Другой вариант подвижного скотоводства возникал у номадов, направлявшихся в дальние завоевательные походы. Их семьи и соплеменники, оставшиеся кочевать на пастбищах своей родины, продолжали вести традиционное номадное хозяйство. Воины, уходившие в походы, также имели скот: частично взятый с собой, частично захваченный. Основные средства существования они добывали уже не посредством экстенсивного пастбищного скотоводства, а другими способами (грабежом, переходом части завоевателей к оседлому хозяйству и т. п.).

Когда завоеватели возвращались к родным кочевьям, они опять становились номадами.

Таким образом, в обоих вариантах рассматриваемого класса скотоводства общее заключалось в том, что своеобразная «подвижная» форма ведения хозяйства была временным явлением и сменялась либо седлостью, либо возвращением к номадизму, а скотоводство сочеталось с другими, порой представлявшимися даже более важными отраслями занятий: грабежом, ремесленным производством и т. п.

Классы номадизма составляют *кочевое* и *полукочевое* скотоводство. Они схожи по форме и по существу, и различия между ними условны и локальны. В зависимости от природной среды, политической ситуации, имущественного и социального положения хозяйство номадов может быть более или менее подвижным, сочетаться в разных соотношениях с другими видами занятий: земледелием, домашними промыслами, опровождением караванов, грабительскими набегами. Но в любом случае экстенсивное пастбищное скотоводство составляет у собственно номадов и полуномадов главный вид деятельности, доставляющий основные средства существования. Попытки универсального подразделения номадов и полуномадов по их подвижности, степени развития земледелия, наличию постоянных жилищ не приводят к желаемому результату, так как эти явления не универсальны, а локальны. Отсутствуют общие признаки, по которым можно различить два эти класса. Различия относительны и могут быть выявлены только в каждом отдельном, территориально ограниченном регионе. Но в каждом локальном регионе различия между номадами и полуномадами достаточно заметны (видовой состав стад, характер перекочевки, значение вспомогательных отраслей деятельности и др.). Поэтому выделение номадов и полуномадов в отдельные классы представляется оправданным.

Род. Следующие, более низкие ступени систематики и терминологии называются с технологическими приемами скотоводческого хозяйства. Выделяется род содержания животных в различных классах скотоводства.

В условиях придомного и отгонного классов выделяются (в порядке распространенности) *стойловый*, *сезонный* и *круглогодичный* род содержания скота.

При трансгумансе и военно-миграционном скотоводстве практикуется *сезонное*, *круглогодичное* и *стойловое* содержание животных.

При номадизме имеет распространение *круглогодичное*, *сезонное* и *стойловое* содержание животных.

Таким образом, при всех типах хозяйства и классах скотоводства варианты рода содержания скота сходны по номенклатуре, но различаются по распространенности, значению, характеру.

Вид. В качестве последней, низшей ступени систематики скотоводства могут быть приняты виды выпаса скота. Этих видов в соответствии с природными условиями, имущественными и специальными различиями может быть очень много, и в каждой местности могут быть свои, специфические виды выпаса. В качестве наиболее распространенных называют *меридиональный*, *вертикальный*, *стационарный* виды выпаса, которые практикуются не только номадами, но и подвижными скотоводами, а также при отгонном скотоводстве оседлого населения.

Таким образом, ни род содержания животных, ни вид выпаса не могут приниматься в качестве критериев при систематике скотоводства, так как они весьма схожи по форме во всех его классах и типах хозяйства.

Статья А. И. Першица затрагивает целый комплекс вопросов, которые важны и сами по себе, и особенно в связи с такой существенно частью понятийного аппарата этнографической науки, как социально-экономическая (и, добавлю, социально-политическая, в чем легко убедиться, взглянув на приложение к статье) и соответствующая ей терминология. Можно было бы, конечно, заметить, что вопросы эти стоило продумать и обсудить достаточно широко еще в период оформления самого замысла энциклопедического справочника, тем более, что и задумывался он с самого начала как результат сотрудничества ученых двух стран — СССР и ГДР. Но, с другой стороны, многое могло проясниться либо, наоборот, потребовать более внимательного изучения уже как раз в ходе непосредственной подготовки словарных статей.

Как бы то ни было, создание справочника подведет определенным итог весьма интенсивному в последние полтора десятка лет процессу терминотворчества. Этот процесс развивался порой, даже опережая обогащение понятийного аппарата этнографии, что вело или к появлению многих терминов для обозначения одного и того же понятия, или, напротив, к попыткам распространить привычные термины на все более широкий и соответственно более расплывчатый круг явлений. Поэтому если новое издание и не станет в полном смысле этого слова нормативным — здесь я целиком согласен с А. И. Першицем, — оно, во всяком случае, может представить некую точку отсчета при последующей работе с понятийно-терминологическим аппаратом этнографии. Справочник как бы зафиксирует исходный объем понятий, отражающий состояние советской и мировой этнографической науки на рубеже 70-х и 80-х годов.

В статье А. И. Першица можно указать несколько направлений, заслуживающих обсуждения. Это, во-первых, общие принципы формирования словника, включая важнейший их аспект — соотношение понятий и термина; во-вторых, вопрос об обновлении и уточнении самого состава словника и, наконец, последнее по порядку, но не по значимости, — проблема максимально адекватной передачи понятий и терминологии в процессе международных научных контактов. Конечно, содержание статьи этими направлениями не исчерпывается, но я в дальнейшем ограничусь только ими.

Важнейшие принципы, положенные в основу работы над справочником, едва ли могут вызвать какие-либо сомнения и тем менее — возражения. В частности, представляется совершенно бесспорным выбор генерального подхода к отбору терминов именно в силу его общетерминологического, мировоззренческого смысла. И точно так же, по-видимому, в статье А. И. Першица в целом правильно решается вопрос о соотношении дробности и компактности при определении состава статей. Правда, можно было бы, вероятно, более определенно и обобщенно сформулировать принцип эвристической целесообразности в качестве решающего в данном случае критерия. Ведь в конечном счете будущий справочник в том виде, в каком он сейчас складывается (имею в виду состав словника), рассчитан в такой же, а возможно, и в большей мере на этнографов, как и на более широкий круг специалистов-гуманитариев. И задача, как кажется, заключается прежде всего в нахождении разумного компромисса между требованиями, предъявляемыми к сугубо специальным и более общего характера изданиям, без перехода той грани, за которой мы бы имели дело со справочником общесоциологическим или общеполитическим. Надо ведь иметь в виду, что чрезмерно общие статьи, давая более широкую перспективу, в то же время неизбежно «спрямляют» показываемый в них путь исторической эволюции, что приемлемо для историка, но недостаточно для этнографа.

Следовало бы учитывать и следующее. В ряде случаев антимарксистская трактовка тех или иных фактов и явлений зарубежными исследователями обусловлена собственно «отталкиванием» от упрощенческих и по сути дела искаженных представлений о марксистской теории общественного развития, восходящих к 30—40-м годам и имеющих хождение на Западе и в развивающихся странах еще и в наше время. Это, понятно, не меняет объективной роли таких трактовок в общей картине идеологической борьбы в науке. Но максимально подробное изложение марксистской точки зрения, в том числе и в обобщающих статьях подготавливаемого справочника, поможет сокращению числа проявлений подобного антимарксизма, основанного во многих случаях на недостаточной осведомленности.

Оценка соотношения понятия и термина как будто не дело типовой словарной статьи. Но в данном случае, при быстром расширении понятийного аппарата науки, дело обстоит несколько иначе, чем обычно. Возьмем в качестве примера рассматриваемые А. И. Першицем понятие и термин «раннеклассовое общество». К тому, что о них говорится в статье, можно добавить также, что и в марксистской литературе понятие раннеклассового общества сравнительно недавно вошло в широкое употребление, хотя, конечно, было хорошо известно и раньше. Это вытекает из небывалого обогащения наших представлений о частных закономерностях развития этого этапа вторичной формации по Марксу и о конкретных формах, какие такой этап мог приобретать у разных народов и в разных исторических условиях. Но этим же объясняется и та многозначность, которая наблюдается в его истолковании разными авторами и которую отмечает А. И. Першиц.

Здесь можно, видимо, также говорить об определенной закономерности, возникающей при движении, обобщенно говоря, от типологии (общество классовое, противопоставляемое бесклассовому) к классификации (различные формы и разновидности классового общества). Любой исследователь, изучая какой-то конкретный раннеклассовый общественный организм, добавляет к некоторой типологической «базовой» характеристике — можно заметить, что ею обычно имплицитно служат первые два значения понятия и термина, отмечаемые А. И. Першицем, — черты индивидуальные, специфичные именно для данного организма. И всякое дальнейшее обогащение конкретных знаний об отдельных стадиях близких общественных организмах объективно должно вести к известному «размыванию» точного значения термина. Поэтому-то по возможности более четкое определение объема понятия, обозначаемого тем или иным термином, и представляется, с одной стороны, особенно важным при подготовке словника; с другой же стороны, это как раз и приводит нас к необходимости оценивать соотношение понятия и термина в самом тексте справочника. Притом такая оценка кажется, несомненно, целесообразной и полезной в максимально большом числе крупных статей.

Несколько слов об обновлении понятийно-терминологического аппарата. И понятийный аппарат, и связанная с ним терминология в социально-экономической и социально-политической областях науки существенно расширились за последние десятилетия, хотя не исключено, что и в иных ее областях, скажем, в сфере теории этноса и этнических процессов, этот процесс шел быстрее или интенсивнее. И неизбежное при этом уточнение или переосмысление отдельных привычных понятий порождает необходимость создать и объяснить новые понятия, термины, обозначающие те явления и факты общественной эволюции, которые с особенной ясностью выступают на передний план как раз в ходе такого уточнения или переосмысления. По всей видимости, подобные новые понятия и термины, обозначающие их, заслуживают того, чтобы быть представленными в словнике. Ограничусь одним примером. Говоря об эволюции понятия *военная демократия* в отечественной литературе, А. И. Першиц справедливо подчеркивает, что «*военная демократия* переросла в государство не непосредственно, а через про-

структуры» (с. 65). Но на основании того, что нам сейчас известно непосредственном переходе от доклассового общества к классовой можно, как мне представляется, утверждать, что как раз военно-иерархические структуры, во-первых, отнюдь не обязательно были в это процессе связаны с «вырождавшейся» военной демократией, возникли сами по себе, а во-вторых, что распространены они были несравненно шире, нежели последняя, обходясь без нее как предшествующего этапа. Такие структуры, видимо, образовывали, если и не обязательный, во всяком случае, один из самых типичных вариантов складывания власти в раннеклассовом обществе вне зависимости от его конкретной формационной характеристики. И даже в применении к кочевым обществам не лишен, может быть, смысла вопрос о том, к чему ближе переходные их формы: к военной демократии или к военно-иерархической структуре. Во всяком случае, по-видимому, имело бы смысл предусмотреть в словнике специальную статью о военной иерархии как переходной форме организации публичной власти на рубеже предклассового раннеклассового общества.

В связи с вопросом о передаче русских терминов этнографии на других языках хотелось бы обратить внимание на то, что смешение обыденного и научного толкования слов — факт, более или менее присущий речевой практике едва ли не всех развитых языков мира. Такое смешение имеет, однако, в этих языках разный облик, происходит на разном смысловом уровне. При восприятии иноязычной терминологии в сознании исследователя эти уровни непременно сталкиваются. Достаточно строгость научной процедуры в какой-то мере может ограничить искажающий эффект такого столкновения. И все же несовпадение семантических полей даже при терминах, заимствуемых из классических языков, сохраняется, и с ним приходится считаться всякий раз при переводах на иностранные языки отечественных работ. В качестве одного из самых обычных примеров такого несовпадения, хорошо известного любому, кто имел дело с нашими переводами этнографической литературы, можно указать на трудности, неизменно возникающие на пути адекватной передачи на европейских языках русской терминологии, связанной с понятием и термином *нация* и их производными формами. Эти обстоятельства вновь возвращают нас к настоятельно ощущаемой потребности в оценке в самом корпусе словаря соотношения между понятиями и терминами; во всяком случае, такая оценка желательна в любом случае, когда мы имеем дело с достаточно распространенным мировой научной литературой термином.

Несомненно, что в определении исследователем семантического поля того или иного термина важнейшую роль играют, как совершенно справедливо указывает А. И. Першиц, соображения идеологические. Но в такой же мере прав, когда подчеркивает и значение различий между национальными научными традициями для взаимопонимания между исследователями из разных стран мира. По-видимому, вопрос можно поставить и шире, говоря о национальной культурной традиции в целом. И вот как раз с этой точки зрения возникает необходимость учитывать, как тот или другой вновь вводимый термин соотносится с этой традицией, насколько он, если можно так выразиться, в ней органичен. В этой связи, мне кажется, предпочтительное употребление в английской литературе термина *early state* вместо *early class society* связано не с одними только идеологическими мотивами, как бы бесспорна такая связь ни была. Заслуживает внимания то, в какой мере термин *early class society* органичен для английской культурной традиции, не воспринимается просто как калька немецкого *Frühklassengesellschaft* (или, при переводе советских работ, нашего *раннеклассовое общество*). Нелишне в этой связи отметить, что во французской литературе однозначного термина для обозначения этой стадии общественного развития не существует. Французские авторы пользуются описательными выражениями типа *société de classes à ses débuts*. Собственно гово-

и самое указание А. И. Першица на то, что проблема использования справочнике иноязычной по происхождению терминологии решается «сходя из возможностей языка и удобства пользования терминами» (67), может рассматриваться как иная формулировка этого необходимого условия: максимальной органичности вхождения иноязычного термина в новую для него научную и общекультурную традицию. Видим, этим только и можно руководствоваться при решении и вопроса «Альфа или транслитерация?», и вопроса о замене иноязычных терминов русскими, и вопроса о создании новых терминов, когда есть зарубежные аналоги для них. Все это, конечно, при условии, что мы хотим говорить о проблемах своей науки ясным и общедоступным для специалистов — так и хочется сказать «нормальным»! — языком.

Ю. И. Семенов

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ

Я согласен с подавляющим большинством общих принципиальных суждений, выдвигаемых и обосновываемых в статье А. И. Першица. Вызывает у меня сомнения вывод о необходимости рассмотрения в «Этнография: основные термины и понятия» не только чисто ографических, но и междисциплинарных понятий и терминов. Так как и А. И. Першицу, мне представляется предпочтительным сведение генетически, функционально, типологически родственных понятий в типовые блоки при условии, конечно, что данное укрупнение, во-первых, должно быть чрезмерным, во-вторых, не должно исключать и отдельное рассмотрение некоторых важных по тем или иным соображениям понятий, входящих в данный блок.

Очень интересны соображения, высказанные А. И. Першицем по поводу обновления понятийно-терминологического аппарата науки. Конечно, на мой взгляд, давно уже назрело введение в этнографическую науку термина *вождество*. Не останавливаясь на всех этих и ряде других вопросов, мне хотелось бы подробнее затронуть лишь один, а именно — проблему соотношения терминологии и теории. Всякая теория предполагает наличие достаточно четко разработанного понятийно-терминологического аппарата, а тем самым и точных терминов. С другой стороны, только теоретическая разработка той или иной проблемы может сделать возможным уточнение терминологии. Всегда существует теснейшая связь между уровнем теоретической разработки проблемы и точностью используемых терминов.

Это можно продемонстрировать на примере одного из приводимых А. И. Першицем терминов — словосочетания *раннеклассовое общество*, которое разные авторы вкладывают далеко не одинаковый смысл. Тот факт, что этот термин постоянно используется самыми различными авторами, обращающимися к вопросу о становлении классового общества, свидетельствует о том, что он имеет определенную научную ценность, несет в себе какое-то содержание, которое не способны выражать иные термины. Каково же это содержание?

Из четырех приводимых А. И. Першицем значений этого термина он расценивает как совершенно неудачное четвертое. И он в данном случае совершенно прав — для этого значения существует абсолютно адекватный термин — докапиталистическое классовое общество. Совершенно справедливо отбрасывает он и третье значение как по своему существу «камуфляжное».

Сложнее обстоит дело с первыми двумя значениями. Лишь первое из них является, по мнению А. И. Першица, адекватным. Что же касается второго, то, считает А. И. Першиц, оно основано на смешении раннеклассового общества с предклассовым. Авторы, придерживающиеся

этой точки зрения, говоря о раннеклассовом обществе, в действительности имеют в виду общество предклассовое, т. е. переходное от первобытного к классовому. И здесь А. И. Першиц практически решает проблему уже не чисто терминологическую, а по существу теоретическую, а именно — вопрос о грани между предклассовым и раннеклассовыми обществами. Этот вопрос практически так или иначе всегда решался, но теоретически совсем не обсуждался. Мне, например, не известна одна работа, которая была бы посвящена этой важной проблеме. Тем больший интерес представляет статья А. И. Першица, в которой этот вопрос, если детально и не рассматривается, ибо это выходило бы за ее рамки, то достаточно четко поставлен.

Под предклассовым обществом он понимает такое, которое уже складывается под влиянием антагонистической классовой структуры, но в котором еще не господствует антагонистический способ производства. Под раннеклассовым обществом он понимает такое, в котором определенно господствует антагонистический способ производства, хотя и продолжает еще формироваться, но тем не менее является уже господствующим. Практически под раннеклассовым обществом А. И. Першиц подразумевает начальный этап развития таких классовых обществ, как азиатское (политарное), рабовладельческое и феодальное. Термин *раннеклассовое общество*, по его мнению, есть общее обозначение таких обществ, как раннеазиатское, раннерабовладельческое и раннефеодальное. В связи с этим возникает вопрос, почему в этот перечень не входит раннекапиталистическое общество. Ведь в развитии капиталистического общества также был начальный этап. И нельзя не вспомнить при этом, что термин *ранний капитализм, раннекапиталистические отношения* имеет довольно широкое распространение¹.

На этот вопрос можно, вероятно, дать лишь один ответ — раннеклассовым может быть названо лишь такое классовое общество, которое пришло на смену предклассовому обществу, а не какому-либо другому классовому обществу. Раннеклассовое общество не может быть отделено от предклассового общества какой-либо классовой общественной экономической формацией. Этому требованию удовлетворяют и азиатское (политарное), и рабовладельческое, и феодальное общества, отнюдь не капиталистическое. И это опять сталкивает нас с той же самой проблемой, с которой мы начали, а именно с вопросом о грани между предклассовым и раннеклассовым обществами.

Ответ, что в предклассовом обществе формировавшийся формационный уклад еще не господствовал, а в раннеклассовом — уже господствует, не представляется мне вполне удовлетворительным. В вождествах южноафриканских банту XVIII—XIX вв., в обществе Буганды того времени политарный уклад, хотя и продолжал формироваться, одна тем не менее уже господствовал². Однако ни одно из этих обществ не числится классовым (а тем самым и раннеклассовым) отнести нельзя. Они, включая и Буганду, являлись лишь предклассовыми.

По моему мнению, классовое общество от предклассового отличается появлением тех признаков, которые археологи характеризуют как возникновение цивилизации. Эти признаки: с одной стороны, систематическое сооружение монументальных каменных или кирпичных строений, с другой — письменность. На первый взгляд кажется, что, принимая подобные критерии, мы тем самым отказываемся от основного принципа марксизма: класть в основу периодизации общества изменения в системе производственных отношений. Но это лишь на первый взгляд. Производственные отношения, безусловно, определяются уровнем развития производительных сил. Но возникая и развиваясь, производственные отношения всегда вызывают к жизни новые производительные силы и

¹ См., например, Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. М.: Наука, 1974, с. 5 сл.

² Подробнее см.: Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии. — В кн.: Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М.: Наука, 1980.

Именно объективизируя резкий рост прибавочного продукта. Именно быстрое возрастание объема прибавочного продукта и нашло свое выражение в окончательном оформлении особой материальной и духовной культуры господствующего класса, качественно отличной от ранее (эпоху первобытной общины) единой культуры общества, теперь представившей лишь в культуру социальных низов. Тем самым окончательное расщепление ранее единой материальной и духовной культуры общества на культуру господствующего класса и культуру социальных низов, прежде всего крестьянства, является вполне четким показателем достаточно высокого уровня развития классовых производственных отношений, а тем самым и перехода от предклассового общества к классовому.

И в Буганде первой половины XIX в., и в Раннем и Древнем царствах Египта господствовала система одних и тех же производственных отношений — политарных. Но отсутствие в Буганде монументальных каменных сооружений и письменности и наличие всего этого в Раннем и Древнем царствах Египта свидетельствуют о том, что политарный уклад в Буганде, хотя и господствовал, но еще продолжал формироваться, а в Раннем и Древнем царствах Египта он уже вполне сформировался. Поэтому в первом случае мы имеем дело с предклассовым обществом, а во втором — уже с подлинным классовым. И именно потому, что в Раннем и Древнем царствах Египта существовали уже вполне сформировавшиеся политарные отношения, вряд ли имеет смысл называть это общество раннеклассовым. Это — начальный этап эволюции вполне сложившегося классового общества. Здесь мы сталкиваемся с переходом от предклассового общества к вполне развитому классовому.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в Древней Греции в I тысячелетии до н. э. В VIII в. до н. э. там появляются несомненные признаки цивилизации — монументальные каменные сооружения и письменность. По этому критерию древнегреческое общество, начиная с VIII в., должно быть отнесено не к предклассовому, а к уже классовому. Однако это общество вплоть до VI—V вв. до н. э. еще не может быть охарактеризовано как рабовладельческое. Рабство в этот период не играло существенной роли. Рабовладельческий уклад еще только начал формироваться и не был господствующим. Значительно большую роль чем рабство играли иные отношения эксплуатации. Это общество обычно принято именовать архаическим³.

Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» охарактеризовал реформы Солона (594 г. до н. э.) и Клифена (509 г. до н. э.) как политические революции⁴. И они действительно были революциями, но обозначали переход не от первобытного общества к классовому, а от классового общества, каким оно было в VIII—VII вв. до н. э., к рабовладельческому. Архаическое общество VIII—VI вв. до н. э. было уже классовым, но еще не рабовладельческим. Оно было своеобразным прологом к рабовладельческому обществу. Именно к нему в полном смысле применим термин *раннеклассовое общество*. Это было общество с ранними классами, которые исчезли с утверждением рабовладельческого уклада.

Сходное в ряде отношений явление мы наблюдаем после падения западной Римской империи и образования на территории, которую оно занимало, так называемых «варварских» королевств. Известный специалист в этой области А. И. Неусыхин называл общественный строй германцев, каким он был до образования «варварских» королевств, дофеодальным, определяя его как переходный от бесклассового общества к классовому⁵. В такой интерпретации термин *дофеодальное общество*

³ См.: Starr C. S. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. Y., 1977; Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. L. etc., 1980.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 114—115.

⁵ Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М.: Наука. 1968, с. 597 сл.

соответствует термину *предклассовое общество*. Сложнее и гораздо творчешее его характеристика общественного строя «варварских» королевств. Чаще всего он характеризует его как раннефеодальный. Одновременно он подчеркивает, что феодальные отношения начали в них только еще складываться, да и то не сразу. Именно на этом основании А. И. Неусыхин, например, пишет, что королевство франков конца V — начала VI вв. н. э. не было не только феодальным, но даже еще не раннефеодальным. Оно являлось дофеодальным⁶.

Известный советский исследователь С. В. Юшков все вообще «варварские» королевства, возникшие на развалинах Западной Римской империи, называл *дофеодальными*. Феодальные отношения в них, на его мнению, только еще складывались, но отнюдь не господствовали. *Дофеодальными (или варварскими)* он называл также англо-саксонские королевства VI—IX вв., а также Киевское государство IX—X вв. Последнее положение разделяли многие исследователи Древней Руси. В процессе дальнейшего развития термин *дофеодальный* по отношению к данному этапу истории Киевской Руси перестал использоваться. Однако в новейших работах по истории Древней Руси снова начинает подчеркиваться, что феодальные отношения в этом социальном организме начали зарождаться очень поздно, даже позже, чем это полагал С. В. Юшков, а именно, только с середины XI в., причем еще в XII в. они играли второстепенную роль по сравнению с другими отношениями эксплуатации⁷.

И «варварские» королевства, образовавшиеся после падения Западной Римской империи, и Киевская Русь с IX в. по всем основным признакам относятся к числу не предклассовых, а уже классовых обществ. В них бытует письменность, ведется сооружение монументальных каменных строений. Однако феодальные отношения в них не являются господствующими. В лучшем случае феодальный уклад начинает только формироваться, да и то далеко не сразу. Эти общества уже не предклассовые, но еще не феодальные. И здесь снова невольно напрашивается их характеристика как обществ с ранними классами, раннеклассовых.

Как «варварские» королевства, образовавшиеся после падения Западной Римской империи, были прологом к феодальной формации, так общество архаической Греции было прологом к рабовладельческой формации. Возможно, что прологом к феодальной формации были и раннеклассовое общество Древней Руси. Однако не могут быть исключены другие предположения.

Как явствует из всего сказанного выше, ни рабовладельческий, ни феодальный уклады не могут даже начать формироваться в предклассовом обществе. Эти системы общественного производства могут начать складываться только после перехода от предклассового общества к классовому, т. е. только в классовом обществе. Соответственно и в первом, и во втором случаях начальный этап классового общества характеризуется тем, что в них формационный уклад вначале отсутствует, в дальнейшем формируется, но не является ведущим. Отсюда следует, что классовое общество этого периода не может быть охарактеризовано как относящееся в первом случае к рабовладельческой формации, во втором случае — к феодальной формации, как это делается, когда первое именуется раннерабовладельческим, а второе — раннефеодальным. Именно такого рода общество правомерно называть раннеклассовым.

За раннеклассовым обществом следует уже развитое классовое общество, обычно относящееся к определенной общественно-экономической формации.

⁶ Там же, с. 606, 607.

⁷ Юшков С. В. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве. — Вопросы истории, 1946, № 7.

⁸ См. Советская историография Киевской Руси. Л.: Наука, 1978, с. 133—135.

⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974, с. 3—12, 99, 157.

Единственный антагонистический формационный уклад, который способен сформироваться в недрах предклассового общества — это политарный. В этом смысле раннеазиатское общество есть одна из разновидностей предклассового общества. Однако имеются определенные основания полагать, что формирование политарного уклада в недрах предклассового общества — это лишь один из двух основных вариантов становления политарного общества. Наиболее ярко он представлен Египтом.

При другом варианте развития, возможно, представленным Древним Шумером, политарный уклад не становится господствующим не только в предклассовом обществе, но и на начальном этапе классового общества. В таком случае о начальном этапе классового общества также можно говорить как о раннеклассовом обществе. Но общество данного периода раннеазиатским назвать нельзя, ибо данный уклад еще не господствует.

Таким образом, раннеклассовым обществом мы называем начальный этап эволюции классового общества, для которого характерно отсутствие господствующего формационного уклада. Что же касается предклассового общества, то мы предпочитаем его характеризовать как общество переходное от первобытного к классовому без дальнейших уточнений, ибо существует несколько различных его типов, причем не все они обязательно предполагают существование классовой антагонистической структуры.

А. И. Першиц

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Как автор и предполагал, проведенное обсуждение существенно помогло в подготовке намеченного сборника материалов к понятийно-терминологическому словарю. Оно высветило несколько крупных вопросов, в одних случаях позволяя автору утвердиться в изложенной им точке зрения, в других — заставляя его заново продумать позицию, уточнить формулировку, и т. п. Остановлюсь на этих вопросах в порядке их значимости.

1. Ю. В. Бромлей предлагает оговорить, что в названии намеченного к изданию сборника «Социально-экономическая организация и соционормативная культура» термин *социальный* применен в своем узком, а не широком значении. Такая оговорка не помешает, хотя, как правильно отмечает сам же Ю. В. Бромлей, словосочетание *социально-экономический* автоматически указывает на узкое, а не широкое понимание социальности. Более существенным представляется поднятый им вопрос о правомерности термина *соционормативная культура* для обозначения таких институтов, как право, мораль, обычаи, ритуал, значительная часть религиозных институтов и различные социальные структуры» (с. 71). Строго говоря, этот термин удачным признать нельзя. Он введен теми, кто различает наряду с материальной и духовной культурой третий компонент — социальную (в узком смысле слова) культуру, т. е. социальные институты. Но последние не сводятся к нормам, а делятся на структуры (скажем, община, род, семья) и нормы (например, мораль или право). Стало быть, этот третий компонент культуры правильнее называть не *соционормативной культурой*, а *культурой социоинститутивной* или *социоинституционной*. И если бы автор не убоился обвинения во введении еще одного нового термина, то он воспользовался бы именно термином *социоинституционная культура* вместо очень неточного (но зато уже привычного!) термина *соционормативная культура*. Может быть, вообще следует назвать сборник иначе: «Социально-экономические отношения и институты».

2. По вопросу о принципах отбора терминов большинство участников дискуссии поддержало предложенные автором критерии, и лишь С. А. Арутюнов высказался за замену псевдообъективных рассуждений честной интуицией. Под интуицией в нашей философии обычно понимают такой скачок на пути к истине, который совершается на основе уже накопленного опыта. Располагают ли советская этнография и этнография ГДР опытом в подготовке понятийно-терминологических словарей? Как известно, нет, и уже одно это решает поднятый С. А. Арутюновым вопрос.

3. Равным образом большинство участников обсуждения согласны между собой в том, что надо стремиться к реализации принципа «одно понятие — один термин». Менее ясна позиция опять-таки С. А. Арутюнова. С одной стороны, он считает этот принцип идеалом, хотя и едва ли достижимым в обозримом будущем, и с этим нельзя не согласиться. С другой стороны, он старается показать на примере термина *раннеклассовое общество* целесообразность сохранения за ним трех разных значений, «широкого семантического поля». Такая позиция представляется противоречивой.

4. Необходимость в обновлении понятийно-терминологического аппарата оказалась достаточно очевидной, и здесь обсуждение пошло по пути главным образом отдельных уточнений, дополнений и т. п. по поводу приведенных примеров или же перечня глосс. Связанные с этим замечания в основной своей массе очень полезны. Так, нельзя не согласиться с Л. Е. Куббелем в том, что словник целесообразно пополнить термином *военная иерархия*, или с Г. Е. Марковым, что статьи «Военная демократия», «Матриархат» могли бы быть более информативны. В то же время совет последнего из названных оппонентов заменить термины *патрилиниддж*, *матрилиниддж*, *редистрибуция*, *реципрокация* подходящими русскими терминами мог бы быть более конкретным. Можно, конечно, заменить *редистрибуцию* и *реципрокацию* *перераспределением* и *взаимностью*, но это было бы настолько же неадекватно, как и, например, замена междонародного термина *виктимность* русской калькой *жертвенность*. Наконец, совершенно прав С. А. Арутюнов, призывая к корректности терминовтворчества, и можно только пожалеть, что почти все приводимые им примеры не имеют отношения к нашему перечню глосс. Единственное исключение — *линиддж*, но как раз здесь логика предложения заменить англицизм *линиддж* галлицизмом *линеаж* совершенно непонятна.

5. Значительная часть отклика Г. Е. Маркова посвящена терминам, связанным со скотоводством, которыми он предлагает пополнить словник. «В частности, — пишет он, — отсутствуют термины *номад* (*кочевник*), *скотовод* и др., хотя иерархически аналогичные термины в словнике приведены (например, *крестьянство*)». Такая постановка вопроса представляется неточной. *Скотоводы* в терминологической таксономике не равнозначны *крестьянам*: они, как и *земледельцы*, — часть *крестьян*, а *номады* — часть *скотоводов*. Что касается всех других предлагаемых Г. Е. Марковым терминов, то они не имеют отношения к данному блоку словаря, так как все являются не социально-экономическими, а чисто хозяйственными.

6. Несколько особняком стоит отклик Ю. И. Семенова. Он целиком посвящен понятию *раннеклассового общества*, а именно защите понимания последнего как общества равноукладного. При этом Ю. И. Семенов формулирует свою позицию следующим образом: «Под предклассовым обществом он [А. И. Першиц] понимает такое, которое уже обладает антагонистической классовой структурой, но в котором еще отсутствует господствующий антагонистический способ производства. Под раннеклассовым обществом он понимает такое, в котором определенный антагонистический способ производства хотя и продолжает еще формироваться, но тем не менее является уже господствующим» (с. 82). Вторая из этих идей передана верно, первая же приписывается мне без каких-либо оснований и представляется неверной. Как же может быть

Предклассовым обществом, которое обладает не просто отношениями эксплуатации, а антагонистической классовой структурой? Я та-
кой возможности не допускаю и лишь писал о тех, кто смешивает ран-
жклассовое общество с предклассовым. Что касается второй идеи, то
воды Ю. И. Семенова меня не убедили. Все они так или иначе в ко-
нечном счете сводятся к развиваемой им концепции азиатского (поли-
рного) способа производства как первого универсально-историческо-
антагонистического способа производства, но это положение само по
се остается недоказанным. Утверждение, что «единственный антаго-
нистический формационный уклад, который способен сформироваться
недрах предклассового общества,— это политарный» (с. 85), по мень-
шей мере грешит излишней категоричностью. И подход к делу под та-
кого рода углом зрения особенно нежелателен в энциклопедическом сло-
аре, где преимущественное внимание должно быть уделено преоблада-
ющим в современной науке взглядам. В то же время отклик Ю. И. Се-
менова полезен в том отношении, что побуждает четче указать в статье
начальный и конечный рубежи раннеклассового общества: в первом
случае — тот же, что и всякого классового общества, во втором — пол-
ная победа господствующего способа производства.

В заключение одно общее соображение. В последнее время, можно
сказать, вошло в традицию, что участники обсуждений в «Советской
географии» пользуются случаем высказать те или иные заветные мыс-
ли, не относящиеся к существу обсуждаемых вопросов. Это удобно:
кратком отклике аргументировать свою мысль не обязательно, да и
общее спрос с отклика совсем не тот, что со статьи. К сожалению, и
здесь затронуты вопросы, не имеющие отношения к существу данного
обсуждения. Какую бы ценность ни представляли отдельные идеи (ска-
жем, о систематике скотоводческой терминологии), взятые сами по себе,
они уместны лишь на своем месте, т. е. там, где излагаются или обсуж-
даются соответствующие вопросы. Привносить их в дискуссию по дру-
гим проблемам — значит, привносить в дискуссию элементы ее симуля-
ции. Думается, что в будущем следует уделять больше внимания целе-
направленности предпринятых обсуждений не только в целом, но и в
отдельных частях.

Р. Н. Мусина

СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТАТАР

(по материалам этносоциологического
исследования в Татарской АССР)

Проблемы духовной культуры народов привлекают внимание специалистов различных областей общественных наук: этнографов, социологов, историков, философов, фольклористов, искусствоведов. Для этнографов представляет интерес прежде всего культура, функционирующая в повседневной жизни населения, ибо именно она позволяет судить о духовном облике этноса. Исследования в этом аспекте духовной культуры различных народов на массовом уровне с применением социологических методов начались сравнительно недавно, в середине 1960-х годов¹.

Духовная культура татар была объектом этносоциологического исследования, осуществленного в Татарской АССР в 1967 г. сектором конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР². Проведенное нами в 1980 г. повторное исследование в сельских районах Татарии дало возможность выявить изменения, происшедшие в культуре сельских татар с 1967 по 1980 г., и несколько шире рассмотреть отдельные аспекты изучаемой проблемы благодаря включению в программу новых этнокультурных характеристик. Так, в отличие от исследования 1967 г. нами учитывались принадлежность к этнографическим группам (татары и татары-кряшены), а также ряд дополнительных индикаторов культурного потребления (например, ориентации в сфере литературы и музыки).

Данная тема разрабатывалась в рамках этносоциологического исследования современной семьи у сельских татар, поэтому в выборку вошло лишь семейное население. Сама идея повторного исследования предопределила отбор населенных пунктов: для проведения опроса были взяты некоторые из сел, входивших в выборку 1967 г. Мы работали в двух районах Татарской АССР, всего было опрошено 760 человек (в 1967 г. было обследовано 15 районов, опрошено 2300 человек)³. Села

¹ Дробижева Л. М. Усиление общности в культурном развитии советских наций. История СССР, 1972, № 4; Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика наций.— Сов. этнография (далее — СЭ), 1973, № 4; Клементьев Е. И. Национально-культурные ориентации карельского городского населения.— СЭ, 1976, № 3; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980.

² Савоскул С. С. Социально-этнические аспекты духовной культуры сельского населения Татарской АССР.— СЭ, 1971, № 1; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973; Арутюнян Ю. В., Савоскул С. С. Освоение культуры сельским населением.— В кн.: Культура развитого социализма. Некоторые вопросы теории и истории. М.: Наука, 1978, и др.

³ Опросный лист был составлен нами на основе аналогичного листа, разработанного под руководством Ю. В. Арутюняна в секторе конкретных социологических исследований Ин-та этнографии АН СССР. См. также: Савоскул С. С. Указ. раб., с. 4.

были выбраны с учетом степени урбанизированности, определяющейся типом города, в зоне влияния которого они расположены, историко-культурной специфики, сложившейся в значительной степени в результате влияния религии (в прошлом татары — мусульмане, татары-крещёны — христиане), и национального состава (четыре однопациональных татарских села и одно — национально-смешанное с преобладанием русского населения). Результаты исследования хотя и не являются репрезентативными для всех сельских татар республики, все же позволяют судить о тенденциях их культурного развития.

В настоящей статье мы ставили своей целью, проследив изменения в культурном облике сельских татар в сравнении с данными 1967 г., выявить основные тенденции их культурного развития, национальные ориентации в художественной культуре в зависимости от демографических и социальных факторов, а также отдельных характеристик семей (состав, число детей, их возраст и т. п.).

Культура современного сельского населения складывается под воздействием факторов, связанных как с его социальной структурой, так и с экономикой сельского хозяйства и совершенствованием материальной базы культуры на селе. Жители современного села, в том числе и в Татарской АССР, обладают широкими возможностями для удовлетворения растущих культурных потребностей. В сельских районах Татарии имеются 2441 клуб, 2191 киноустановка, 1406 библиотек, фонд которых составляет около 1 млн. экземпляров книг⁴; все дома радиофицированы, в большинстве домов есть телевизоры. Все это, несомненно, способствует развитию культуры. Повышается уровень образования сельских жителей, усложняется их социально-профессиональный состав, растет число высококвалифицированных специалистов, работников индустриального профиля, появляются новые профессии. Один из важнейших показателей культуры и одновременно фактор, определяющий приобщение масс к культуре, — уровень образования. Повышение уровня образования очевидно даже при сравнении материалов переписей населения 1970 и 1979 гг. За этот короткий срок среди сельских татар, занятых в производстве, увеличилось число лиц, имеющих высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование на 77%, а общее среднее образование — на 142%.

Взросший уровень образования и появление новых профессий рожают повышенные культурные запросы сельского населения, которое все более интересуется «городской» культурой. С созданием густой автомобильной железной дороги, налаживанием работы транспорта, внедрением прогрессивной организации труда в сельском хозяйстве жители села стали часто ездить в город ($\frac{2}{5}$ наших респондентов — несколько раз в месяц и еще $\frac{2}{5}$ — несколько раз в год), где сосредоточены различные культурные учреждения (театры, филармонии, выставочные залы, музеи). Культурные потребности современных сельчан в значительной мере формируются и обеспечиваются и системой культурно-шефской работы, широко распространенной в стране. Традицией стали встречи деятелей культуры с тружениками села. Систематически выезжают в село профессиональные театры Татарии; так, в 1976—1980 гг. они показали в селах республики 14,7 тысяч спектаклей⁵. Выступления мастеров сцены очень популярны у сельских татар: 88% опрошенных больше или менее часто бывают на гастрольных спектаклях и концертах в селе и посещают театры и концерты, когда приезжают в город, причем большую их часть составляют постоянные зрители, не пропускающие гастрольных спектаклей и концертов в селе и посещающие театры и концерты во время каждого приезда в город.

Формированию эстетических взглядов сельских жителей способствуют и передвижные выставки из фондов музеев.

⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1979 году. М.: Статистика, 1980, с. 345, 348, 353. Данные на начало 1980 г.

⁵ Низамеев М. Культурные ценности — труженикам села. — Коммунист Татарии, 1981, № 5, с. 47.

У современных сельчан круг культурных интересов достаточно широк, о чем можно судить по использованию ими свободного времени распределению видов досуга (табл. 1).

В сравнении с данными 1967 г.⁶ структура использования свободного времени заметно изменилась. Особенно резко увеличился удельный вес таких видов культурного досуга, как просмотр телепередач и чтение.

Таблица 1

Преимущественные занятия в свободное время

Вид занятий	Процент от числа опрошенных *
Учеба	4,8
Чтение газет	74,8
Чтение книг и журналов	55,8
Настольные игры (шашки, шахматы, домино)	22,7
Просмотр телепередач	92,8
Посещение кино	12,2
Художественная самодеятельность	3,1
Спорт, охота, рыбная ловля	10,4
Пассивный отдых	16,6

* Каждый из опрошенных называл обычно несколько занятий.

В 60-е годы одним из преимущественных занятий в свободное время было посещение кино (35% семейных сельчан регулярно бывали в кино). К 1980 г. интерес сельских жителей к кино заметно снизился (12,2%)⁷. К концу 1970-х годов главную роль в удовлетворении эмоционально-эстетических потребностей стало играть телевидение, тогда как в 1967 г. лишь 15% сельчан называли просмотр телепередач в числе преимущественных занятий в свободное время. Это объясняется тем, что в 1967 г. число владельцев телевизоров было невелико — всего 15% семей (главным образом в Приказанье). Кроме того, во многих селах, расположенных в глубинных районах, телевизионное изображение было плохим, нечетким. Современное техническое состояние системы телеобеспечения, а также более высокий материальный уровень населения позволили телевидению стать самым массовым средством приобщения к культуре. Сейчас 96% семей имеют телевизоры и около 93% жителей регулярно смотрят телепередачи. Телевидение предоставляет широкие возможности для освоения культуры. Оно не только удовлетворяет эмоционально-эстетические потребности населения, но и служит важнейшим, особенно в условиях села, источником информации. Одной из причин популярности телевидения является его интимность, близость к домашнему быту, что особенно важно для сельского семейного населения, проводящего большую часть досуга в домашней обстановке.

Существует мнение, что телевидение в значительной мере способствует понижению интереса к чтению. Однако, как показывают материалы нашего исследования, у сельских татар наряду с увеличением числа телезрителей увеличивается и число любителей чтения. Если в 1967 г. чтение называли одним из преимущественных занятий в свободное время лишь 33,5% опрошенных, то в 1980 г. — 75% (при этом 56% читают и книги и журналы).

По сравнению с 1967 г. изменилось отношение сельчан и к таким занятиям, как спорт, охота, рыбная ловля: число любителей этих видов

⁶ Данные о досуге сельского населения в 1967 г. получены путем выделения из общей выборки первого исследования характеристик семейного населения обследованных нами населенных пунктов.

⁷ Уменьшение числа посетителей кинотеатров наблюдается и в других регионах Советского Союза (см. Пименова В. Свободное время в социалистическом обществе. М. Наука, 1974, с. 185).

жизни увеличилась в 5 раз. Следует заметить, что охота и рыбная ловля теперь в значительной мере утратили свое утилитарное значение. Теперь они рассматриваются прежде всего как приятный отдых на природе, общение с которой приносит большое эмоциональное удовлетворение. В увеличении роли этих занятий в структуре свободного времени называется, возможно, влияние города, системы ценностей городских жителей.

Говоря об использовании свободного времени в семье, нельзя не сказать о тенденции к выравниванию участия мужчин и женщин в некоторых видах досуга: женщины так же активно, как и мужчины, читают книги, журналы, смотрят телепередачи. В посещении театральных представлений и концертов они даже несколько активнее мужчин. Вместе с тем женщины больше заняты домашним хозяйством, воспитанием детей и уходом за ними. В силу этого, а, возможно, в некоторой степени традиционного распределения досуговых занятий (в прошлом татарская женщина редко бывала вне дома, и ее интересы ограничивались основным семьей, домашними заботами), женщины реже читают газеты (этот вид досуга называли 65% женщин и 85% мужчин), играют в настольные игры (соответственно 6 и 39%), посещают кино (10 и 15%), занимаются спортом, охотой и рыбной ловлей (1 и 20%).

Сельская семья обычно выступает как единое целое в потреблении культуры. 90% наших респондентов посещают кино, концерты, театры кем-то из членов семьи (чаще оба супруга вместе — 78%), либо всей семьей. В семье в значительной мере формируются культурные интересы и потребности, нередко (более чем в 1/3 семей) совместно обсуждаются просмотренные кинофильмы, телепередачи, прочитанные книги.

Мы попытались проследить влияние числа детей и их возраста на культурную активность жителей села на примере интереса к чтению книг и посещению кино, театров, концертов. Логично было бы ожидать, что в семьях, где есть дети дошкольного и младшего школьного возраста, культурная активность родителей ниже, чем в семьях, имеющих совершеннолетних детей и детей старшего школьного возраста, способных взять на себя часть забот по домашнему хозяйству, уходу и приему за младшими детьми. Действительно, число детей влияет на культурную активность родителей. Что же касается возраста, то наибольшей активностью, разносторонними культурными интересами отличались родители, имеющие детей дошкольного и младшего школьного возраста. Таким образом, на культурную активность родителей влияет столько возраст их детей, сколько возраст их самих. Очевидно, и влияние числа детей в значительной степени коррелируется фактором возраста родителей: чем моложе родители и чем меньше у них детей, тем активнее они приобщаются к культуре, и наоборот.

К наиболее содержательным видам досуга, дающим представление о уровне культурных интересов жителей села, относится чтение. Свыше половины наших респондентов более или менее регулярно обращаются к книге, 36,3% семей имеют собственные библиотеки. Как показывают социологические исследования, наличие собственной библиотеки служит одним из важнейших показателей культурного уровня в современных условиях. И если раньше в селе личные библиотеки были лишь в семьях интеллигенции, то теперь их имеют 70,7% семей, где оба супруга работники умственного труда, половина социально-смешанных семей и 18,4% (или около 1/5) семей работников физического труда.

Нами были также изучены читательские формуляры сельских библиотек. Анализ их показал широкий интерес сельских читателей к различным видам литературы: общественно-политической, научно-популярной, сельскохозяйственной, художественной и др. Наибольшим спросом сельских жителей пользуется художественная литература: она составляет 66,7% всей выданной литературы, причем 28,6% (примерно 1/3) опрошенных читают художественную литературу регулярно и 44,3% — изредка к случаю. Интенсивность чтения литературы в значительной степени зависит от уровня образования и характера профессии. Так,

люди, имеющие начальное образование, читают художественную литературу от случая к случаю; среди имеющих неполное среднее образование постоянным читателем является каждый шестой, среди имеющих среднее — каждый пятый, имеющих специальное образование (высшее незаконченное высшее и среднее) — каждый второй. А соотношение доли регулярно читающих художественную литературу среди работников неквалифицированного и квалифицированного физического труда работников умственного труда, не имеющих специального образования и специалистов можно выразить приблизительно следующей пропорцией: 1:2:3:4.

Внимание сельских читателей привлекает прежде всего татарская литература (ее читают свыше 85% наших респондентов), в наибольшей степени удовлетворяющая их запросы, передающая эмоционально-психологические особенности народа, специфику мышления и художественных образов. Определенное значение, конечно, имеет и тот факт, что эта литература в основном издается на родном языке респондентов. Однако в наши дни с усилением межнациональных связей, развитием современной системы информации, знакомящей население страны культурой различных народов СССР, общесоветской культурой и культурой зарубежных стран, с повышением уровня образования, широким распространением русского языка как языка межнационального общения все более расширяется восприятие достижений инонациональной культуры во всех ее сферах и видах. Так, и сельские татары наряду с интересом к своей родной литературе проявляют интерес к литературе других народов: каждый третий житель села обращается к произведениям русской и литературы других народов СССР, каждый шестой к произведениям зарубежных авторов.

Эти же тенденции прослеживаются и в отношении сельских жителей к таким видам искусства как музыка и танцы (табл. 2). При отчете

Таблица 2

Интересы в сфере музыкального и танцевального искусства

Предпочтительный вид искусства	Процент от числа опрошенных *
Музыка	
Народная татарская	77,0
» русская	15,5
» других народов СССР	9,9
Симфоническая, классическая	2,3
Татарская эстрадная	61,4
Легкая музыка других советских композиторов	19,6
Зарубежная эстрадная	11,7
Танцы	
Народные татарские	87,1
» русские	55,0
» других народов СССР	54,3
Балет, классические танцы	3,7
Современные танцы	15,7

* Каждый из опрошенных называл обычно несколько видов искусства.

выраженном интересе к национальным формам музыки и хореографии внимание сельчан привлекают также музыка, песни и танцы других народов СССР и народов зарубежных стран. Они любят и народное профессиональное искусство. Когда мы говорим о восприятии массовой современной художественной культуры на двух уровнях — профессиональном и народном — необходимо иметь в виду некоторую условность подобного деления. Далеко не все народные песни, музыка и танцы распространенные в современном обществе, сохранились в своем первоначальном виде. Многие произведения народного творчества, унаследованные

анные от предыдущих поколений, дошли до нас в трансформированном виде: они подвергаются современной обработке, аранжируются профессиональными композиторами, исполняются профессиональными певцами, музыкантами, танцорами.

Произведения народного музыкального, песенного, танцевального творчества пользуются большой популярностью среди сельского населения (около 79% опрошенных любят народные песни и музыку, а 94% — народные танцы), причем, как показал опрос, наряду с татарскими народными песнями и танцами внимание сельских жителей привлекают русские народные песни и танцы, и творчество других народов СССР. В современных условиях интенсивного развития профессиональных форм духовной культуры народное творчество продолжает функционировать, тесно переплетаясь с профессиональными формами музыкального и хореографического искусства (67% любят также профессиональную музыку и песни). В селе пользуются успехом также эстрадная музыка, песни современных советских и зарубежных композиторов. Сложные профессиональные формы искусства (симфоническая музыка, опера, балет) распространены в основном у более образованной части сельских жителей — интеллигенции.

В целом, как мы заметили, у сельских татар большей популярностью пользуется народная музыка. Если проследить интересы к профессиональным и народным формам в музыке у двух групп населения, выделенных с учетом национально-культурных ориентаций, — ориентированной преимущественно на национальную культуру и относящейся с равным интересом как к национальной, так и к инонациональной культуре, то окажется, что большее тяготение к народной музыке проявляется в первой группе. Здесь к татарской народной музыке обращаются более 80%, в то время как к профессиональной — около 60%. Остальное население, музыкальные вкусы которого не ограничиваются рамками национальной культуры, несколько чаще обращается к профессиональным формам искусства: 81% опрошенных ответили, что любят профессиональную, и 74% — народную музыку, хотя, как видим, предпочтение, оказываемое профессиональным формам, незначительно. Эти данные позволяют сделать вывод, что сельские татары приобщаются как к профессиональным, так и к народным формам инонациональной культуры.

Профессиональные формы искусства чаще привлекают внимание молодежи; чем старше люди, тем предпочтительнее их отношение к народным формам. Так, в младшей возрастной группе (18—27 лет) более 80% обращаются к профессиональной музыке, а в возрасте старше 27 лет — только половина опрошенных. Это и понятно: в жизнь входит новое поколение сельских жителей, на воспитание художественных вкусов которого оказала влияние не только окружающая сельская среда, но и значительной степени и современные средства массовой информации, прежде всего телевидение (ведь еще 10—15 лет назад телевизор в селе был не более чем у одной из семи сельских семей). Диапазон культурных интересов молодого поколения особенно широк. Молодых сельских жителей привлекает музыка татарских композиторов, легкая музыка других советских композиторов, зарубежная эстрадная музыка. Им не менее им нравятся и народные формы искусства (табл. 3).

Как известно, культурный облик этноса, его интересы и ориентации обусловлены многими факторами: демографической и социальной структурой населения, степенью урбанизированности, национальным составом поселений и др. Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что влияние этих факторов (за исключением фактора возраста, значимость которого мы отмечали) на ориентации сельских татар в сфере профессиональной или народной культуры не столь существенно: отношение к этим формам культуры в группах населения, дифференцированное по образовательному уровню, социальному положению, степени урбанизированности, приблизительно одинаково — разница распределения ответов внутри каждой группы составляет менее 10%. В большей

степени эти факторы влияют на культурные ориентации населения континууму «национальное — инонациональное». Причем значение этих факторов меняется в зависимости от сферы культуры: так, возраст как мы видели, достаточно сильно влияет на отношение к музыке и танцам и почти не влияет на выбор художественной литературы (во всех возрастных группах семейных татар национальную литературу читают 84—89%, а современную русскую и литературу других народов СССР — 30—40%).

Таблица

Влияние возраста на музыкальные вкусы сельчан, %

Преимущественные культурные ориентации	Возраст (лет)			
	18—27	28—34	35—49	50 и старше
Народная музыка	58,6	73,0	84,9	92,1
В том числе:				
татарская	57,8	71,3	83,2	85,1
русская	15,5	19,1	13,9	13,9
других народов СССР	8,6	10,7	10,4	7,9
Профессиональная музыка	80,2	73,0	63,2	52,5
В том числе:				
эстрадная татарских композиторов	69,0	65,7	60,3	48,5
легкая музыка других советских композиторов	35,3	27,0	9,3	9,9
зарубежная эстрадная	31,9	20,8	3,8	1,0

Заметим, что принадлежность к различным этнографическим группам (татары и татары-кряшены) не играет роли, распределение культурных интересов в обеих группах идентично. Этот факт можно рассматривать как свидетельство глубоких консолидационных процессов в татарском этносе.

Наибольшее влияние на национально-культурные ориентации сельского населения в каждой из рассматриваемых сфер художественной культуры оказывают такие тесно связанные между собой факторы, как уровень образования и социальное положение. Более образованная часть населения села, интеллигенция, обладает самым широким диапазоном культурных интересов. Сохраняя интерес к национальной культуре (до 70% сельских специалистов читают татарскую литературу, увлекаются татарскими народными песнями и танцами, а свыше половины — современной эстрадной татарской музыкой), она значительно активнее других социально-профессиональных групп осваивает и достижения инонациональной культуры. Среди специалистов, имеющих высшее и среднее специальное образование, каждый второй читает произведения современных русских и писателей других народов СССР, любит танцы народов СССР; каждый третий слушает русские народные песни и легкую музыку советских композиторов; каждый четвертый читает произведения зарубежных авторов и слушает зарубежную эстрадную музыку, в то время как работники неквалифицированного физического труда, имеющие в основном начальное и незаконченное среднее образование, обращаются к произведениям инонациональной культуры других народов в 4—6 раз, а механизаторы и служащие преимущественно с законченным средним образованием в 2 раза реже.

С уровнем образования тесно связан и такой фактор, как знание русского языка, которым обычно свободнее владеет более образованная часть сельского населения. Как известно, русский язык в нашей стране — средство не только межнационального общения, но и приобщения к достижениям культуры русского народа и других народов СССР, к ценностям советской и мировой культуры. Свободное владение русским языком расширяет возможности знакомства с достижениями

ии национально-культурной культуры, которая функционирует преимущественно на русском языке. В первую очередь это проявляется при чтении художественной литературы: лица, свободно владеющие татарским и русским языками, обращаются к произведениям советских писателей в 1,8 раза и к произведениям зарубежных авторов в 2,4 раза чаще, чем владеющие только родным языком.

В восприятии музыкального и танцевального искусства значимость этого фактора меньше, но его влияние на ориентации в сфере музыкального искусства весьма существенно. Здесь, очевидно, играет роль восприятие сельским населением преимущественно песенных музыкальных форм, т. е. музыки, имеющей языковой характер.

Опосредованно влияние двуязычия прослеживается и при анализе культурных ориентаций в селах, различающихся по своему национальному составу⁸. В национально-смешанных селах в условиях интенсивного межнационального общения диапазон культурных интересов гораздо шире, чем в однопациональных. Татары, проживающие в таких селах, в 2,7 раза чаще обращаются к произведениям советских писателей других народов СССР и в 5,2 раза чаще — к произведениям зарубежных авторов.

Таким образом, особенно широким кругом культурных интересов обладают сельчане более образованные, квалифицированные, свободно владеющие языком межнационального общения. Если это соотнести с неуклонным повышением уровня образования и степени владения русским языком, что характерно для современного процесса культурного развития всех советских народов, в том числе и татар, то можно прогнозировать дальнейшее расширение их культурного диапазона вследствие более интенсивного освоения ценностей советской и мировой культуры, более глубокого ее проникновения во все слои населения.

Поскольку в ходе нашего обследования опрашивались оба супруга, мы имели возможность, сопоставив их ответы, выявить роль характеристик семьи, влияющих на культурные ориентации супругов, их интересы и вкусы. Так, интересы супругов чаще совпадают в социально-гомогенных семьях. Конечно, общность культурных интересов имеет определенное значение и при создании семьи, но семья в свою очередь также играет большую роль в формировании художественно-культурных вкусов супругов; в процессе совместной жизни у них часто складываются сходные вкусы и взгляды, в том числе и в области культуры. По данным нашего исследования, в семьях среднего и старшего поколений (35 лет и старше), имеющих более длительный опыт совместной жизни, интересы в рассматриваемых нами сферах художественной культуры совпадают значительно чаще (почти у половины семей), чем в молодых (до 35 лет) семьях (в этой возрастной группе сходные художественно-культурные интересы имеют менее трети супругов). Общность культурных интересов, ориентаций, вкусов также является одним из факторов, влияющих на жизнь семьи, в частности на внутрисемейные отношения, так как она способствует созданию в ней благоприятного психологического климата. Как показывают материалы, в тех семьях, где оба супруга оценили отношения как хорошие и очень хорошие, культурные интересы мужа и жены совпадают почти в каждой второй семье, в остальных семьях — лишь в 1/3 супружеских союзов.

Приведенные данные об отношении сельских татар к различным видам художественной культуры служат ярким показателем широты их культурных интересов и в некоторой степени позволяют судить об их национальных ориентациях. Мы попытались определить национальные ориентации в более «чистом», если можно так выразиться, виде, применив в качестве критерия потребление культуры. В зависимости от того, какое место в потреблении культуры занимает национальная и

⁸ В национально-смешанных селах шире распространено татарско-русское двуязычие, русский язык чаще используется в качестве языка внутрисемейного общения (в Пестрецах 66,3% семей говорят дома на русском и татарском языках, в остальных селах такие семьи встречаются редко).

инонациональная культура, можно выделить такие виды ориентации: I — четко выраженная национальная ориентация, обращение главным образом к художественным ценностям и достижениям своего народа; II — интернациональная ориентация — на культурные ценности своего народа и одновременно на достижения русского и других народов СССР, а также прогрессивную зарубежную культуру; III — ориентация преимущественно на инонациональную культуру (табл. 4).

Таблица 4

Национально-культурные ориентации, %

Типы ориентаций	Художественная литература	Музыка	Танцы
I	57,8	64,4	28,2
II	27,7	32,1	58,8
III	14,5	3,5	13,0

Из табл. 4 видно, что у сельских татар преобладает ориентация на национальную художественную культуру, проявляющаяся главным образом в круге чтения и в музыкальных вкусах. Обратим при этом внимание на то, что в произведениях советских татарских писателей отражаются не только национально-особенные, но и общесоветские черты образа жизни. В сфере литературы и музыкального искусства в значительной степени выражена и интернациональная ориентация: каждый четвертый сельчанин проявляет интерес к культурным ценностям и достижениям не только своего, но и других народов, причем чаще (в 1,5–2 раза) к культуре народов нашей страны. Танцы любят и свои национальные и других народов.

Национально-культурные ориентации в различных сферах духовной культуры проявляются и в определении выдающихся, с точки зрения опрошенного населения, деятелей культуры (иногда, в интерпретации менее образованных слоев сельского населения, это более известные им люди): 60,2% назвали деятелей татарской культуры и 30,4% — деятелей культуры как своего, так и других народов. Среди работников умственного труда более выражена интернациональная ориентация; из выдающихся деятелей культуры они чаще называют писателей и ученых. Работники физического труда лучше знают деятелей национальной культуры, причем главным образом исполнителей татарских песен и актеров татарских театров. Из артистов наиболее популярны И. Шакиров, А. Абзалова, З. Сахабеева, Р. Ибрагимов, В. Гизатуллина, Н. Гараева, Р. Тазетдинов, Р. Шарафеев, а также А. Пугачева, Л. Зыкина, И. Ильинский. Особенно хорошо знакомы сельчанам произведения Г. Тукая, М. Джалиля, Г. Абсалямова, Г. Ахунова. Среди писателей и поэтов других народов сельские татары назвали имена А. Пушкина, В. Маяковского, М. Шолохова, К. Симонова, Ч. Айтматова, Р. Гамзатова. Из ученых им наиболее известны К. Циолковский, С. Королев, И. Курчатов, И. Мичурин, А. Арбузов, С. Сагдеев.

В целом ориентация на национальную культуру у сельских татар вполне устойчива, об этом свидетельствуют данные о широком обращении всех групп населения к татарскому фонду в любой из сфер духовной культуры (так, во всех возрастных группах более половины опрошенных отдадут предпочтение татарской литературе, а свыше 80% — обращаются к ней). Вместе с тем при анализе национально-культурных ориентаций с учетом интересов опрошенных во всех рассматриваемых сферах культуры оказалось, что доля лиц, ориентированных только на национальную культуру, сравнительно невелика — около 1/3 опрошенных, а главенствующим типом ориентации в духовной культуре в целом является ориентация на культуру интернациональную. Современные сельские татары достаточно активно участвуют в процессе этнокультурной интеграции, сочетая интерес к своей культуре с обращением к культурному фонду мировой цивилизации: в большей мере к богатствам

ам культуры народов СССР, и прежде всего русского, с которым татарский народ связывают давние и прочные связи.

Таким образом, исследованием выявлен оптимальный вариант развития культурных интересов современных сельских татар, когда при сохранении своей национальной культуры происходят расширение культурных запросов и аккумуляция достижений общесоветской и мировой культуры. Это принципиально важная тенденция. О выраженности именно этой тенденции свидетельствует широкое проявление интернациональной ориентации в культуре более молодых, образованных и квалифицированных слоев населения. Эта объективная, исторически закономерная тенденция характерна и для других народов нашей страны⁹. Она соответствует ориентации партии в национальной политике. Мы против тенденций, — говорится в Отчете ЦК КПСС XXVI съезду коммунистической партии Советского Союза, — направленных на искусственное стирание национальных особенностей. Но в такой же мере мы считаем недопустимым искусственное их раздувание»¹⁰.

⁹ См.: Арутюнян Ю. В. Указ. раб.; Добрынина Н. Е. Интернационализация чтения в селе (некоторые проблемы). — В кн.: Книга и чтение в жизни советского села: проблемы и тенденции. М.: Книга, 1978; Дробижева Л. М. Духовная общность народов РСФСР. М.: Мысль, 1981; Клементьев Е. И. Национально-культурные ориентации карельского городского населения; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР); Пименов В. В. Указ. раб.; Социологические очерки Советской Эстонии. Таллин: Периодика, 1979.

¹⁰ Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики — Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 57.

И. Т. Федоров *

РАССЕЛЕНИЕ ИЖОРЫ В XIX—XX ВЕКАХ

Ижора — одна из народностей Советского Союза, принадлежащая к языку к северной прибалтийско-финской ветви уральской языковой семьи, исторически является одной из ветвей карел. По данным языковедов, ижорский язык сложился сравнительно поздно, отделившись от древнекарельского и постепенно превратившись в самостоятельный. Ижорцы называли себя карелами, свой язык — карельским. Только население нижнелужских деревень, имеющее сильный водский субстрат, называло себя, как и водь, «маараувас», что значит «народ (своей) земли», а язык свой — «маакиели» («язык земли»). Автор слышал эти самоназвания от старожилов д. Куземкино еще в конце XIX в. Самоназвание «карелы» ижора употребляет и теперь наряду с общепринятым названием «ижорцы». Карелами называли их первоначально и те же соседи — водь, эстонцы и финны, хотя со временем они стали употреблять особые термины (эст. *isurid*, фин. *inkeroiset*). У русских издавна известен термин ижора, ижорцы, связанный, вероятно, с названием р. Ижоры, на берегах которой ижора расселилась, видимо, в рубеже I—II тысячелетий н. э. Во всяком случае, в русских летописях упоминания об ижоре встречаются уже с XIII в.

Первоначально ижорцы были, видимо, расселены в южной части Карельского перешейка и к юго-востоку от современной Стрельны до Волхов¹.

* Автор работы, Федоров Иван Тимофеевич, 1893 г. рождения, ижорец по происхождению, единственный историк и краевед, изучающий прошлое своего народа. — *Ред.*

¹ Шаскольский И. П. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки. — В кн.: Финно-угры и славяне. Наука, 1979, с. 44—46 и карта на с. 41.

Автор выражает глубокую благодарность И. П. Шаскольскому за ценные указания и помощь при подготовке к печати этой статьи.

Земли ижоры и води с X—XI вв. вошли в состав русских земель. С течением времени ижора стала расселяться на запад, на земли Воды. В XVII в. ижорцы уже занимали территорию вплоть до р. Наровы (здесь — чересполосно с водью). Поэтому термин «Ижорская земля» в XVII в. распространился и на прежнюю Водскую землю, обозначая пространство от юго-западного Приладожья до Наровы. На протяжении почти тысячелетия ижора и водь жили вместе с русским народом. Они восприняли от русских религию, имена и фамилии и оказались под воздействием русской культуры.

Тяжелые времена переживала ижора в XVII в., когда она более чем на 100 лет (с 1611 по 1721 г.) подпала под власть шведских феодалов. Весь край был разорен. Значительная часть русских, води, ижорцев и карел бежала в русские земли.

В опустевшие селения Ижорской земли шведские власти во второй половине XVII в. стали переселять финских крестьян из восточной Финляндии. С тех пор на Ижорской земле рядом с ижорцами, водью и русскими живут также и финны. Последние стали называться ингерманландскими финнами или ингерманландцами.

После возвращения Петром I Ижорской земли в состав Российского государства она была включена в Петербургскую губернию. По данным проведенной в 1732 г. ревизии (переписи) податного населения в Ингерманландии, «старожилов ижорян», т. е. коренных жителей и ижорцев насчитывалось 14,5 тыс.²

Поскольку водь не была названа отдельно, видимо, она была включена в число «ижорян».

Первое исследование, специально посвященное прибалтийско-финским народностям, живущим на территории Петербургской губернии, опубликовал в 1834 г. видный русский ученый, акад. И. А. Шёгрэн. Им были обследованы языки и этническая культура ижоры, води и ингерманландских финнов.

Более детально эти народности исследовал акад. П. И. Кеппен. На основании учета прихожан по церковным книгам он установил их численность, в том числе и ижоры на всей территории Петербургской губернии по состоянию на 1848 г.³

Общее число ижорцев, проживавших в 222 селениях шести уездов Петербургской губернии, по данным П. И. Кеппена, составляло 17 800 чел. Кроме того, Кеппен выявил еще 689 ижорцев, живших в 16 селениях Раутовского и Саккульского приходов соседней Выборгской губернии. Крупными ижорскими селениями там были: Лапананс (138 чел.), Палкела (106 чел.) и Ваккела (98 чел.). Ижорцы из этих селений являлись прихожанами Матокской церкви, находившейся на русской стороне границы автономной Финляндии с Петербургской губернией⁴.

Всю эту чрезвычайно трудоемкую исследовательскую работу П. И. Кеппен выполнял один без чьей-либо помощи. Поэтому ему не удалось с достаточной полнотой учесть ижорское население Петербургской губернии середины XIX столетия. Данные П. И. Кеппена требуют некоторых поправок и дополнений с учетом сведений последующей земской подворной переписи 1882 г. и материалов земской статистики.

По Петербургскому уезду П. И. Кеппен называет 40 селений, где ижорцы проживали большей частью совместно с финнами — эвремейсет и савакот. В 35 из них, находившихся на Карельском перешейке, он насчитал 1241 ижорца. Для 5 селений: Лигово, Паново, Новая на южной стороне р. Невы, Накколово и Тойвакала — на Карельском перешейке Кеппен не указал числа ижорцев. По данным земской

² Троицкий С. М. О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII в. — В кн.: Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970, с. 119.

³ Ученые записки Рос. Академии наук. СПб., т. II, в. 3, 1853, с. 412—420.

⁴ Там же, с. 420—422.

статистики 1882 г., т. е. спустя 34 года, в этих селениях их было 602 чел., в том числе в Паново — 254 чел.⁵

На Карельском перешейке значительное число ижорцев (145 чел.) проживало в пос. Лисий Нос — по-ижорски Ревоннена. Недалеко от него находились д. Старожиловка, раньше называвшаяся Ижоркой (фин. *Janhakylä* — Ванхакюла), Старая деревня, в которой насчитывалось 15 ижорцев. Сейчас бывшая Старожиловка вошла в состав укрупненного городского пос. Парголово. Ижорскими селениями были деревни Рыбачка (109 чел.) и Лаврики (34 чел.) по р. Охте близ пос. Ржевка, жители которых в начале XX в. обрусели.

Значительное число ижорцев проживало вместе с ингерманландскими финнами в деревнях Лемболово (96 чел.), Горболово (48 чел.) и Мискюла (47 чел.). Заметим, что уроженкой д. Мискюла Лемболовской волости была знаменитая рунопевица ижорка Ларин Параске (Ларионова Парасковья), которой Финское литературное общество поставило в 1911 г. памятник в г. Хельсинки⁶.

По Шлиссельбургскому уезду П. И. Кеппен отметил только пять селений на Карельском перешейке, в которых ижорцы проживали совместно с финнами: Вуолы (близ Матоксы), Сергеевка, Токсово, Кюрегака и Капитолово, причем число ижорцев он указал только для первых трех селений — 127 чел. (в том числе в Вуоле — 108 чел.). Между тем, согласно данным земской статистики 1882 г., ижорцы проживали на Карельском перешейке еще в селениях Койвукюла, Сутела, Катума, Путкела, Большая и Малая Суола, Сохвола или Сафолово. Из последней деревни происходил известный рунопевец — ижорец Антроп Мельников.

В официальном списке ижорских селений числилось только одно селение Липка, которое находилось на Староладожском канале выше г. Шлиссельбурга (ныне Петрокрепость). По земским данным в нем в 1882 г. было 99 дворов с населением 475 чел. (418 ижорцев и 57 финнов)⁷.

По Царскосельскому уезду П. И. Кеппен указал 367 ижорцев. Жили они в 12 деревнях, расположенных вблизи Гатчины: Мюлюкюла, Малое Колпино, Парицы, Тяглицы, Луйсковичи, Таровичи, Юйсковичи, Цыганели, Перекюла, Котлино, Сочино и Тиховичи. Больше всего ижорцев было в деревнях Парицы (55 чел.), Котлино (62 чел.) и Перекюле (52 чел.).

Кроме того, П. И. Кеппен упоминает еще Нижнее Коерово, Калинин и Рагвичи как места расселения ижорцев без указания их числа. В 1882 г. здесь было 450 ижорцев⁸.

По Лужскому уезду П. И. Кеппен перечислил 12 селений исключительно с ижорским населением (2179 чел.). Селения располагались вокруг озера Вялье-Стречно и по рекам Оредеж, Кременка и Ящелка. Это деревни: Чаша (234 чел.), Новинка (164 чел.), Озерешно (209 чел.), Нестерково (206 чел.), Ольховец (155 чел.), Кремено (329 чел.), Пелково (297 чел.), Тарасино (249 чел.), Воцко (37 чел.), Изовка (53 чел.) и Чернецы (49 чел.). Все они находились в окружении русских селений. Часть их была разрушена в годы Великой Отечественной войны. В 60-е годы ученые Эстонской Академии наук акад. Л. Аристэ и А. Лаанест совместно с этнографами Института этнографии И СССР проводили здесь обследование и выявили несколько стариков, которые помнили свой язык и говорили, что их предки пересели-

⁵ Материалы по статистике народного хозяйства С.-Петербургской губ. С.-Петербургского уезда. В. V, ч. II. СПб., 1887, с. 74 (табл.).

⁶ Народы Европейской части СССР. II (Сер. «Народы мира. Этнографические рисунки»). М., 1964, с. 328.

⁷ Материалы по статистике народного хозяйства С.-Петербургской губ. В. II. Шлиссельбургский уезд, 1885, с. 14—38.

⁸ Материалы по статистике народного хозяйства С.-Петербургской губ. В. VIII. Царскосельский уезд, 1892, с. 22—92.

лись сюда с карельского перешенка еще при шведах. Этот диалект пространен особый диалект ижорского языка — оредержский, или в нелужский, наиболее близкий к карельскому языку⁹.

По Петергофскому уезду (бывшему Ораниенбаумскому П. И. Кеппен выявил 96 селений, в которых проживали ижорцы, в большинстве селений вместе с ингерманландскими финнами. Учет их вел по приходам с православным населением, названия которых почти совпадают с соответствующими названиями волостей.

Перечислим эти приходы и крупнейшие селения.

Копорский приход — 11 селений (612 ижорцев). Наиболее крупные Копорка Большая и Малая, Старое и Новое Керново, Готовужа, Венне Лужки.

Ковашский приход — 14 селений (1149 чел.). Крупнейшие: с. Ковши, или Вепша (Хеваха), Лендовщина (Лендисы), Шишкино, Г. Валдай (Харьявала), Старые и Новые Калищи, Тентелево, Перекс Пулково, Шепелево.

Медушский приход — 9 селений (802 чел.). Самые большие: Уг Рудица, Стародворье, Десятская, Новая Буря, Новые Медуши, Гр бовицы, Рудица, Усть-Рудица и Савольщина.

Ораниенбаумский приход — 13 селений (1158 чел.). Крупнейшие пос. Большая Ижора, Бронная, Малая Ижорская, Коновалово, Кр ная Горка, Новая Красная Горка, Большие и Малые Борки, Лати Пеники, Болотино.

Петергофский приход — 8 селений (362 чел.). Самые крупные дер. Мартышкино (Тюрис), Порново, Нотколово, Кабацкая, Бобь ская, Темяшкино.

Ропшинский приход — 8 селений (238 чел.), наиболее крупные Молкуново, Исаево, Елагино.

Стрельнинский приход — одно крупное селение — д. Ижорс (209 чел.).

Высоцкий приход — 4 селения (476 чел.) — Горбовицы, Глоби Воронино, Ускула.

Гостилицкий приход — 2 селения (261 чел.) — Большое и Малое Горлово.

Дятлицкий приход — 9 селений (442 чел.). Наиболее крупные Большое Косино, Малое Косино, Вильпузи, Левволово.

Знаменский приход — 2 селения — Поззи и Коркулово (106 чел.).

Бегуницкий приход — 5 селений — Коростовицы, Теглицы, Леп вицы, Рукулицы и Родицы (429 чел.).

Дылицкий приход — 6 селений (149 чел.). Наиболее крупные: дер ни Ижора, Смольково.

Кроме того, П. И. Кеппен упоминает еще восемь селений без указания числа проживавших в них ижорцев, а именно Лебяжье, Пигель Хабони, Лукколово, Липицы, Левдузи, Кикинка и Канози.

Всего по Петергофскому уезду П. И. Кеппен выявил 6393 ижорца, но он не учел еще тех, что жили в указанных восьми селениях. Их рез 54 года по земским данным 1882 г. оказалось 411 чел.¹⁰

Лингвистическое обследование петергофских ижорцев в 1960-х годах проводил эстонский ученый А. Лаанест. Он обнаружил здесь особый диалект ижорского языка, названный им ковашским или хеваским. Этот диалект наиболее архаичен и отражает наибольшее влияние местных финских диалектов¹¹.

В Ямбургском уезде, по данным П. И. Кеппена, в 64 селениях проживало 7493 ижорца.

Здесь были расселены две группы ижорцев, говорящие на сойском и нижнелужском диалектах. Поэтому для ясности данные по П. И. Кеппена также разделим соответственно на две группы.

⁹ Лаанест А. Ижорские диалекты. Таллин, 1966, с. 3—13.

¹⁰ Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губ. В Петергофский уезд, 1882, с. 18—78.

¹¹ Лаанест А. Указ. раб., с. 3—13.

Сойкинская группа ижорских селений расположена на Сойкинском полуострове и восточнее за Копаницким озером. Она охватывала 46 селений с 5182 ижорцами.

В сойкинском диалекте современными языковедами обнаружено больше карельских элементов, чем в соседнем нижнелужском диалекте ижорского языка. Некоторые местные старики-ижорцы называли себя карелами, или сойколайскет. Соседняя водь также называла их карелами¹².

Центральным селением сойкинской группы было с. Сойкино, по-ижорски Сойккола или Кирконмяки.

По данным П. И. Кеппена, в этом селе было 84 ижорца. В деревнях приведем русские и ижорские названия селений) Слободка (Сяти-а) — 242 чел., Косколово (Коскисенкоа) — 291 чел., Югонттово (Саро-енкюла) — 94 чел., Кошкино (Коскина) — 80 чел., Мишино (Мяккю-а) — 93 чел., Дубки (Таммиконту) — 42 чел., Евсеева Гора (Овсом-а) — 174 чел., Сменково (Отсаве) — 36 чел., Ручья (Рутса) 232 чел., Водский Конец (Венаконца)¹³ — 155 чел., Андреевщина (Таринай-а) — 294 чел., Вистина — 141 чел., Воляница (Волойтса) — 72 чел., Засе-е (Метсакюла) — 48 чел., Репино (Репола) — 43 чел., Гамолово (Хамала) — 48 чел., Глинки (Савимяки) — 165 чел., Логи (Локовенкюла) — 107 чел., Александровка (Ролли) — 31 чел., Горки (Мяттаханкюла) — 103 чел., Колгомня (Колканпя) — 97 чел., Ловколово (Ловкола) — 72 чел., Гарколово (Харкола) — 142 чел., Суйда (Суйя) — 105 чел., Выза Красная — 37 чел., Большое Стремление (Суур-Сомерой) — 28 чел., Ильеши (Ильюси) — 46 чел., Пятчино (Пятсина) — 93 чел., Уппля (Ускюла) — 115 чел. В ижорских селениях, расположенных восточнее Копаницкого озера, относившихся к Копорскому приходу, жили: Копаницы (Коппена) — 70 чел., Урмизно (Нурмисто) — 155 чел., Среднее Райково (Кескема Раккова) — 61 чел., Малое Райково (Пим-а) — 45 чел., Большое Райково (Суур) — 159 чел., Холодные Ручьи (Кюльма-Оя) — 57 чел., Мишкино (Мийскюла) — 122 чел., Семейско (Татсой) — 228 чел., Павлово (Павола) — 118 чел., Головка (Колок-а) — 92 чел., Ильмово — 171 чел., Нахково (Наакова) — 124 чел., Соинка (Ингере) — 49 чел.

Нижнелужские, или наровские ижорцы в средние века занимали всю наровскую волость. А. Х. Лаанест отмечает, что местный западно-ижорский диалект имеет больше древних черт, чем восточные диалекты ижорского языка. Чувствуется в нем значительное влияние водского и эстонского языков. Кроме того, этот диалект изобилует русскими словами, относящимися к предметам промышленного производства.

П. И. Кеппен назвал 18 селений нижнелужской группы ижорцев с населением в 2311 чел. По р. Луге это (даются русские и ижорские названия): Манновка (Маннакка) — 126 чел., Извоз (Тиесу) — 177 чел., Ейкино (Хавикко) — 207 чел., Федоровка (Феодранма) — 27 чел., Орты (Котко) — 203 чел., Куровицы (Куккоси) — 319 чел., Куземкино (Нарвуси) — 235 чел., Новая (Такавелья) — 133 чел., Остров (Лаукан-у) — 185 чел.

На Курголовском полуострове деревни: Липово (Пярспя) — 97 чел., Курголово (Кургола) — 31 чел., Хамолово (Хамала) — 5 чел. В последних двух преобладали финны.

Следует заметить, что с. Краколье (по-ижорски Ионпера), расположенное в устье р. Луги, Кеппен отнес к водским селениям. Между тем, по земской статистике, здесь находились два селения рядом: Краколье I, населенное водью, и Краколье II, населенное ижорцами. Пер-

¹² Там же, с. 3—13.

¹³ Деревня Водский Конец после Октябрьской революции была переименована в Пахомовку в память об ее уроженце — известном революционере-ижорце Пахомове Павле Леонтьевиче. Участник штурма Зимнего дворца, он в 1918 г. был избран председателем Петроградского губисполкома. См.: Памятные места Ленинградской области. 1973, с. 229.

Численность ижоры по данным П. И. Кеппена (1848 г.) и земской статистики (1882 г.)

Уезд	По Кеппену		Данные земской статистики по восьми селениям, жители которых не были учтены П. И. Кеппеню	
	Число		Число	
	селений	ижорцев	селений	ижорцев
Ямбургский	64	7 493	3	652
Петергофский	96	6 393	8	411
Лужский	12	2 179	—	—
Петербургский	35	1 241	5	602
Царскосельский	12	367	3	450
Шлиссельбургский	3	127	2	81
Итого	222	17 800	21	2196
Кроме того, в Выборгской губернии	16	689	—	—

вые были государственными, вторые — помещичьими крестьянами, и поэтому они долго не смешивались.

По р. Мертвице, впадающей в р. Лугу — д. Ропша (Ропсу) — 132 чел., по р. Россони деревни Волково (Сутела) — 72 чел., Ванакюла (раньше называлась Илькино) — 127 чел., Калливеры (прежде Фитинка) — 55 чел.

К нижнелужской группе следует отнести еще три селения, не включенные П. И. Кеппеню в список ижорских, — это Каростель и селения Саркуль и Венкуль (Вяйкюле) в устье рек Россони и Наровы.

Эти три селения относились к Ивангородскому приходу. П. И. Кеппен их не указал, так как для учета ижорцев Наровской волости пользовался церковными книгами только Кейпинского прихода. В 1881 г. в этих селениях было 652 ижорца¹⁴.

Напомним, что в д. Венкуль, называвшейся раньше Венкуль-Наровской, находилось Наровское волостное правление. По Новгородским писцовым книгам в древности здесь было с. Наровское.

Известный советский языковед Д. В. Бубрих указывал, что на западном берегу р. Наровы было одно ижорское селение. Позже нарвский краевед Е. П. Кривошеев выяснил его название. Это селение Кудрукюла, находившееся в трех километрах выше устья р. Наровы, на месте нынешнего курортного поселка Нарва-Ийэсуу¹⁵.

Следует отметить, что раньше между низовьями рек Луги и Наровы вплоть до городов Ямбург и Ивангород проживало ижорское население. В церковной статистике за 1885 г. отмечено, что жители Новопятницкого прихода под г. Ямбургом говорят по-русски, но прежде употребляли ижорский или финский язык. Здесь же сохранились названия селений ижорского происхождения, например Пулково, Сала, Калмотка и др.¹⁶

Заканчивая обзор работы акад. П. И. Кеппена, добавим сведения по тем селениям, которые упомянул Кеппен, но не привел данных о количестве ижорского населения в них. Эти данные взяты нами, как уже указывалось, из материалов земской статистики 1882 г. (табл. 1).

В целом же, поскольку колебания численности ижорского населения в XIX в. были незначительны, допустимо объединить цифры обеих граф таблицы, и можно считать, что во второй половине XIX в. ижорцев насчитывалось около 20 тыс. чел. Заметим, что такая же числен-

¹⁴ Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губ. В. III Ямбургский уезд. Спб., 1885 г., с. 12.

¹⁵ Кривошеев Е. П. Нарва-Ийэсуу (историко-краеведческий очерк), Таллин, 1973 г. 9.

¹⁶ Исторические сведения по С.-Петербургской епархии за 1885 г. В. 10, с. 310.

ность ижорского населения на конец XIX в. указана в обобщающем географическом труде о Петербургской и соседних губерниях¹⁷.

Последующий учет всего населения, в том числе и ижорского, был произведен по первой общероссийской переписи населения в 1897 г. По ней ижорцев выявлено всего 13 715 чел., в том числе в Ямбургском уезде — 6407, Петергофском — 6673, Лужском — 635 чел.; в других уездах их число не установлено¹⁸.

Если сопоставить данные переписи населения 1897 г. с данными экск. П. И. Кеппена, то получается, что количество ижорцев в Ямбургском уезде сильно сократилось, а в Петергофском возросло, между тем как в действительности было наоборот.

Неточность этой переписи выявляется при ознакомлении с данными переписи населения СССР 1926 г. Результаты этой переписи по ижорскому населению по районам Ленинградской области приведены в табл. 2.

Кингисеппский и Котельский районы вскоре после переписи были объединены в один район (Кингисеппский).

Итак, согласно этой переписи, к 1926 г. произошло увеличение ижорского населения только по одному Кингисеппскому району (бывшему Ямбургскому уезду). Это и понятно. В Ямбургском уезде, на побережье Финского залива дольше всего сохранилось натуральное сельское хозяйство, и население кроме земледелия по-прежнему занималось также рыболовством в Финском заливе и заготовкой леса.

Из других уездов значительная часть населения, в том числе и ижорского, в конце XIX и в первые десятилетия XX в. стала переселяться в Петербург — Ленинград и там работать на фабриках и заводах. Ижорцы в большом городе быстро начали смешиваться с русскими. Темпы естественной ассимиляции ижорцев еще более возросли в 30-е гг., когда значительная часть их в связи с индустриализацией стала переселяться в города. На уменьшение численности ижорского населения сильнейшее влияние оказала Великая Отечественная война. Сильно сократилось мужское население, призванное на борьбу с фашистскими захватчиками. Ижорские семьи, оставшиеся на оккупированной немцами территории, были насильно вывезены в Финляндию. Часть женщин, детей и стариков умерла на чужбине, а те, которые вернулись после войны, первоначально селились в других областях Советского Союза и на свои прежние места жительства вернулись далеко не все¹⁹.

Таблица 2

Численность ижоры по переписи 1926 г.

Район, город	Число ижорцев*
Кингисеппский	3 035
Котельский	7 788*
Ораниенбаумский	4 344
Лужский	484
Ленинград	50
Сестрорецк	17
Ленинский	58
Детскосельский	30
Гатчинский	132
Урицкий	34
Мгинский	58
Итого по Ленинградской области	16 030
За ее пределами	107
Всего ижорцев	16 137**

* Бросается в глаза большое число ижорцев и малое води (705) чел. в Котельском районе. Возможно, учетчики неточно разграничили две этнические группы местного населения. Часть води могла перейти в группу ижорцев.

** Всесоюзная перепись населения 1926 года. Народность и родной язык. М., 1928, с. 12.

¹⁷ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. III. СПб., 1900, с. 105.

¹⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. СПб., 1903, с. 92.

¹⁹ Итоговые цифры по первой общероссийской переписи 1897 г. проверены были лично Н. Т. Федоровым — они таковы, как записаны, и их неточность — результат недостаточной хорошей работы учетчиков прошлых лет.

Итоговые данные указанной переписи не подтверждают отчетных данных районов 1926 г., которые более реальны в целом, хотя границы не совпадают со старыми границами уездов.

¹⁹ Селитская И. А. Библиография литературы на ижорском языке — Сов. финно-угроведение. Таллин, 1965, № 4, с. 302—305.

По переписи населения 1959 г. в Советском Союзе насчитывалось 1062 ижорца, а по переписи 1970 г. — 781 чел., из которых 397 проживали в Ленинградской области. При этом ижорский язык считали родным только 94 чел., 303 чел. считали родным языком русский²⁰. По переписи населения 1979 г. ижорцев насчитывается 748 чел.²¹

Приведенные цифровые данные говорят о том, что ассимиляция ижорского населения зашла достаточно далеко²².

У ижорского населения издавна складывались добрососедские отношения с русскими. О таком сближении народностей и наций весьма четко и ясно говорил В. И. Ленин. Веками складываются установки симпатии или антипатии народов друг к другу. Известно, что капитализм насилует эти симпатии и создает трудности делу сближения наций. Социализм же, наоборот, организуя производство без классового гнета, дает полный простор симпатиям населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций²³. Слияние ижоры и води — этих мелких этнических групп с крупным, стоящим на более высоком уровне экономического и общественно-политического развития русским народом — историческая закономерность, которая на более безболезненно проявляется в условиях социалистического общества.

²⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения СССР. Т. IV — Национальный состав. М.: Статистика, 1970, с. 11—27.

²¹ Вестник статистики. М., 1980, № 7, с. 43.

²² Вместе с тем маленький ижорский народ до наших дней сохранил в памяти много произведений фольклора; см. Народные песни Ингерманландии. Л., 1974.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 21.

Д. С. Дугаров

ЛЕБЕДЬ В ОРНАМЕНТЕ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

В фольклоре бурят среди многочисленных мифов, легенд и преданий особенно большой популярностью вплоть до настоящего времени пользуется генеалогическое предание о происхождении хори-бурят и хонгодоров от небесной девы-лебедя «Хун шубуун». Вот краткое содержание предания.

Однажды молодой охотник Хоридой мэргэн бродил в поисках охотничьей добычи по тайге и случайно забрел на берег (по некоторым вариантам, на берег оз. Байкал) высокогорного озера. Здесь в кустах он сел отдохнуть. Через некоторое время прилетели три белых лебедя, сбросили с себя лебяжьи оперение и, превратившись в необычайно красивых девушек, стали купаться в прозрачной воде горного озера. Хоридой незаметно подкрался и похитил одеяние одной из небесных девиц. Двое из них снова покрылись своими одеждами и превратившись в белых лебедей, улетели. Третья же осталась на земле и вынуждена была выйти замуж за Хоридой мэргэна. Прожив с ним много лет, она родила ему 11 сыновей. Однажды она попросила мужа показать ее лебяжью одежду. Старик Хоридой, уверенный в том, что после стольких лет совместной жизни она уже от него не уйдет, принес то, что у него просили. Найдя одежду в целостности и сохранности, женщина выстирала ее в родниковой воде, окурила дымом пихтовой коры и можжевельника; затем начала примерять и превратившись в лебедя, расправила крылья и вылетела через дымовое отверстие юрты. Старик Хоридой, хлопотавший у очага, не обратил внимания на происходящее, а когда понял, что жена собирается покинуть его, было уже поздно. Старик лишь успе-

хватить ее за ноги, но руки, обмазанные толстым слоем глины¹, были жользки и удержать ее он не сумел. Вот почему лебеди белые, а ноги у них черные,—резюмируют рассказчики. Это древнее предание и сегодня можно услышать в бурятских улусах от стариков, которые при этом непременно добавят как бы от себя о том, что люди 11 хоринских родов являются потомками 11 сыновей небесной девы-лебедя «Хун шубуун».

Весной, когда из южных стран в Бурятию прилетали лебеди, хориняки совершали обряд встречи своей прародительницы. Услышав крики лебединых стай, пролетающих над их юртой, каждая женщина-хозяйка выбегала на улицу, непременно в своей *уужи* (безрукавка) и головном уборе, и из деревянного ведра (*тотхуур*) деревянным ковшом брызгала вверх навстречу и вслед улетающим лебедям молочную пищу с такими словами:

Хун шубуун гарбални,
Хуһан модон сэргэмни².
Аяар холо аяһаа
Агаар замаар
Амар мэндэ ербэ гүт?
Бага хүүхүүр
Батнай бидэнэр
Баруун Тугнэдөө
Бардам дэлгэр һуунабди.
Аягатымнай дээжэһээ
Ама хүрэжэ
Арюухан Байгалдаа
Морилогты.

Птица лебедь, прародительница моя,
Березовая моя коновязь.
С дальней предальной стороны
По дороге небесной, воздушной,
В добром ли здравии возвратились?
Мы же люди младшего подразделения
Батнайского рода³
В нашем западном Тугнуе
В достатке и благополучии живем.
Из лучшей части
Белой пищи нашей отведав,
К прозрачному Байкалу
пожалуйте⁴.

Данное предание бытует не только у восточных бурят-хоринцев, но и среди западных — аларских и тункинских хонгодоров⁵, у хангин, шарайд, гушад и шошоолог, которые также считают эту небесную деву-лебедя своей праматерью.

Помимо указанных бурятских родов, особое почитание лебедей отмечено у ряда других, преимущественно тюркоязычных народов. Например, лебедь был тотемом у якутов-намцев — значительной этнической группы Центральной Якутии, у родов уоргалар, оспех и якутов Эльгетского наслега бывшего Верхоянского округа⁶, а также у тувинцев Центральной Тувы, у которых имеется род *куулар*, от *куу* — «лебедь». Лебедь считался божеством большой группы племен и родов Саяно-Алтайских тюрков — телеутов, теленгитов, челканцев, кумандинцев⁷, некоторых хакассских родов — качинцев, бельтиров, сагайцев и кызыльцев. Почитаема была эта птица у тувинцев-тоджинцев и тофаларов⁸.

Култ лебедя отмечен также у башкир, казахов, каракалпаков, туркмен, киргизов и шорцев⁹. Легенды и предания, близкие по содер-

¹ Крышка перегонного аппарата по краям обмазывалась глиной, чтобы не было течи пара, из которого конденсируется алкогольный напиток.

² Первое значение слова — ритуальный столб бурят-шаманистов; второе — коновязь.

³ Батнай — один из 11 хоринских родов. Хухуур — родовое подразделение, подрод. статье употребляются условные для XIX — начала XX в. термины «род» и «племя», которыми в дореволюционной этнографической литературе обозначались различные племенные и территориальные объединения бурят.

⁴ Записано автором в улусе Хайцагар Бичуринского аймака Бурятской АССР.

⁵ Хонгодор — одно из четырех бурятских племен.

⁶ Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980, с. 112.

⁷ Потапов Л. П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений. — этнография, 1959, № 2, с. 20—22.

⁸ Алексеев Н. А. Указ. раб., с. 108, 113—115.

⁹ Хлопина И. Д. Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев. — Мат.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. Уфа, 1980, с. 72—89.

жанию к приведенным хори-бурятским, имелись у марийцев¹⁰ и дуна-ских болгар¹¹.

Из современных монголоязычных народов тотемный культ лебеди отмечен у ойратов¹² и дэрбэтов Западной Монголии¹³. Из других народов Сибири «тотемистический характер представлений о лебеде и их связь с материнским родом проявляется у селькупов и кетов»¹⁴. Такое широкое и устойчивое распространение культа лебедя и его отражения в фольклоре, мифологии, религиозных воззрениях и культовой обрядности тюрко-монгольских народов указывает на древнейшие сибирско-центральноазиатские истоки приведенного сюжета.

Колыбелью тюрко-монгольских народов, а также тех «алтайских» этнических компонентов, которые приняли участие в этногенезе некоторых, ныне неалтайских народов, таких как марийцы, была, как известно, Центральная Азия и Южная Сибирь. Очевидно, и культ лебедя также возник и локализуется в этом же районе и восходит к эпохе палеолита. Такой вывод не противоречит данным других исследователей. По мнению А. М. Золотарева, образ птицы-тотема наиболее характерен для Сибири и Северной Америки¹⁵. Он «возник в азиатской среде, и его распространение связано с некоторыми группами монголоидной расы»¹⁶.

Костяные миниатюрные изображения сидящих и летящих лебедей были в большом количестве обнаружены на палеолитических поселениях Мальта и Буреть в Прибайкалье¹⁷. Все изображения однотипны. В нижнем конце (хвосте) каждой фигурки было просверлено маленькое отверстие, куда, очевидно, продевалась веревочка и она подвершивалась на шее в виде украшения и амулета.

Лебедь оставалась такой же особо почитаемой птицей в Прибайкалье и в неолитическую эпоху у исаковских и серовских племен¹⁸. Образ птицы явился одним из самых популярных изображений на скальных писаниц Центральной Азии, Южной Сибири и Забайкалья. Особенно много их на селенгинских писаницах эпохи бронзы и раннего железа. В количественном отношении они, по подсчетам А. П. Окладникова, занимают одно из первых мест. Образ лебедя, по нашему мнению, присутствует и в изображениях различного рода фантастических существ, в том числе на знаменитых «оленных камнях» Забайкалья и Северо-Западной Монголии в виде так называемой «пигалицы» — космического оленя с разветвленными рогами, длинной «лебединой» шеей и длинным клювом водоплавающей птицы. К этой же эпохе относятся и изображения лебедей на петроглифах оз. Байкал.

На северо-западном скалистом берегу Байкала, в живописной бухте Саган-Заба, на гладкой белой мраморной поверхности древними художниками выбиты многочисленные изображения зверей, птиц, фантастических существ, антропоморфные изображения и различного рода знаки. Рисунки эти «многослойны». Некоторые датируются неолитом, другие эпохой бронзы и более поздним временем.

¹⁰ Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1962, с. 161.

¹¹ Веркович С. Описание быта болгар, населяющих Македонию. — Тр. этногр. отд. Импер. О-ва любит. естеств., антроп. и этногр. Кн. 3. В. 1. М., 1874, с. 17—18.

¹² Владимирцев Б. Я. Легенда о происхождении дэрбетских князей. — Живая старина. СПб., 1909. В. II—III (год VIII), кн. 70—71, с. 36—37.

¹³ Бурдуков А. В. Предание о происхождении дэрбетских князей кости Цорос-Троицковско-Кяхтинск. отд. Приамурск. отд. Русского Географического общества. Т. XIV. В. 1—2. СПб., с. 56—58.

¹⁴ Алексеенко Е. А. Кеты. Л., 1967, с. 172.

¹⁵ Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964, с. 278.

¹⁶ Р. А. Агеева. Об этнониме чудь (чухна, чухарь). Этнонимы. М.: Наука, 1970, с. 200.

¹⁷ История Сибири. Т. I. Л.: Наука, 1968, с. 45; Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1980, с. 11—13, рис. 3.

¹⁸ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 285—286.

Из серии этих рисунков особый интерес для нас представляют изображения лебедей, расположенных в одиночку или группами, и особенно один из них, который составляет единое композиционное целое вместе с изображением «рожающей» женщины¹⁹.

Композиция представляет собой контурное изображение, на которой «роженица» представлена в характерной сидячей позе анфас, с широко раздвинутыми в стороны ногами и руками, причем ее левая рука соединена с грудью птицы. В данной композиции А. П. Окладников, на наш взгляд, правильно видит материализованные графические образы генеалогической легенды хори-бурят об их божественной прародительнице. «С изображением птиц,— пишет А. П. Окладников,— похожих на лебедей, в бухте Саган-Заба и Ая „перекликается“ широко известный в литературе фольклорный сюжет — миф о происхождении буринских бурят. Согласно этой легенде, предком хоринцев был мифический герой Хоридой, или Хоридай мэргэн,— сын божественного быка прародителя Буха-нойона и шаманки Асуйхан. Он сочетался браком на берегу Байкала с небесной женщиной-лебедью»²⁰.

Рис. 1. Скульптурные амулеты в виде птиц из бивня мамонта из палеолитического поселения Мальта в Прибайкалье

Рис. 2. Прародительница хори-бурят Хобоши хатун. Наскальное изображение у бухты Саган-Заба

Таким образом, по мнению исследователей, к которым присоединяемся и мы, с образом этой небесной девы-оборотня и в наши дни связано древнейшее представление ряда бурятских племен и родов об их тотемной прародительнице, а указанные изображения лебедей и «рожающих» женщин на петроглифах оз. Байкал являются иллюстрацией этой легенды. Что касается фигуры лебедя, с грудью которой сливается левая рука «роженицы», то ее, по нашему мнению, можно толковать двояко. В ней можно усмотреть воплощение второй, птичьей, ипостаси прародительницы хоринцев, или, что более вероятно, это изображение следует считать изображением одной из небесных сестер рожавшей женщины, которая прилетела на помощь к своей земной сестре принимать у нее роды. Здесь уместно вспомнить некоторые древние представления, например, о якутской богине Айыыһыт и у саяно-алтайских горков Умай-энэ (Мать Умай), которая спускается с неба в образе птицы, принимает роды и заботится о младенце в первые дни его жизни.

Как же зовут эту божественную прародительницу бурят? Современные буряты называют ее Хун шубуун «Лебедь-птица» или Сагаан шун «Белая птица». Последнее название, несомненно, является эвфемизмом. Наряду с указанными названиями в некоторых вариантах приведенного генеалогического предания бурят данная небесная дева-лебедь фигурирует под названием Хобоши хатун, или Хобшорой хатан. Летом 1973 г. в улусе Сарма Ольхонского района Иркутской области нам удалось записать шаманское призывание, посвященное хозяину Сармы²¹:

¹⁹ Окладников А. П. Петроглифы Байкала. Новосибирск: Наука, 1974, с. 132, ил. 7 и 15. См. также с. 77—78, 82—92.

²⁰ Там же, с. 88.

²¹ Сарма — горная речка, впадающая с северо-западной стороны в оз. Байкал. Именем называется и горная вершина, где берет начало эта речка и ущелье, которой она течет, а также резкий порывистый ветер, дующий со стороны ущелья на Байкал.

Сармын бурхан
Саар сагаан толгой,
Сайбар нойон,
Сайбар хатан,
Хореодой үбгэн,
Хобшорой хатан...²²

Божество Сармы
Саар белая голова,
Светлый нойон,
Светлая госпожа,
Хореодой (наш) предок,
Хобшорой госпожа...

Современная территория Ольхонского района Иркутской области, включая о. Ольхон, к приходу в Прибайкалье первых русских казаков была населена людьми из 11 родов хоринского племени. В середине XVII в. хоринцы покинули Ольхон, перебрались на юго-восточный берег Байкала и расселились постепенно по всему Забайкалью. Но воспоминания о шаманских духах и божествах, о грозном хозяине о. Ольхон — Шубуун нойоне («Орле») и тринадцати нойонах в народной памяти хоринцев сохранились и сегодня. Ныне на территории Ольхонского района проживают буряты племени эхириты, главным образом рода шоно «волк». Интересно отметить, что культ Хоридоя и его небесной супруги до сих пор сохраняется именно на Байкале, в непосредственной близости от вышеуказанных петроглифов Байкальской бухты Сагаан-Заба, которые интерпретируются исследователями, и в том числе нами, как иллюстрации древнего мифа о происхождении хори-бурят и хонгодоров. Такое почитание легендарных прародителей хоринцев осталось здесь, видимо, еще с тех времен, когда в этих местах обитали хоринцы.

В лексике современного бурятского и других монгольских языков слово *хобоши* или *хобшорой* в значении «лебедь» не зафиксировано. Почему же в таком случае наряду с общемонгольским *хун* — «лебедь» в бурятской мифологии эта птица именуется еще и хобоши? Если последнее — имя не монгольского происхождения, то оно, очевидно, заимствовано. Но из какого языка? По мнению ряда исследователей, — из тюркского. «По словам исследователей, — пишет Г. Н. Румянцев, — якуты чтут светлые божества, обитающие в верхних слоях неба: Урун Айы тойон и его супругу Куба хатын. Якуты верят, что Куба хатын или, как чаще встречается в русской литературе, Хубай хатун, явилась их предкам в виде лебедя, а потому эту птицу многие якуты не употребляют в пищу...

В олонхо об Ар-тойоне упоминается его жена — лебедь Хубай хатун. Это имя, несомненно, находится в связи с бурятской Хобоши хатун (вариант Хангалова). Ведь по-якутски Хубай (кувай) — «лебедь». Во многих бурятских диалектах звуки «о» и «у» не различаются. Таким образом, якутское Хубай хатун и бурятское Хобоши хатун означают одно и то же: «лебедь-царица» или «лебедь-женщина»²³. Г. Н. Потанин считал, что под именем якутского божества Ар тойон скрывается Хореодой — муж Хобоши хатун²⁴. Об идентичности якутского божества Хубай и бурятского Хобоши хатун писал и М. Н. Хангалов: «Хореодой нойон и его жена Хобоши хатун, дочь неба Шара-Хасар, превращавшаяся в лебедя...»²⁵. Такой же точки зрения придерживался и Ц. Б. Цыдендамбаев. По его мнению, конечный элемент — *ши* в имени Хобоши является суффиксом, образующим женское имя и идентичен древнемонгольскому — *чин, джин, жин*²⁶. Следовательно, если отбросить данный суффикс, то остается Хобо, что вполне соответствует якутскому Куба, Хубай.

Итак, имя мифической прародительницы двух крупных бурятских племен хори и хонгодоров, и также других указанных выше родов вос-

²² Полевые материалы автора 1973 г.

²³ Румянцев Г. Н. Указ. раб., с. 163.

²⁴ Потанин Г. Н. Восточные мотивы в европейском эпосе. М., 1899, с. 98.

²⁵ Хангалов М. Н. Собр. соч. Т. I. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959, с. 207.

²⁶ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972.

лоднн к древнетюркскому слову *kyda* — «лебеда». Сохранение этого тюркского слова в сакральной лексике бурятского фольклора и мифологии, в имени их тотемной прародительницы указывает на его исключительную древность.

Опираясь на приведенное генеалогическое предание, на указанные рисунки байкальских писаниц и их интерпретацию, мы попытаемся объяснить сущность, происхождение, а также выявить этимологию одного весьма интересного типа традиционной верхней женской одежды — свадебной безрукавки, сохранившейся до наших дней у некоторых тюрко-монгольских народов.

Обязательной принадлежностью замужней якутской женщины в древности являлась шуба — *кэдьинэ тангалай* (*сангыйах*). Это длинное меховое одеяние украшалось разными узорами, обвешивалось медными и серебряными кружками, разноцветными бусами и т. п. Спинка и обе полы его были полосатыми²⁷. Полосы эти, думаем, шли от вертикального разреза на спине сверху вниз в сторону боковых швов, образуя «елочный узор», называемый якутами *тангалай ойун*²⁸, который символизировал птичье оперение, крылья. Именно в таких костюмах якутки танцевали на своем весеннем празднике *ысыах*. Другая разновидность якутской женской одежды подобного типа была описана Георги. Она представляла собою нарядную, длинную безрукавку, которую надевали поверх кафтана²⁹. По мнению А. П. Окладникова, этого рода одежда якутов появилась в древности в южных степях и имела важное ритуальное значение. «О важной роли сангыйаха, — писал А. П. Окладников, — в старинной культуре и жизни можно судить по тому, что в сангыйах»е хоронили мертвых, в него одевали молодых на свадьбах, сангыйах дарили как брачный подарок свекрови и, наконец, именно в женском сангыйах»е, в случае отсутствия специального облачения, совершали свои мистерии северные якутские шаманы»³⁰.

Близкая к описанной выше по типу и функциональному назначению верхняя женская одежда издавна бытовала у некоторых других тюркских племен и народов Саяно-Алтая, Южной Сибири, у бурят и монголов.

У южных алтайцев и теленгитов замужние женщины носили специальную верхнюю одежду — *чегедэк*. «Чегедэк, — пишет Н. Ф. Прыткова, — безрукавка с широкими проймами, длинная, распахная с прямым разрезом спереди, состоявшая из двух частей: лифа и пришитой к нему юбки, собранной в сборки, на которой сзади, посредине от подола вверх сделан разрез. Лиф делался на подкладке, юбка была без подкладки. Безрукавку не застегивали, но на левой поле всегда пришивали две большие красные пуговицы.

Украшали безрукавки по полам, проймам и вдоль разреза сзади плоской парчи и большим количеством разноцветных (радужных) полосок шитья, выполненных крученой шелковой нитью. У богатых ее покрывали бархатом, у небогатых — дешевым плисом или дабой»³¹. Схожую по покрою с алтайской безрукавку Н. Ф. Прыткова отмечает у хакасов. Она называется *сигедек*³². О бытовании женской безрукавки чегедэк у тувинцев свидетельствует Л. П. Потапов³³. Из других тюркоязычных народов одежда подобного типа была распространена у башкир и каракалпаков. У последних она называлась *женсиз*³⁴. По мнению А. П. Окладникова, якутские сангыйах и кэдьи тангалай совершенно одинаковы по типу с *сигедек* качинцев и безрукавкой башкир³⁵.

²⁷ Алексеев Н. А. Указ. раб., с. 193.

²⁸ История Якутской АССР. Т. I. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 250—251.

²⁹ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов так их обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. I. Спб., 1776.

³⁰ История Якутской АССР, с. 249.

³¹ Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда. — Историко-этнографический атлас Сибири. — Л.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 234—235.

³² Там же.

³³ Потапов Л. П. Указ. раб., с. 21.

³⁴ Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 480—481.

³⁵ История Якутской АССР. Т. I.

она бытует и сегодня. У хонгодоров она называлась *хубайси* и в ее состав входил комплект женской свадебной одежды. Шили ее не только к свадьбе из дорогих шелковых тканей или бархата. Одевали по верх халата или шубы в день свадьбы в доме жениха сразу же по прибытии свадебного поезда, перед самым ответственным обрядом поклонения невесты родителям жениха, их родовому огню и онгонам и богами. После с нею уже никогда не расставались. Хубайси, как и чегедэк, представляет собою длинную безрукавку, состоящую из лифа и пришитой к нему юбки. Спереди от ворота до низа подола — разрез. Полы безрукавки только сходятся, но не запахиваются и на пуговицы не застегиваются. Сзади юбки от лифа до низа подола — разрез. Вокруг талии, у ворот, бортов и подола нашивались узкие цветные ленточки, сплетенные из цветных нитей. Иногда, в некоторых случаях безрукавки украшались вышивками, к обоим бортам пришивались многочисленные золотые и серебряные монеты.

Рис. 3. Женская безрукавка *хубайси*: а — праздничная (длинная) б — повседневная (короткая)

У идинских бурят, проживающих по правому берегу р. Ангары, замужние женщины носили такие же безрукавки с аналогичным названием. А у верхоленских бурят эта же безрукавка называлась *дэгэлэй*.

Таким образом, мы установили, что обязательным компонентом традиционного женского костюма всех трех основных бурятских племен, населяющих западную Бурятию была специфическая верхняя одежда, которая называлась *хубайси* (у хонгодоров), *хубайхи* (у булагатов) и *дэгэлэй* (у эхиритов). Но так как в легенде, с которой мы начали данную статью, речь шла о происхождении хори-бурят, то естественно возникает вопрос: бытовала ли указанная безрукавка у хори-бурят? Да, бытовала и бытует. Особенно часто в Забайкалье ее носят пожилые женщины. Она называется *уужа*. Подробное и точное описание этой одежды дал в своей книге большой знаток этнографии хори-бурят, бывший учитель и краевед Лодон Линховоин.

«Уужи,— пишет он,— были двух видов: короткие до талии — *оодон уужи*, и длинные с подолом — *ута уужи* или *хормойтой уужи*. Оодон уужи — это жилет, по краям которого нашита узкая ленточка. Уужи застегивались на одну пуговицу у ворота. Шили их из того же материала, что и перед дыгылов³⁶. Длина ута уужи почти такая же, как и у дыгыла. По бокам длинных уужи имелись продольные разрезы. Вокруг талии нашивались *татааһаны*³⁷, а по низу подолов — две параллельные полоски, сделанные из ниток. Между ними, а также ниже их, по самому краю уужи проходит узкая полоска черного плиса, называемая *мушхээһэн*³⁸. Изображение длинной безрукавки в составе праздничного костюма хори-бурятки и короткой безрукавки в будничном костюме можно увидеть на репродукции с рисунков художника Д. А. Баторова в цитируемой работе Л. Линховоина (рис. 3).

Уужа, или чегедэк, носили также женщины некоторых «племен» западного, северо-западного и юго-восточного районов Монголии³⁹. У всех у них лебедь прежде пользовался особой популярностью и почитался. У мянгатов, например, есть род *цагаан шубуу* («белая птица»). Это как мы отмечали выше,— табуированное название лебедя.

³⁶ Дыгыл (дэгэл) — общее название зимней шубы и летнего халата.

³⁷ Татааһан — лента из простого черного материала, прошитая в два ряда стебельчатым швом разноцветными нитками.

³⁸ Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972, с. 29—30.

³⁹ Ядамсүрен У. Народный костюм МНР. Введение и краткие объяснения Л. Сономцерен. Улан-Батор, 1967 (на монг. яз.).

и, видимо, прав монгольский этнограф Б. Сандаг, который в своей статье, посвященной вопросам происхождения мянгатов, приходит к выводу о том, что мянгатский род «белой птицы» есть не что иное, как омонголившийся осколок тюркского племени кууларов⁴⁰. Тюркские элементы имеются и в составе дархатов⁴¹, а хотонов и урянхайцев в этническом составе народов Монголии ученые относят непосредственно к тюркской группе⁴². Племена дариганга и узумчины, проживающие на юго-востоке Монголии, возможно также имеют в своем составе тюркские компоненты. Дэрбаты, олеты, баяты и захчины относятся к ойратам. Традиция почитания лебедя у них, очевидно, была порождена древним тотемистическим воззрением ойратов, которое получило свое отражение в их генеалогической легенде, очень близкой к приведенной хоринской. Согласно этому преданию, один молодой охотник-ойрат случайно забредает на берег горного озера и видит там трех небесных дев-оборотней, беспечно купающихся в прозрачной воде горного озера. Одну из них молодой охотник ловит и овладевает ею. По истечении определенного времени небесная дева прилетает на то же место, где рождает сына и оставляет под деревом. Там его находят ойраты и, когда мальчик подрастает, объявляют своим князем. От него якобы и берет начало древний княжеский род ойратов Цорос (Чорос)⁴³.

Вернемся к безрукавке. Каково ее практическое назначение и почему она была обязательным компонентом костюма замужних женщин? Исследователи прежде всего старались выявить какие-то утилитарные функции этого костюма. Одни связывали его происхождение со скотоводческим хозяйством степных племен и отмечали стремление приспособить его к верховой езде, сделав разрез сзади⁴⁴. Другие считали, что «безрукавка служила верхней одеждой, в холодное время ее надевали поверх шубы»⁴⁵. Однако позволительно спросить: а почему в таком дополнителном утеплении нуждались непременно замужние женщины, а не их мужья, которым гораздо чаще и дольше приходилось бывать на морозе, или же их дети, незамужние дочери? Конечно, приведенное выше высказывание — явное заблуждение. Совершенно очевидно, что зимняя овчинная шуба или летний халат в таком дополнении в чисто утилитарном отношении вовсе не нуждались. Наоборот, такая дополнительная ноша могла только обременять женщину, сковывать ее движение, мешать работать. Теперь относительно разреза сзади, который сделан якобы ради удобства при верховой езде или ходьбе. Здесь опять-таки возникает вопрос: почему же сама шуба или халат, на которые надевали безрукавку, никогда не имели такого разреза? Все это заставляет искать другой ответ на поставленный вопрос. И для этого попытаемся выяснить этимологию терминов, которыми они обозначаются у разных бурятских племен. Таких терминов три: хубайси с вариантом хубайхи, дэгэлэй и уужа.

Начнем с термина *хубайси*. Последний слог *си* (*хи*) в этом слове является суффиксом принадлежности. Отбросив его, мы получим слово *хубай*, которое, как выше мы выяснили, является именем тотемной прародительницы хори-бурят и хонгодоров — небесной девы-оборотня, лебедя. А вместе с суффиксом *си* (*хи*) слово хубайси означает «лебяжье» (оперение или одежда). Это та самая одежда, которую похитил легендарный предок хоринцев Хоридой мэргэн и тем самым заставил небесную деву выйти за него замуж.

У эхиритов и тункицских хонгодоров и шошоолоков эта безрукавка называлась *дэгэлэй*. В бурятско-русском словаре К. Черемисова это слово зафиксировано в форме дэглы и имеет два значения: 1) женская

⁴⁰ Сандаг Б. Мянгадийн гарал ууслийн асуудалаас.— Этнографийн судлал. Улаанбаатар, 1969. Студия этногرافика. Т. IV. Ф. 1—5, с. 81—103.

⁴¹ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981.

⁴² Там же, с. 488—489.

⁴³ Бурдуков А. В. Указ. раб., с. 56—58.

⁴⁴ Хангалов М. Н. Указ. раб., с. 207.

⁴⁵ Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда.— В кн.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 235.

накидка-безрукавка с разрезом сзади, надеваемая на шубу, 27. В лексическом составе других монгольских языков этого слова нет. то оно зафиксировано В. В. Радловым в тюркских языках в форме *dägälä* и означает «род короткого верхнего платья, которое иногда бывает вышито золотом»⁴⁷. В этом плане представляет интерес второе значение эхиритского слова дэгли — «цапля», т. е. водоплавающая, перелетная птица, похожая на нашего лебедя.

Теперь остается выяснить значение слова *уужи* (*уужа*). Этимологией данного слова, как и двух предыдущих терминов, исследователи специально не занимались. Бурятский языковед Ц. Б. Цыдендамбаев в фундаментальной монографии «Бурятские исторические хроники и родословные», в главе, посвященной заимствованной лексике в бурятском языке, рассматривает и слово *оуји* «женская безрукавка, камзол» и возводит его к маньчжурскому *очжинь*⁴⁸. В «Толковом словаре монгольского языка» (на монг. яз.) ууж — «длинная безрукавка, которая надевается поверх женской шубы»⁴⁹. В «Полном маньчжурско-русском словаре» Ивана Захарова, на который ссылается Ц. Б. Цыдендамбаев, слово *очжинь* действительно имеется, и оно означает: «женское верхнее платье без рукавов, с разрезами на боках и складками на вышитом подоле, вроде камзола до колен (придворное платье)»⁵⁰. По описанию *очжинь* действительно имеет много общего с бурятским *уужа*, но кажется очень странным то, что в недавно вышедшем двухтомном «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» это слово вовсе не значится. Нет никаких указаний о бытовании когда-либо подобной женской безрукавки у каких-либо тунгусо-маньчжурских народов и в этнографической литературе. Все это заставляет нас думать, что *очжинь* у тунгусо-маньчжуров было заимствованным платьем, бытовавшим в какой-то узколокальной этносоциальной среде сравнительно короткое время, а затем исчезнувшим бесследно. Об этом свидетельствует замечание И. Захарова, сделанное им в скобках («придворное платье»). Если это только лишь придворное платье, а не народное, то его отсутствие во всех тунгусо-маньчжурских языках, зафиксированных в указанном «Сравнительном словаре», можно, видимо, объяснить лишь тем, что оно было непродолжительным по времени культурным влиянием другого народа, коснувшимся только узкого придворного круга одного из ранних государств тунгусо-маньчжуров. Безрукавка *очжинь*, не успевшая получить достаточной популярности в народе, после распада этого государственного объединения исчезла. Это слово, видимо, было извлечено И. Захаровым из какого-то литературного памятника маньчжуров.

Таким образом, ни монгольские, ни тунгусо-маньчжурские языки не дают нам основания для объяснения этимологии термина *уужи*. Третьим языком алтайской языковой семьи является, как известно, тюркский. Поэтому и следует обратиться к нему, тем более, что два предыдущих термина *хубайси* и *дэгэлэй* оказались тюркскими. И действительно, в «Древнетюркском словаре» *ис* означает «летать», «парить»⁵¹, что семантически неразрывно связано с понятием «крылья». К этому надо добавить, что в орхонских рунических эпитафиях, относящихся к первой половине VIII в., слово *ис* (*удж*) зафиксировано в значении «крыло» (военное), «фланг». Последнее значение, по нашему мнению, является вторичным, символическим, производным от крыльев птицы.

⁴⁶ Бурятско-русский словарь. М., 1973.

⁴⁷ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских языков. М., б/г; СПб, 1893—1911.

⁴⁸ Цыдендамбаев Ц. Б. Указ. раб.

⁴⁹ Краткий и толковый словарь монгольского языка. Улан-Батор, 1966 (на монг. яз.).

⁵⁰ Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, с. 131.

⁵¹ Древнетюркский словарь. М.—Л., 1970, с. 603. См. также: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 63, 69, 437.

лсюда вытекает, что термин уужи, обозначающий женскую безрукавку бурят-хоринцев и некоторых других монгольских народов, равно как и маньчжурский термин очжинь восходят к древнетюркскому ись (удж) — «летать», «парить»; «крылья». Эти термины семантически полностью совпадают с ритуальной символикой однотипной безрукавки аларских конгодоров хубайси, которая означает крылья их тотемной птицы, обозначенной тюркским словом хуба — «лебедь».

Таким образом, все указанные типы бурятских женских безрукавок в функциональном отношении не имели утилитарного назначения, а носили чисто ритуальный характер и по происхождению были тесно связаны с древнейшими тотемистическими воззрениями некоторых народов тюркской группы. Тюркскими же оказываются и три бурятские термина, обозначавшие указанные типы бурятских ритуальных безрукавок. Все это дает нам основание, возможно, с некоторой долей гипотетичности, утверждать, что приведенный выше материал свидетельствует об этногенетической близости бурятских племен хоринцев и конгодоров, а также ряда других бурятских родов к тюркскому, а не к монгольскому этносу. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения с широким привлечением новых историко-этнографических, фольклорных, лингвистических, антропологических и других материалов.

М. А. Лобанов

ВОКАЛЬНЫЕ МЕЛОДИИ-СИГНАЛЫ В КРЕСТЬЯНСКОМ БЫТУ

(по материалам Северо-Запада РСФСР)

Разновидность народной музыки, для которой в настоящей статье предлагается название «вокальные мелодии-сигналы»¹ или «мелодии-кличи», традиционно существует на Северо-Западе РСФСР. Но она еще не вошла в круг исследований отечественной этнографии и музыкальной фольклористики, поскольку впервые зафиксирована — причем не только в указанном регионе, но и вообще у русских, а также соседствующих с ними на этой территории вепсов и тверских карел — в сравнительно недавнее время.

Вокальные мелодии-сигналы используются сборщиками ягод или пастухами при выполнении различных трудовых операций для связи людей друг с другом (зов, аукание), а также для сбора скота в одно место, перегона его на новый участок пастбища, отпугивания хищников и т. п. Данные мелодии, подчеркиваю, поются, но в отличие от песен не имеют словесного текста, а распеваются на слоги, в одних случаях совпадающие с первичными («эмоциональными») междометиями русского языка («ой», «эй»), в других же — представляющие нечто иное («э—я», «у—ху», «у—хи»). Связного словесного текста у мелодий-кличей, по-видимому, никогда не было. Эта особенность, а также явно не песенная манера подачи — то пронзительно высоким, то нарочито грубым (для большей силы) голосом — придает им необычайное своеобразие.

Исконность мелодий-кличей Северо-Запада РСФСР подтверждает распространенность аналогичных явлений в пастушеской музыке почти

¹ Здесь и далее слово «сигнал» употребляется в бытовом значении, а не как семиотический термин, фиксирующий, в частности, уровень структурной сложности знака.

всех народов Европы², причем наиболее интенсивно их традиция явилась в тех районах, где сохранились древние формы содержания скота, такие как альпийская система, трансгуманс и проч. (Альпы, Карпаты, некоторые скандинавские провинции, например, Даларна, Швеция). Не удивительно, что мелодии именно из этих мест («йодры», «юхцеры», «коровьи хороводы» и др.) в первую очередь обратили на себя внимание фольклористов, и интересующая нас разновидность народной музыки в целом оказалась воспринятой рядом исследователей как яркий остаток скотоводческой культуры.

Вновь обнаруженные вокальные мелодии-сигналы существуют в условиях иного хозяйственного уклада: на Северо-Западе РСФСР содержание скота — это, как известно, единственная форма животноводства. Таким образом очевидно, что пастушество не является единственным носителем традиции таких сигналов.

* * *

Первое описание музыкальных голосовых сигналов сельского бытия и нотная запись такого сигнала принадлежит Ф. А. Рубцову³. Однако его наблюдения остались совершенно незамеченными, да и сам исследователь воспринял услышанное скорее как любопытный пример интонирования, а не как образчик некоего музыкально-фольклорного жанра, даже не сочтя нужным паспортизировать публикуемую запись.

Материалы, позволяющие говорить о вокальных мелодиях-сигналах как об особом явлении русского фольклора, были впервые зафиксированы автором настоящей статьи в 1969 году⁴ (независимо от данных Ф. А. Рубцова). Основная же часть подобных материалов, позволяющая уже сделать первые обобщения, была собрана мною в 1978—79 гг. К настоящему времени сделаны документальные записи вокальных сигналов (их также можно назвать «мелодии-кличи») из Вологодской (Устюженский район), Калининской (Бежецкий, Максатихинский, Спировский, Удомельский районы), Ленинградской (Лодейнопольский, Тихвинский районы), Новгородской (Мошенской, Пестовский, Боровичский, Хвойнинский, Любытинский районы) и Архангельской (Устьянский район) областей⁵.

Постепенно, по мере накопления материала обнаруживалось разнообразие вокальных мелодий-сигналов, расширялся и круг сведений о том, когда, в каких ситуациях, в каких сферах жизни бывали они необходимы. Вместе с тем от одного выезда к другому увеличивалось число вопросов, задаваемых информаторам. Все это неизбежно приве-

² Укажу лишь наиболее крупные работы по этой теме и некоторые статьи последних лет: *Sichardt W.* Der alpenländische Jodler und der Ursprung des Jodelns. Berlin, 1939; *Wiora W.* Zur Frühgeschichte der Musik in den Alpenländern. Basel, 1949; *idem.* Jubilare sine verbis.— In: Historische und systematische Musikwissenschaft. Tutzing, 1972; *Tampere H.* Eesti rahvalaule viisidega. I, Tallinn, 1956; *Witolinš J.* Latviešu tautas muzika. I. Rīga, 1958; *Moberg C.-A.* Studien zur schwedischen Volksmusik. Uppsala, 1971; *Helmer R. P.* European Pastoral Galls and Their Possible Influence on Western Liturgical Chant. Columbia University, 1975 (ms); *Kaden Chr.* Hirtensignale. Musikalische Syntax und kommunikative Praxis. Berlin-Leipzig, 1977; *Johnson A., Ramsten M., Beckman A.-M.* et al. Fäbodmusik i förvandling.— In: Svensk tidskrift för musikforskning. V. 60: 2, 1978; *Brailoiu C. A.* propos du jodel.— In: *Brailoiu C.* Opere. V. București, 1981.

³ *Рубцов Ф. А.* Соотношение поэтического и музыкального содержания в народных песнях.— В кн.: Вопросы теории и эстетики музыки, в. V. Л.: Музыка, 1967, с. 208.

⁴ Автору настоящей статьи Ф. А. Рубцов любезно сообщил паспортные данные своей записи: местечко Ильино Смоленской области, 1947 г.

⁵ Сообщения см.: *Земцовский И. И.* Народное в современном.— Советская музыка, 1971, № 8, с. 33; *Лобанов М. А., Митрофанова В. В.* Фольклорная традиция в Мошенском районе Новгородской области.— В кн.: Русский фольклор, XIII. Л.: Наука, 1972, с. 236; нотную запись мелодии-сигнала см.: *Коргузалов В. В.* Генетические предпосылки жанровой классификации музыкального фольклора.— В кн.: Русский фольклор, XV. Л.: Наука, 1975, с. 241.

⁶ Кроме того, в Вологодской области мелодии-кличи записывались в 1970-е годы фольклорными экспедициями Ленинградской консерватории, Ленинградского музыкального училища им. Римского-Корсакова, в Ленинградской области — экспедициями местного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

всех народов Европы², причем наиболее интенсивно их традиция явилась в тех районах, где сохранились древние формы содержания скота, такие как альпийская система, трансгуманс и проч. (Альпы, Карпаты, некоторые скандинавские провинции, например, Даларна, Швеция). Не удивительно, что мелодии именно из этих мест («йодлы», «юхцеры», «коровьи хороводы» и др.) в первую очередь обратили на себя внимание фольклористов, и интересующая нас разновидность народной музыки в целом оказалась воспринятой рядом исследователей как яркий остаток скотоводческой культуры.

Вновь обнаруженные вокальные мелодий-сигналы существуют в условиях иного хозяйственного уклада: на Северо-Западе РСФСР содержание скота — это, как известно, единственная форма животноводства. Таким образом очевидно, что пастушество не является единственным носителем традиции таких сигналов.

* * *

Первое описание музыкальных голосовых сигналов сельского бытия и нотная запись такого сигнала принадлежит Ф. А. Рубцову³. Однако его наблюдения остались совершенно незамеченными, да и сам исследователь воспринял услышанное скорее как любопытный пример интонирования, а не как образчик некоего музыкально-фольклорного жанра, даже не сочтя нужным паспортизировать публикуемую запись.

Материалы, позволяющие говорить о вокальных мелодиях-сигналах как об особом явлении русского фольклора, были впервые зафиксированы автором настоящей статьи в 1969 году⁴ (независимо от данных Ф. А. Рубцова). Основная же часть подобных материалов, позволяющая уже сделать первые обобщения, была собрана мною в 1978—79 гг. К настоящему времени сделаны документальные записи вокальных сигналов (их также можно назвать «мелодий-кличи») из Вологодской (Устюженский район), Калининской (Бежецкий, Максатихинский, Спировский, Удомельский районы), Ленинградской (Лодейнопольский, Тихвинский районы), Новгородской (Мошенской, Пестовский, Боровичский, Хвойнинский, Любытинский районы) и Архангельской (Устьянский район) областей⁵.

Постепенно, по мере накопления материала обнаруживалось разнообразие вокальных мелодий-сигналов, расширялся и круг сведений о том, когда, в каких ситуациях, в каких сферах жизни бывали они необходимы. Вместе с тем от одного выезда к другому увеличивалось число вопросов, задаваемых информаторам. Все это неизбежно приве-

² Укажу лишь наиболее крупные работы по этой теме и некоторые статьи последних лет: *Sichardt W.* Der alpenländische Jodler und der Ursprung des Jodelns. Berlin, 1939; *Wiora W.* Zur Frühgeschichte der Musik in den Alpenländern. Basel, 1949; *idem.* Jubilate sine verbis. — In: *Historische und systematische Musikwissenschaft*. Tutzing, 1972; *Tampere H.* Eesti rahvalaule viisidega. I, Tallinn, 1956; *Witolinš J.* Latviešu tautas muzika, I. Riga, 1958; *Moberg C.-A.* Studien zur schwedischen Volksmusik. Uppsala, 1971; *Helmer R. P.* European Pastoral Galls and Their Possible Influence on Western Liturgical Chant. Columbia University, 1975 (ms); *Kaden Chr.* Hirtensignale. Musikalische Syntax und kommunikative Praxis. Berlin-Leipzig, 1977; *Johnson A., Ramsten M., Beckman A.-M.* et al. Fäbodmusik i förvandling. — In: *Svensk tidskrift för musikforskning*. V. 60: 2, 1978; *Brailoiu C.* A propos du jodel. — In: *Brailoiu C.* Opere. V. București, 1981.

³ *Рубцов Ф. А.* Соотношение поэтического и музыкального содержания в народных песнях. — В кн.: Вопросы теории и эстетики музыки, в. V. Л.: Музыка, 1967, с. 208.

⁴ Автору настоящей статьи Ф. А. Рубцов любезно сообщил паспортные данные своей записи: местечко Ильино Смоленской области, 1947 г.

⁵ Сообщения см.: *Земцовский И. И.* Народное в современном. — Советская музыка, 1971, № 8, с. 33; *Лобанов М. А., Митрофанова В. В.* Фольклорная традиция в Мошенском районе Новгородской области. — В кн.: Русский фольклор, XIII. Л.: Наука, 1972, с. 236; нотную запись мелодий-сигналов см.: *Коргузалов В. В.* Генетические предпосылки жанровой классификации музыкального фольклора. — В кн.: Русский фольклор, XV. Л.: Наука, 1975, с. 241.

⁶ Кроме того, в Вологодской области мелодий-кличи записывались в 1970-е годы фольклорными экспедициями Ленинградской консерватории, Ленинградского музыкального училища им. Римского-Корсакова, в Ленинградской области — экспедициями местного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

к неравномерности обследования. Неравномерность оказалась и со- в информаторов. В первых поездках опрашивались только женщи- и лишь впоследствии удалось установить, что основными храните- и вокальных сигналов некоторых типов являются мужчины-пас- и.

Вокальные сигналы, определенные мною как мелодии, в целом ха- теризуются следующими признаками: они одноголосны, устойчивы кончены), состоят из тонов привычной нам музыкальной системы. Эти свойства включают в себя, как известно, и традиционные опре- ения понятия мелодии. Не стоило бы останавливаться на столь эле- тарных подробностях, если бы не некоторые обстоятельства.

Прежде всего информаторы, как правило, не противопоставляют ме- ди-кличи всем прочим, не связанным с музыкальным интонирова- ем голосовым сигналам. Народные термины, относящиеся к вокаль- м сигналам, фиксируют различия последних по темброрегистровым азателям, по степени динамики звучания, но отнюдь не по типу ин- ации. Идентичные названия, а вместе с ними и представления о ви- ых особенностях сигнала относятся в одном населенном пункте к ычному немusикальному выкрику, в другом — к мелодиям-кличам в ыственном смысле, в третьем — к промежуточным, полумusикальным- туречевым формам подачи возгласа. Некоторые из опрошенных жи- ей, конечно, осознают музыкальную природу мелодий-кличей, счита- ь, что они, как и песни, имеют «свой мотив». Если бы подобные пред- ыления вообще отсутствовали, то вряд ли удалось бы обнаружить ьную разновидность народной музыки⁷. Но такие представления бо- ь распространены в тех деревнях и селах, где зафиксированы разви- е по форме мелодий-кличи. Вместе с тем многие исполнители, от ь которых записаны совершенно явные вокальные музыкальные сигналы, ь осознавали их как феномен музыки, относя к ней песенные напевы ь инструментальные наигрыши, т. е. то, что будучи оторванным от ути- тарных функций (ориентирование в пространстве, установление ком- ькации и т. п.), обрело определенную эстетическую самооценность. Несмотря на регистрово-динамическое сходство голосовых сигналов, ькальная интонация существенно отличает мелодий-кличи от всех ьных возгласов. Отличие сказывается и в бытовании данных сигна- ь, хотя, конечно, основные функции музыкальных и немusикальных ьгласов в современной сельской жизни одни и те же.

Устойчивость мелодий-кличей доказывается очень просто: каждый ьлнитель, знающий такой сигнал, может воспроизвести его неодно- ьтно. В одном и том же интонационно-мелодическом облике записа- ь сигналы и от жителей разных деревень. Эти записи сходятся между ьей в той же степени, в какой соотносятся друг с другом варианты ьенных напевов. В некоторых случаях, правда, можно наблюдать ьщепление развитого по форме вокального сигнала на отдельные ькальные мотивы: певец выбирает из мелодии какой-нибудь один ьив и неоднократно его повторяет. Но выделившиеся элементы сох- ьют типическую характерность сигнала и включаются в ту же сеть ьтонационных связей, что и мелодия в целом.

В музыке устной традиции устойчивость напева является и показа- ем его законченности или по крайней мере аналогом данного каче- ь. В учении же о мелодии, возникшем на базе профессиональной ев- ьской музыки XVIII—XIX вв., завершенность создается посредст- ь соблюдения некоторых архитектурных канонов. С этой пози- ь сигналы, состоящие из двух-трех музыкальных звуков, вряд ли ьт считаться законченными мелодиями. Но устойчивость таких ьких сигналов в процессе распространения, их структурная само-

⁷ Толчком к поиску сигналов послужили сведения, полученные от жителей дер- ьково Мошенского р-на. Ответив на вопросы студентов — собирателей фольклора ьстных в их деревне песенных жанрах, они сообщили, что у них не только поют, ьерекликаются на голос (мелодию).

стоятельность (т. е. отсутствие тенденции к включению их в более витое мелодическое целое) дают все основания считать их законными образованиями. Следовательно, такой параметр традиционного определения мелодии, как законченность, в применении к области калыхальных сигналов также нуждается в особой оговорке.

Где начинается музыкальное интонирование в сигнале? Вряд оно определяет наше, привычное всем горожанам возгласение «а». Но оно заявляет о себе в самом простом деревенском аукании, когда женский голос тянет в высочайшем регистре на гласном «у» один и тот же звук, который выдерживается очень долго, словно высокая нота какой-нибудь арии, и очень четко, как подлинно музыкальный осознанный и закрепленный в отношении к другим, пусть и нереализованным, тонам. Неоднократно приходилось наблюдать, как исполнительницы при повторении своего возгласа снова и снова попадали голосом на тот же самый звук. Конечно, в однозвучковых сигналах нет чередования «высотностей... в их взаимообусловленности и объемности „дыханием“»⁸ и вследствие этого отсутствует качество мелодии. Поэтому и тот единственный тон, который достигнут и закреплен на психофизиологическом аппарате певца, не является в полном смысле музыкальным звуком. Это скорее звукотембр, ибо он определился благодаря поискам в тембро-регистровой сфере голоса. Но таким путем не менее, оказывается найденной область звучания будущей мелодии.

Совершенно уже бесспорно музыкальное интонирование определяет вокальные сигналы, представляющие собой последование двух или трех высотно дифференцированных тонов. Минимальная форма возгласа в этом случае — мелодический интервал, элементарная музыкальная интонация; предельная — простой по рисунку мотив из четырех или пяти звуков. Подобные наикратчайшие мелодии-сигналы устойчивы и сохраняют в многочисленных записях единый в основе своей музыкальный облик.

Развернутые мелодии-сигналы не уступают по объему однозвучному напеву⁹. Красота и мелодическая насыщенность приближают их к песне. Но все равно они имеют особый, специфический музыкальный облик, ибо наиболее яркими оказываются в них мелодические обороты, обусловленные природой выкрика. Имею в виду, например, движение от «вершины-источника»¹⁰ и близкие этой фигуре мелодические линии. Подобный музыкально-интонационный контур прослеживается, кстати, не только в развитых, но и в наикратчайших сигналах.

Манера подачи сигналов характеризует в то же время и их мелодическое содержание. Так, перекликаются между собой те мелодии, которые подаются женщинами-исполнительницами низким (вспомните северно-русскую народно-певческую терминологию, «толстым») и высоким (вспомните, в грудном регистре. От них обособляются мелодии-кличи, требующие фальцета либо микста, также образующие свои собственные группы вариантов.

Только учитывая все сказанное о музыкальной выразительности калыхальных сигналов, можно разобраться в относящейся к ним народной терминологии. Имеется два обозначения подачи сигнала: «ука» (ухать, гукать, аукать); «гойкать» (гейкать, эйкать, гайкать). Обозначения эти — производные от слогов «у», «у—ху», «ой», «эй» и др., которые распеваются мелодии-кличи. Но если слоги точно соотносятся с манерой подачи сигнала (так, «у» строго характерно для фальцета и микстовых мелодий-возгласов, «ой» — для кличей в грудном регистре).

⁸ Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Музыка, 1971, с. 197.

⁹ Таковы, в частности, напевы причитаний, опубликованные в сборниках: Мин А. А., Вадакар А. П., Жекулина В. И. Свадебные песни Новгородской области. Новгород: Лениздат, 1974, № 1—3, 5, 13, 19; Традиционный фольклор Новгородской области. Л.: Наука, 1979, № 453, 454, 477.

¹⁰ Мазель Л. А. О мелодии. М.-Л.: Музгиз, 1952, с. 99—103.

тского голоса), а такой же определенной связи между названиями сигналов и самими сигналами не наблюдается.

Во многих из обследованных мною населенных пунктах в ходу оба названия. «Кому укаю — вдруг не слышит. Ну-ка гейкну»¹¹ — говорилось в одном из сообщений. Ясно, что в данной местности существовали разные сигналы, использование которых определялось ситуацией. При этом гласы на «у» считались, в полном соответствии с акустикой гласных, более тихими, нежели на «эй» или «ой». В иных местах, как, например, в деревнях по речке Съежа (Удомельский р-н) слово «гойкать» относится ко всем без исключения сигналам, в том числе и к тем, которые даются на гласной «у». А в вепском поселке Ладва Лодейнопольского р-на все сигналы обозначались словом «укаль».

Наиболее близко к обыденному «городскому» понятию о голосовых сигналах стоит использование мелодий-кличей в качестве аукания: «С кем двое ходишь, далеко уйдут — и укают друг другу. Что уканье — и отукивание»¹². В селах, где издавна существовал промысловый сбор ягод, подача сигналов была определена распорядком дня: «сукились, чтобы вместе пообедать»¹³ и перед выходом из леса. Непосредственно при сборе ягод женщины «не перекликалились — каждая стала найти свою делянку и выбрать ее целиком»¹⁴. В этот момент могли тихонько звучать частушки — их пели для собственного развлечения. Такое негромкое напевание называлось «ныныкать» или «тыныныкать».

Летом аукания по лесам раздавались в строго определенное время, поскольку дата начала сбора ягод устанавливалась в некоторых местах сельским сходом («заповедание» и «расповедание» ягод)¹⁵. В ряде мест, например, в поселке Ладва, по ягоды выходили всегда в один тот же день, не созывая по этому поводу схода.

Ягодный промысел был делом женщин. От них и записана основная масса ауканий. В качестве аукания зафиксированы как короткие, так и протяженные мелодии-кличи. Различие сигналов связано, конечно, с территорией распространения той или иной мелодии. Однако существуют и другие градации: «Укают громко, на протяжный мотив, когда выкивают потерявшегося человека. Если близко, то укают тихонько»¹⁶.

От ауканий, необходимость которых проста и понятна, отличаются функции возглашения людей, пришедших в лес поодиночке. К тому же не везде в этой ситуации было принято подавать голос: «Укали, когда двое, а когда один — молчим»¹⁷. А в деревнях ближе к бассейну Мсты было наоборот: «Когда нет людей — поукаешь, и тебе откликнется»¹⁸; «в подлесках грустно станет — и укай. Скушно — уж погойню: может быть, кто-нибудь отукнется»¹⁹. Судя по приведенным и аналогичным высказываниям, в этих местах было распространено представление о неполноте бытия человека, оказавшегося вдалеке от людей. Изначально ли данное представление или оно возникло в резуль-

¹¹ Записано от А. Д. Ивановой, 1924 г. рожд., дер. Улома Пестовского р-на (1978 г.).

¹² Записано от М. П. Зверевой, 1906 г. рожд., дер. Городок Устюженского р-на (1979 г.).

¹³ Записано от Е. Я. Смирновой, 1888 г. рожд., с. Устье Кировское Пестовского р-на (1978 г.).

¹⁴ Записано от А. Я. Коневой, 1919 г. рожд., с. Устье Кировское Пестовского р-на (1978 г.).

¹⁵ Герасимов М. К. Некоторые обычаи, обряды, приметы и поговорки крестьян Феловецкого уезда Новгородской губернии. — Этнографическое обозрение. Спб., 1894, т. XX, № 1, с. 123—124.

¹⁶ Записано от В. М. Захаровой, 1912 г. рожд., дер. Заручевье 1-е (Осипово) Пестовского р-на (1978 г.).

¹⁷ Записано от М. К. Барановой, 1915 г. рожд., дер. Бронино Устюженского р-на (1979 г.).

¹⁸ Записано от А. С. Смысловой, 1914 г. рожд., дер. Ягайлово Мошенского р-на (1978 г.).

¹⁹ Записано от А. М. Мурашовой, 1906 г. рожд., дер. Ягайлово Мошенского р-на (1978 г.).

пытаты вложить современный смысл в древний обычай? Периодичность подобного вопроса подтверждает и такое свидетельство, являющееся возгласием одиноких людей: «Укаешь, укаешь, пропнешь — и слезы потекут; попричитаешь в лесу жалобно»²⁰. Мелодичный клич, оказывается, побуждает плач «по своим горям», как называют бытовые причитания в Новгородской области²¹. Вокальный сигнал звучит как прелюдия, создающая эмоциональный тон последующего причета. И здесь раскрывается удивительное явление музыкальной семантики: оказывается, протяженная мелодия-клич и напев причитания суть то же самое. Одну и ту же мелодию используют обе разновидности народной музыки. Вот почему эмоциональное воздействие данного вокального сигнала однозначно. «Свекровь моя, баба Дуня, пасла коров и от нечего делать укала, — вспоминала одна из исполнительниц, — когда так укают, так и плакать хочется»²². В другом сообщении говорилось: «Хочется плакать. Какая-то скука... бывало, на пустоши укают которые»²³. У жительниц деревень и сел, где распространено описываемое явление, настроение грусти, тоски возникало от одного лишь возгласия, которое могло служить намеком на последующий причет. Само протяжное уканье называется в некоторых сообщениях «жалобным».

Приведенные факты показывают, что цель возгласий во время одиноких походов в лес далеко не всегда заключалась в том, чтобы прочувствовать и преодолеть отрыв от людей, вступив в коммуникацию с таким же одиноким человеком. Совершенно ясна здесь катартическая функция бытовых причитаний, которую несут также и сопутствующие им мелодии-кличи. И это наводит на мысль, что в данном случае мы имеем дело с реликтами архаичнейших культов. Ниже я еще коснусь этого вопроса, нуждающегося, в принципе, в самостоятельной разработке.

Для одиночных возгласий используются только мелодии. Немызыкальные голосовые сигналы в этой роли не зарегистрированы. Носительницы подобной традиции — женщины; их мелодии в рассматриваемой функции — фальцетные (или микстовые).

Голошения в лесу (а вместе с ними и возгласия) начинались с прилетом кукушки. В этот день приветствовали птицу специальным причитанием:

О-о, да как приходит-то, о-о, да весна красная,
О, весна красная, о-о, да лето теплое,
О, да защебечут-та, о-о, да мелки да пташечки,
О-о, закукуют-то, о-о, да серы да кукушечки,
О-о, да уж как я-то все, о-о, да сиротинушка,
О-о, да мелким пташечкам, о-о, серым да кукушечкам,
О-о, да я пособница, о-о, да я да помощница...²⁴

Приходилось это на время, близкое Егорьеву дню, когда, по народным приметам, должны были прилетать кукушки. С Егория, первого дня выгона скота в поле, начинали звучать и пастушеские кличи. Применялись они в тех же обстоятельствах, что и игра в рожок: при выго не стада, охране его на пастбище и возвращении назад в стойла.

В обследованной мною местности выпас скота производится в «ухожах» — разгороженных жердями участках лесных и луговых угодий.

²⁰ Записано от С. А. Зориной, 1913 г. рожд., из с. Охона Пестовского р-на, проживает в дер. Старое Раменье того же района (1978 г.).

²¹ Подобные голошения, так же как и одиночные мелодии-кличи, отмечены далеко не везде. Многие информаторы отрицают этот обычай. Некоторые видят в них заимствования из надмогильных причитаний.

²² Записано от П. А. Веселовой, 1898 г. рожд., дер. Астахино Пестовского р-на (1978 г.).

²³ Записано от Е. С. Вахтеровой, 1906 г. рожд., дер. Ягайлово Мошенского р-на (1978 г.).

²⁴ Записано от В. Е. Филипповой, 1900 г. рожд., дер. Тетерино Пестовского р-на (1978 г.).

дий. Основное время дня скот бродит по лесной части уюжи, меньшее время проводит на лугу. Когда стадо скрыто зарослями, то звуковые сигналы приобретают решающее значение для его охраны. И голос здесь считается не менее важным, чем звук пастушьей трубы: «... чтобы скот по случаю ходили по земле в одном месте... друг от друга не оставались и кликались бы и слушали бы голосу (разрядка моя.— М. Л.) и гарку (крика.— М. Л.) трубы моей и свисту и всем моим словам»²⁵. Подобная просьба постоянно встречается в егорьевских заговорах.

В современной пастьбе, по сообщению пастуха А. Н. Удалцова (1923 г. рожд.), пользующегося мелодиями-кличами, сложился следующий порядок подачи сигналов: «Когда выгоняют — короткое гейканье, или в рожок сыграю на площадке у фермы... Надо в свежее место запустить — ты манишь. Вот здесь — протяжное гейканье. Они привыкли к тому»²⁶. А в прошлом, по воспоминаниям местных жителей, хорошие пастухи постоянно ходили вокруг стада, время от времени подавая голосом сигнал: «Был старичок-пастух. Ходит круг стада да эйкает»²⁷, «загонит в выгон скот и гейкает»²⁸ и т. п. Такой обход, имеющий явно выраженный магический характер, сейчас, по собранным сведениям, уже не практикуется.

Между тем непрерывное пастушеское гойканье выполняло и совершенно конкретные производственные задачи: «Пастух выгонит и сразу начинает гейкать. Дает знать, что здесь есть человек. Хищник боится человека»²⁹. В иных местах считалось, что постоянная подача пастушеского голосового сигнала успокаивает животных, скот от этого лучше пасется³⁰.

В обследованных населенных пунктах Вологодской и Калининской областей, главным образом среди пастухов, распространено представление как об отпугивании голосом диких зверей, так и прямо противоположное: «Криком от зверей не оберегались»³¹, — подобное суждение не раз высказывалось аукальщиками. В то же время в Пестовском р-не сообщили, что сборщицы ягод и грибов пользуются мелодиями-сигналами для того, чтобы к ним не подошли дикие звери.

Пастушеству больше отвечают сигналы-гойкания, хотя при пастьбе применялись и мелодии-клича на гласную «у». Требовалось лишь, чтобы сигнал подавался как можно громче. «За четыре километра было слышно, как он гейкает»³², — вспоминали об одном из прежних пастухов.

Подача мелодий-сигналов регламентировалась не только временем года, но и временем дня: «Укать лучше утром и вечером. А главное — гулы вечером раздаются. Гукнешь и узнаешь, ведро ли будет»³³. Так выявляется еще одна функция мелодий-кличей в крестьянском быту: они использовались как средство метеорологии. Большая часть информаторов, которым известна данная акустическая примета, также считают, что звонкое эхо предвещает ясный день. Именно такое истолкование распространено в Пестовском р-не. Та же примета зафиксирована

²⁵ Попов Н. Народные предания жителей Вологодской губернии Кадниковского уезда. — Живая старина, год XIII. Спб., 1903, в. I и II, с. 217.

²⁶ Записано в дер. Городок Устюженского р-на (1979 г.).

²⁷ Записано от Е. И. Воробьевой, 1915 г. рожд., дер. Емельяниха Устюженского р-на (1979 г.).

²⁸ Записано от Н. П. Петровой, 1910 г. рожд., дер. Лугинино Удомельского р-на (1979 г.).

²⁹ Записано от Н. В. Гордеева, 1905 г. рожд., дер. Заборье Спировского р-на (1979 г.).

³⁰ Записано от А. В. Ивановой, 1912 г. рожд., дер. Сорокино Удомельского р-на (1979 г.).

³¹ Записано от А. Е. Стремилевой, 1908 г. рожд., дер. Слободка (совхоз «Труженик») Максатихинского р-на (1979 г.).

³² Записано от А. Е. Роговой, 1904 г. рожд., с. Улома Пестовского р-на (1978 г.).

³³ Записано от М. К. Барановой.

записях начала XX в. из тех же мест: «Если в лесе крикнут, и эхо р-дадается далеко, то будет ведро»³⁴. Вновь собранные сведения лишь уточняют форму выкрика.

В подобном контексте бессловесный выкрик применяется и весьма далеко от Новгородской обл.— на Пинеге³⁵. В Белоруссии и на Украине вместо бессловесного вокального сигнала используется краткий приговор, завершающийся выкриком³⁶. В этой же роли может быть интерпретировано и звучание какого-либо иного источника звука, например церковного колокола³⁷. Известная широко, как некое абсолютное знание, примета о дальности эха оказывается действенной в условиях различных звучаний. Но отбор последних происходил в народной традиции не случайно — и это следует заметить особо. Все они являются не какими-то случайными побрякиваниями, а высокими, серьезными звучаниями или имеющими эти качества в генезисе.

Рассматриваемая примета имеет, однако, и противоположное толкование. «Все говорят — к дождю далеко слышно отголосье»³⁸, — удалось записать однажды. Подобное высказывание легко можно считать ошибочным, если бы в этнографической литературе не встретились аналогичные толкования³⁹. В дискуссии, развернувшейся в конце прошлого века по поводу данной приметы на страницах журнала «Метеорологический вестник», возобладало мнение, что усиление слышимости «предсказывает вообще перемену погоды... Перемена должна наступить не позднее двух дней после слышимости звуков»⁴⁰.

Определение погоды с помощью мелодий-ключей не было повсеместно распространено на Северо-Западе РСФСР. Не знали его в Устюженском р-не, некоторых деревнях Бежецкого р-на. Но там, где примета была зафиксирована, ее хорошо знали и мужчины, и женщины.

Звучание мелодий-ключей было связано, наконец, с самым интересным, насыщенным внецерковными обрядами днем страстной недели — с великим четвергом. Ранним утром этого дня, еще до восхода солнца, совершалось множество магических действий, способствующих, во-первых, укреплению здоровья, во-вторых, — более эффективному животноводству (а также охоте). Примечательно, что действия, направленные на достижение успехов в земледелии, фиксировались в этот день собирателями гораздо реже. Утро великого четверга считалось также удобным для вызывания лесового, испрашивания у него силы, здоровья, благополучия на предстоящий год. Именно с этой целью и использовались выкрики в лесу: «Дедушка скажет все тайны и будущее человека, стоит только в великий четверг рано утром войти в лес, сесть на старую березу и громко крикнуть три раза: «Царь лесовой, всем зверям батенька, явился сюда!»⁴¹.

Очень близки этому девичьи обрядовые действия, совершавшиеся в великий четверг в пос. Ладва. Девушка должна была остаться в лесу одна, встать на пригорок, громко проукать и выкрикнуть первую прось-

³⁴ Антипов В. А. Народные приметы, касающиеся погоды и сельского хозяйства. — Живая старина, год. XI. Спб., 1901, в. III—IV, с. 132 (дер. Улома).

³⁵ Силина Г. Я. О народных приметах (по материалам Пинежья). — Русский фольклор, XXI, Л.: Наука, 1981, с. 106.

³⁶ Срезневский Б. И. Просьба к гг. корреспондентам об акустических наблюдениях. — Метеорологический вестник, 1894, № 10, с. 417—418; Добровольский В. Н. Звукотолкования в народном языке и народной поэзии. — Этнографическое обозрение, 1894, кн. XXIII, № 3, с. 95.

³⁷ Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Спб., 1905, т. IV, с. 15; Бурцев А. Е. Обзор русского народного быта Северного края. Спб., 1902, т. II, с. 175.

³⁸ Записан от М. К. Лебедевой, 1905 г. рожд., дер. Хорькино Бежецкого р-на (1979 г.).

³⁹ Михельсон В. Опыт краткого сборника научных примет о погоде. М., 1900, с. 22.

⁴⁰ Гусев И. В. Дальность распространения звука. — Метеорологический вестник, 1894, № 11, с. 438.

⁴¹ Рукопись К. Черемхина. Государственный музей этнографии народов СССР, ф. 1 (Этнографическое бюро кн. В. Тенишева), оп. 1, № 702, л. 8 (Белозерский уезд Новгородской губернии).

Мелодии-сигналы предвзвляли также вторую и третью просьбы. Лесовому можно обратиться всего с тремя просьбами, последняя из которых — о замужестве в текущем году⁴².

Как видим, у русского населения Северо-Запада России также было принято вызывать лешего с помощью мелодии-сигнала, а не какого-либо выкрика. Подобным образом и следует представить запись сигнала слогами, содержащуюся в описании конца XIX в.: «...выходя из дома, следует растворить дверь левой рукой; придя в лес, разрыть муравейник левой ногой; срезать вершину березы левой рукой и накопав крикнуть: у—у—у—у! Он также ответится и явится»⁴³. Четырежды повторенное «у» представляется вполне возможным в качестве слоговой подтекстовки» одного из распространенных мелодических сигналов. Последнее свидетельство не приурочено к великому четвергу, но это и важно, поскольку назначение сигнала во всех случаях одинаково.

Описанные обрядовые действия далеко не везде удержались в памяти местных жителей. Однако они были вытеснены не очень давно, о чем можно судить хотя бы по следующему свидетельству: «В великий четверг надо ходить молча. Укать и песни петь в лесу запрещали — говорили: „Христа продаешь!“»⁴⁴. Раз запрещали, значит, обычай еще сохранялся, однако толкование его осовременивалось. Считалось, например, что от возгласий в лесу в этот день лучше развивается голос⁴⁵.

Использование мелодий-сигналов в великий четверг, как представляется, способно и в целом прояснить первоначальное значение данной разновидности народной музыки. Например, по тому, как объясняют информаторы употребление кличей перед голошениями в лесу, совершенно неясно, зачем нужны коммуникативные мелодии, если спутники отсутствуют. Но ожидание ответа от леса закономерно связывается с поверьями о лесовом на основании прямых, очень четких аналогий — великочетверговых возгласий. На том же основании подключаются жуда и пастушеские вокальные сигналы, тем более, что существуют поверья о договоре пастуха с лесовым, который скрепляется жертвоприношением лесовому одной головы из стада и т. д.

Мелодия-ключ во всех этих случаях — в одном явно, в других неявно, размыто — имеет назначение магической инвокации. И это первоначальное значение едино, несмотря на многочисленность ситуаций крестьянского быта, в которых бывают необходимы вокальные сигналы. Указанное единство объясняет и тот факт, что в различных бытовых ситуациях зачастую используется одна и та же сигнальная мелодия. Это не от бедности, не от разрушения традиции. Дифференциация вокальных мотивов совершенно не нужна, если «сверхзадача» употребления мелодий-ключей — охват различных сторон жизни предохранительным магическим актом. Разнообразие репертуара вокальных мелодий-сигналов объясняется, по-видимому, миграцией населения, а не изношенностью самого этого вида музыкального фольклора.

Первоначальное значение кличей вытесняется позднейшим. Одно из них, связанное с народными естественнонаучными воззрениями, должно быть понятным из вышеизложенного, а о втором следует сказать особо.

По сообщениям местных жителей, подача вокальных сигналов на кладбище, в лесу не кажется уже необходимой, если это не ведет к установлению связи с другими людьми или животными, не выполняет санитарно-производственных задач. Однако подобная, избыточная с современной точки зрения, подача мелодий-ключей тем не менее сохра-

⁴² Сообщено Н. Ф. Онегиной и М. А. Лобанову в 1981 г. Фадеевой П. С., 1913 г. изд., Лодейнопольский р-н.

⁴³ Вересов П. Легенды о лесовом. — Государственный музей этнографии народов РСФСР, ф. 7, оп. 1, № 680, л. 1 (об.). Село Антушево Белозерского уезда Новгородской губернии.

⁴⁴ Записано от М. И. Смирновой, 1903 г. рожд., дер. Городок Устюженского р-на (1979 г.).

⁴⁵ Записано от М. К. Барановой.

няется в народной традиции. С затемнением первоначального значения данного обычая возникло иное объяснение: такие возглашения употребляются для себя, для собственного развлечения. Внимание исполнителя фиксируется в этом случае на самом звучании, а не на том смысле, который некогда вкладывался в возглашение.

При новом отношении к мелодиям-кличам они стали отражать тонкие эмоции человека, сокровенные стороны духовной жизни. Теперь мелодические сигналы наполняются совершенно ощутимым лиризмом. Звучание (в единстве тембровой и музыкально-интонационных сторон) репрезентирует личность в каких-то внутренних, сокровенных ее сторонах. Сам же возглашающий остается при этом невидимым для посторонних — ведь он скрыт лесом. Отсюда — свобода, раскрепощенность эмоциональных излияний, столь ощущаемая подчас в мелодиях-сигналах.

Вся та выразительная нагрузка, которую несут мелодии-кличи, порождает восприятие их в эстетическом ключе, придает им художественное значение, замещающее их первоначальную вокативно-магическую силу. Ничего удивительного в этом перерождении нет: история искусства неоднократно позволяла убедиться в чрезвычайно мощной эстетической потенции явлений, некогда связанных с ранними формами мышления. Не составляют исключения и мелодические вокальные сигналы, сохранившиеся на Северо-Западе РСФСР, у всех народов и этнических групп, живущих на этой территории. Переключка в лесу и пастьба, предсказание погоды и выплакивание горестей, наконец, магические действия — таков круг их применения. Повседневные трудовые процессы и единожды в год отправляемые обряды, и при всем этом яркая художественная выразительность — такова функционально-смысловая нагрузка мелодий-кличей, свидетельствующая об их важности для местной традиционной народно-музыкальной культуры.

Этнография В МУЗЕЯХ

Ф. Г. Сафронов

МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В с. ЧЕРКЕХ [ЯКУТСКАЯ АССР]

Как известно, Якутия была при царизме местом ссылки политических заключенных. Здесь, в этой «тюрьме без решеток», побывали представители всех трех этапов революционного движения в России: декабристы, разночинцы и социал-демократы.

Многих ссыльных отправляли в Батурусский улус (ныне Алексеевский район). Среди них были большевики В. К. Курнатовский и И. Л. Мещеряков — соратники В. И. Ленина, рабочий-революционер И. А. Алексеев, писатель-демократ В. Г. Короленко, автор известного многотомного «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарский, крупные исследователи истории и этнографии края В. М. Ионов, В. Ф. Трошанский, Н. А. Виташевский, И. И. Майнов, Л. Г. Левенталь, лингвист С. В. Ястремский и др.

Почти все ссыльные побывали, а некоторые и жили, в селе Черкех Батурусского улуса. Ныне это село — центральная усадьба совхоза «Таттинский» Алексеевского района. В селе около двух тысяч жителей, средняя общеобразовательная и музыкальная школы, Дом культуры.

2 ноября 1977 г. в с. Черкех состоялось открытие мемориального музея под открытым небом «Якутская политическая ссылка». С тех пор тысячи людей, в том числе и гости из зарубежных стран, посетили его. В книгах отзывов множество восторженных, взволнованных записей. Авторы их делятся своими впечатлениями о музее и обращаются со словами благодарности к народному писателю Якутии Суорун Омоллону (Д. К. Сивцеву), много сделавшему для создания музея.

Именно Суорун Омоллону принадлежала идея организации мемориального музея истории политической ссылки, который мог бы показать выдающуюся роль передовых русских людей в исторических судьбах народов Якутии, а также жизнь ссыльных и самого якутского населения. Идея эта стала реализовываться в 1970-е годы. Писатель побывал во многих районах республики, отыскивая наиболее интересные сооружения, связанные с политическими ссыльными. Партийные и советские организации, а также общественность Алексеевского района, поддерживали начинания Суорун Омоллона. Люди охотно выходили на субботники и воскресники. В Черкех были перевезены дома, юрты, церкви, обраны предметы домашней обстановки, книги и различные вещи, принадлежавшие ссыльным.

Суорун Омоллон был не только организатором, но и научным и художественным руководителем вновь создаваемого музея. Ему помогали реставраторы, художники, искусствоведы, фольклористы, историки, этнографы и краеведы.

Впоследствии музей в с. Черкех стал филиалом Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера Е. М. Ярославского.

Черкехский музей, расположенный в живописной местности (рис. 1), где есть лес, березовые рощи, озера, занимает около 12 га. Экспонаты историко-революционного отдела размещены в бывшей Николаев-

Рис. 1. Общий вид музея

Рис. 2. Николаевская церковь и часовня

ской церкви (рис. 2). Здесь представлен разнообразный материал (документы, фотографии, личные вещи и книги), рассказывающий о многочисленных представителях политической ссылки (от декабристов А. А. Бестужева-Марлинского, М. И. Муравьева-Апостола, Н. А. Чижова, А. Н. Андреева до соратников В. И. Ленина), об их связях с местным населением, революционной и просветительской, научно-исследовательской и литературной деятельности. Рядом с церковью находится перевезенная из с. Ольба часовня середины XIX в., в которой размещена выставка церковных книг, преимущественно в переводе на якутский язык.

Особый интерес представляют мемориальные дома политических ссыльных. Экспонируются юрта (рис. 3), в которой жил Петр Алексеевич в 1886—1891 гг. (воспроизводит оригинал, находящийся в 25 км от музея); дом амгинского крестьянина Захара Цыкунова, где в 1881—1884 гг. жил В. Г. Короленко; дом В. Ф. Трошанского, в котором он жил в 1886—1898 гг. Во всех домах — полная обстановка, максимально приближенная к действительности. Входишь в любой из них —

Рис. 3. Юрта П. А. Алексеева

Рис. 4. «Крепость»-амбар (середина XIX в.)

мысленно невольно переносишься в прошлое, и тебя охватывает чувство уважения и признательности к изгнанникам царизма. Лишенные прав, живя в обстановке более чем скромной, они заботились о просвещении местного населения, а некоторые из них, как, например, Э. К. Пекарский, еще и занимались серьезной научной работой. Юрта Э. К. Пекарского, собравшего в ссылке материалы для своего теперь всемирноизвестного «Словаря якутского языка», перевезена сюда с отдаленного Игидейского наслега. В ней он жил с женой якуткой в 1881—1899 гг. В музее демонстрируется и юрта-школа В. М. Ионова, перевезенная с Жехсогонского наслега. В ней на столе-парте — рукописный иллюстрированный букварь, составленный самим В. М. Ионовым. Читаешь его и поражаешься: как прекрасно он владел якутским языком, как много труда вложил в просвещение детей темных и забитых якутов. Ведь школа с учениками находилась фактически на его содержании! С Игидейского наслега в музей перевезен со всей обстановкой и дом родителей якутки М. Н. Андросовой — жены и верной соратницы В. М. Ионова.

Большой интерес представляет «крепость»-амбар (рис. 4), построенный в первой половине XIX в. в годы деятельности боровшегося с феодалами Василия Манчары. Крепость перевезена сюда из Мегинского улуса, с расстояния около 200 км. О подвигах этого народного героя, неоднократно побывавшего в ссылке и на каторге, рассказывают экспонируемые в крепости материалы. Подвиги Василия Манчары воспеты ссыльным поэтом Матвеем Александровым, сочувственно относившимся к декабристам. В крепости показываются и орудия наказания осуж-

Рис. 5. Тюрьма («сибирка») Жулейского родового управления Батурусского улуса

Рис. 6. Шестиугольная якутская юрта

денных. Рядом с крепостью — подлинная якутская тюрьма-«сибирка» (рис. 5).

В музее представлены также шести-семи-восьмиугольные (рис. 6) юрты якутов XIX в. с полной обстановкой, привезенные из различных районов республики. Экспонируются и якутская кузница с набором инструментов народного умельца — металлурга и ювелира; и мельница топчанка (рис. 7), готовая к действию, и избушка таежного охотника. Внимание посетителей неизменно привлекает старинное летнее жилище якутов — берестяная ураса. Люди обычно тут долго останавливаются, заходят внутрь, любуются обстановкой (рис. 8, 9); летом в урасе принимают гостей, угощают их, даже водят хороводы.

Недавно открыта для посетителей юрта «Олонхо» (рис. 10), которая воспринимается как самостоятельный музей. Ее экспонаты красочно рассказывают о жизни и похождениях героя якутского героического эпоса Ньургун Ботура Стремительного, борющегося против зла и наси-

Рис. 7. Мельница «топчанка»

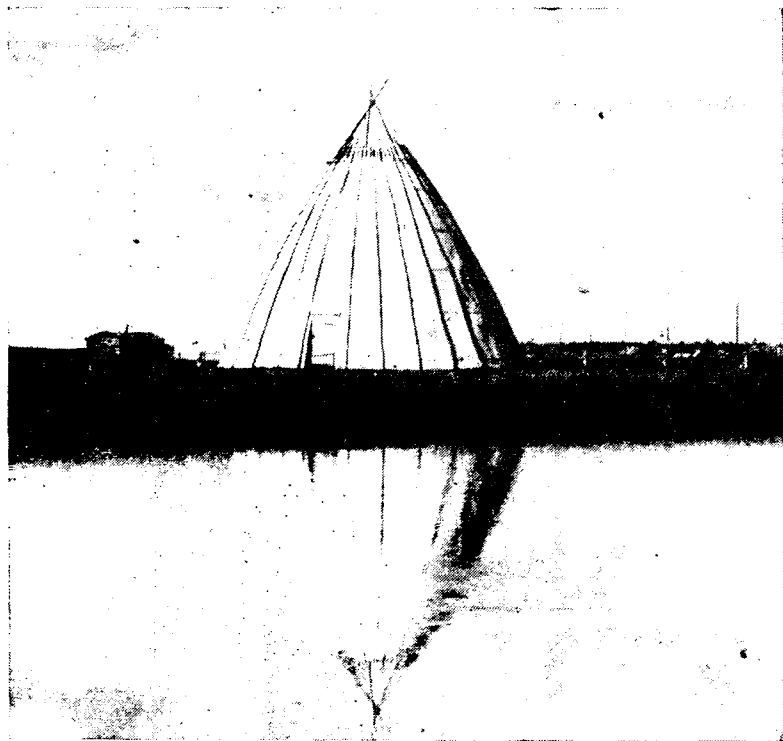

Рис. 8. Берестяная ураса — летнее жилище якутов

за счастье обитателей «среднего мира» (земли). Тут же выставлены фотодокументы и другие иллюстрированные материалы о знаменитых якутских олонхосутах, а также о собирателях и исследователях са.

Особый колорит музею придают ритуальные коновязи-сэргэ самых различных форм и назначений, поставленные в определенных местах. В музее функционируют три стационарные выставки: «Ювелирные юты якутских мастеров», «Якутская резная деревенская посуда» и «Новоположники изобразительного искусства в Якутии». Эти выставки знакомят с традиционными изделиями якутских народных мастеров и с творчеством И. В. Попова и И. И. Сивцева-Мытыйыкы.

Таким образом, музей — большой комплекс, включающий историко-этнографический, историко-бытовой и архитектурно-этнографический отделы. В его штате заведующий, 3 научных сотрудника, 2 смотрителя, 4 технических сотрудников. В музее 20 основных объектов, каждый из которых представляет как бы самостоятельный музей. В них около

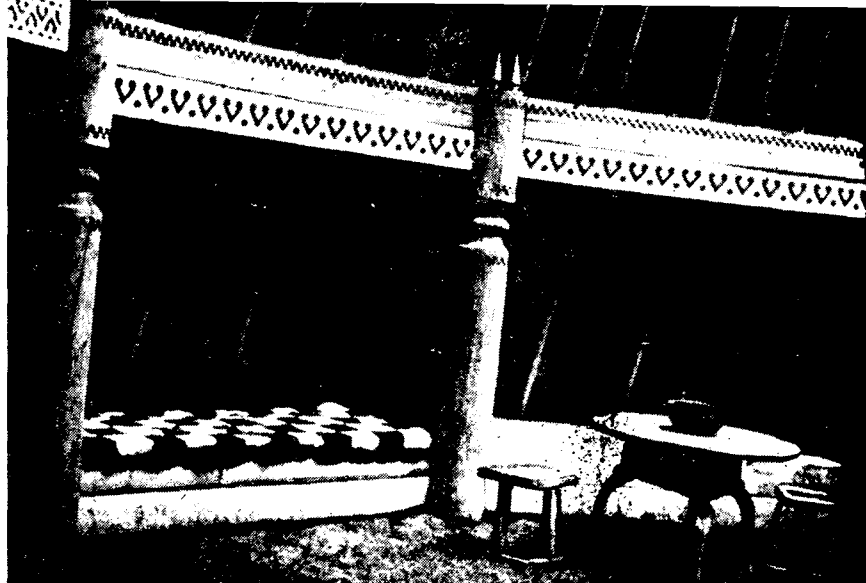

Рис. 9. Внутренний вид берестяной урасы

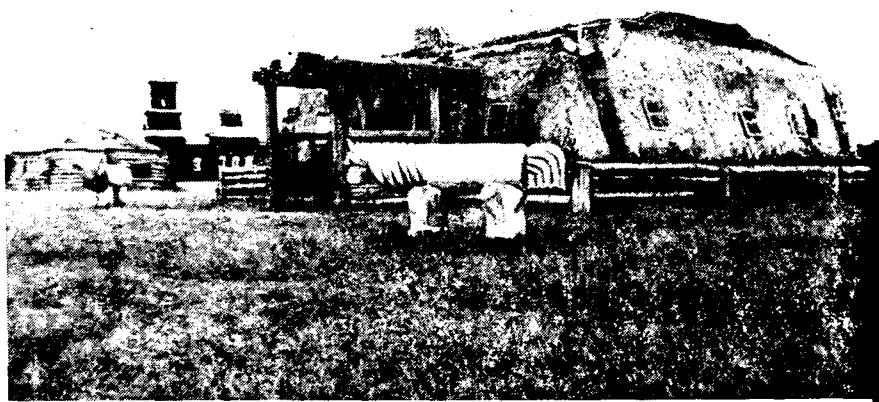

Рис. 10. Юрта «Олонхо»

30 экспозиционных залов, несколько тысяч экспонатов, в том числе предметы быта (старинная якутская мебель, утварь, молочная посуда), орудия земледелия, охоты и рыболовства, инструменты кузнечного ремесла, предметы шаманского культа, произведения живописи, графики, скульптуры и прикладного искусства, фотографии, документы, редкие книги и т. д.

Экспонаты собраны буквально со всей страны. Государственный Музей Революции подарил фоторепродукции портретов деятелей революционного движения, отбывавших ссылку в Якутской области; Государственный исторический музей — пистолет и мушкет со штыком времён декабристов и копию акварели К. Н. Кольмана «Восстание на Сенях».

ской площади в Петербурге 14 декабря 1825 года», Гос. публичная историческая библиотека РСФСР — ксерокопии биографий революционеров из био-библиографического словаря; Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина — отдельные издания трудов политических ссыльных; Государственный музей Л. Н. Толстого — портрет Толстого, выполненный якутским художником-самоучкой И. И. Сивцевым-Мытыйыкы, и т. д. В музее имеются и дары отдельных ученых, писателей, художников, а также родственников политических ссыльных и жителей различных районов Якутии, прежде всего Алексеевского.

Итак, музей создан и функционирует. Значение его несомненно. Языком экспонатов, ярко и убедительно, он рассказывает об истории политической ссылки, о вкладе передовых людей России в освоение сурового края, в просвещение его жителей, об истоках дружбы якутского и русского народов.

Разумеется, музей, существующий немногим более пяти лет, находится в стадии становления. Предстоит сделать еще очень многое: продолжить реставрацию памятников, упорядочить фонды, оснастить экспозиции новыми техническими средствами, словом, добиться того, чтобы музей стал еще более действенным центром воспитания.

Рис. 11. Малый чорон для кумыса

В. А. Тишков

НОРВЕЖСКОЕ ЖИЛИЩЕ В МУЗЕЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В ТРОНХЕЙМЕ

В северо-западной части Норвегии на берегу Тронхеймс-фьорда, в устье реки Нид-Эльв, расположен один из старейших и крупных портовых городов страны — Тронхейм — административный центр области (фюльке) Сёр-Трёнделаг. В городе проживает около 140 тыс. человек, которые заняты главным образом в судоремонтной, рыбной и деревообрабатывающей промышленности. Тронхейм, древняя столица Норвегии, был основан в 997 г. королем Олафом Трюгвесоном. До 1380 г. и с 1814 г. здесь короновались норвежские короли. Центральный романско-готический собор XII—XIV вв., епископский дом XII—XIII вв., другие памятники древней архитектуры, а также старинные здания жилого и торгового назначения вдоль извилистого устья реки, традиционная застройка многих улиц — все это придает городу большую историко-культурную значимость, своеобразие и на редкость привлекательный вид (рис. 1—3). Хотя и следует заметить, что январские дни 1983 г., как и большинство дней в период полярной ночи (город находится всего в 350 км от Северного полярного круга), не радовали солнечным светом и уж тем более не благоприятствовали туристским впечатлениям и фотосъемке.

В Тронхейме в большей степени, чем, скажем, в Осло, сохранились достаточно цельном и выразительном виде некоторые черты традици-

Рис. 1. Вид старой части Тронхейма в устье реки Нид-Эльв (фотографии выполнены автором статьи)

Рис. 2. Торговая приморская улица в Тронхейме

онной норвежской культуры. Особенно ценен в этом плане местный музей под открытым небом — Трёнделагский народный музей (Trøndelag Folkemuseum) — один из самых старых и крупных среди подобных музеев в Норвегии. Он был основан в 1913 г., и на протяжении многих лет все работы по его организации и функционированию производились на благотворительной, добровольной основе за счет различных денежных пожертвований. Сегодня основная часть бюджета музея — правительственные субсидии, но сам музей остается частным учреждением. В его штате, во главе с директором Эллингом Элсвиком, трудится восемь человек, в том числе три мастера-ремесленника и два хранителя. Музей занимает территорию в 35 акров (14 га) в островной части города, на холме над рекой Нид-Эльв. Это древнейшая часть города. Как свидетельствуют саги, в конце XII в. здесь была сооружена укрепленная резиденция короля-самозванца Свёрре (1177—1202), впоследствии

Рис. 3. Часть старинных жилых домов рядовых горожан в Тронхейме

разрушенная. По склону холма и расположены основные экспонаты музея — около 60 деревянных строений, свезенных из города и различных сельских мест южной и северной части Трёнделага (нынешние Мюльке Сёр-Трёнделаг и Нур-Трёнделаг) (рис. 4). Музей располагает также коллекцией в 20 тыс. экспонатов, составляющей внутреннюю экспозицию музея, т. е. предметы интерьера, утварь, хозяйственные орудия и пр.

Описание некоторых наиболее типичных и интересных экспонатов может дать довольно полную картину основных типов традиционного жилища в Северной и Северо-Восточной Норвегии, дополнить имеющиеся в нашей литературе⁴ сведения о культуре одного из соседствующих с нами северных народов, а также даст новую информацию об организации этнопарков за рубежом.

Экспозиция в Трёнделагском народном музее построена по тематическому принципу, и на небольшой в целом территории (хотя и не всегда последовательно) выделены следующие комплексы: 1) постройки рыбаков и крестьян прибрежных районов, 2) крестьянские хутора преимущественно горных районов, 3) городские и поселковые строения, 4) жилище коренных жителей Норвегии — саамов. Поскольку музей в зимнее время фактически не функционирует, нам удалось осмотреть снаружи лишь часть его строений.

Отступая от традиционного этнографического описания, мы решили знакомить читателя с музеем, следуя не столько принципу зонально-или историко-культурного деления представленных экспонатов, сколько принципу социальной типологии норвежского жилища, которая организаторами музея не выделяется, да и в целом в научной литературе прослеживается гораздо реже.

С этой точки зрения несомненный интерес представляют жилые постройки представителей наиболее бедной, эксплуатируемой части норвежского общества (наемные рабочие, батраки, мелкие фермеры). Это — дом городского бедняка (tronshartgarden) — наемного рабочего из города рудокопов Рёруса (Сёр-Трёнделаг). Дом был построен в конце XVII в., и в нем жили несколько поколений местных трутеников. В доме одна жилая комната и кухня. В комнату входили не-

⁴ По этому вопросу см.: Морозова М. Н. Скандинавское крестьянское жилище. — Изв. этнография, 1964, № 1, с. 64—67; Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы/Отв. ред. Токарев С. А. М.: Наука, 1968, с. 331—337.

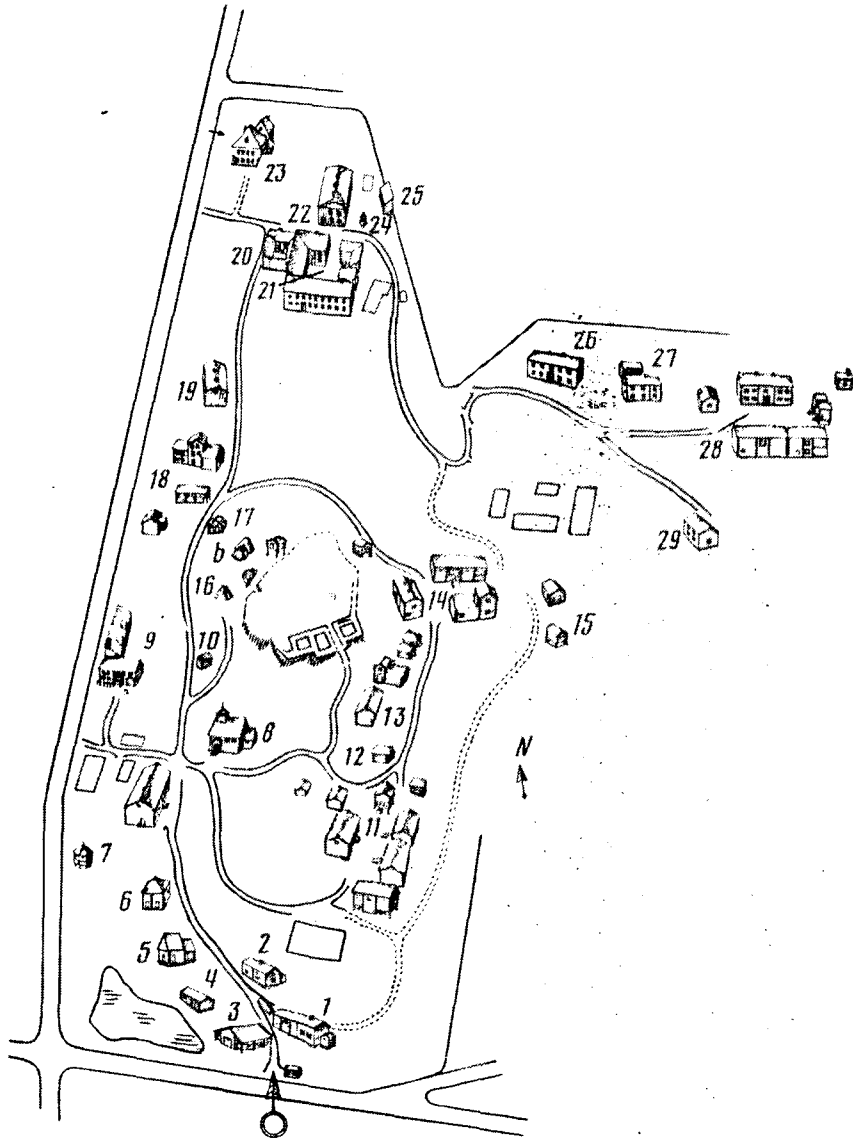

Рис. 4. Карта-схема этнопарка: 1 — дом арендатора, 2 — дом батрака, 3 — лодочный сарай, 4 — рыбацкая избушка, 5 — церковь XII в. (ставкирка), 6 — летний павильон, 7 — беседка, 8 — церковь XVII в., 9 — купеческий дом, 10 — амбар, 11 — крестьянская усадьба (горд), 12 — баня, 13 — дом крестьянина-бедняка, 14 — «дом для банкетов», 15 — амбар (стабюр), 16 — жилище саамов, 17 — кузница, 18 — дом плотника, 19 — дом фермера, 20, 21 — городской жилой дом, 22 — здание городской аптеки, 23 — таверна, 24 — садовый павильон, 25 — сарай для пожарного оборудования, 26, 28 — дом фермера, 27 — школа, 29 — дом арендатора

посредственно с улицы (рис. 5, а). Так как рудокопы кроме работы на руднике занимались сельским хозяйством, в частности, разводили мясо-молочный скот, рядом с домом находился хлев или конюшня. Лошадей держали очень редко, но одна-две коровы были почти в каждом хозяйстве.

В прибрежных районах, где население занималось как рыболовством, так и сельским хозяйством, была распространена практика арендовать мелкие участки земли. Представленный в экспозиции дом арендатора (*stein vikaunet*) из Скотвала (Нур-Трёнделаг) датируется примерно серединой XIX в. Примечательность этого строения

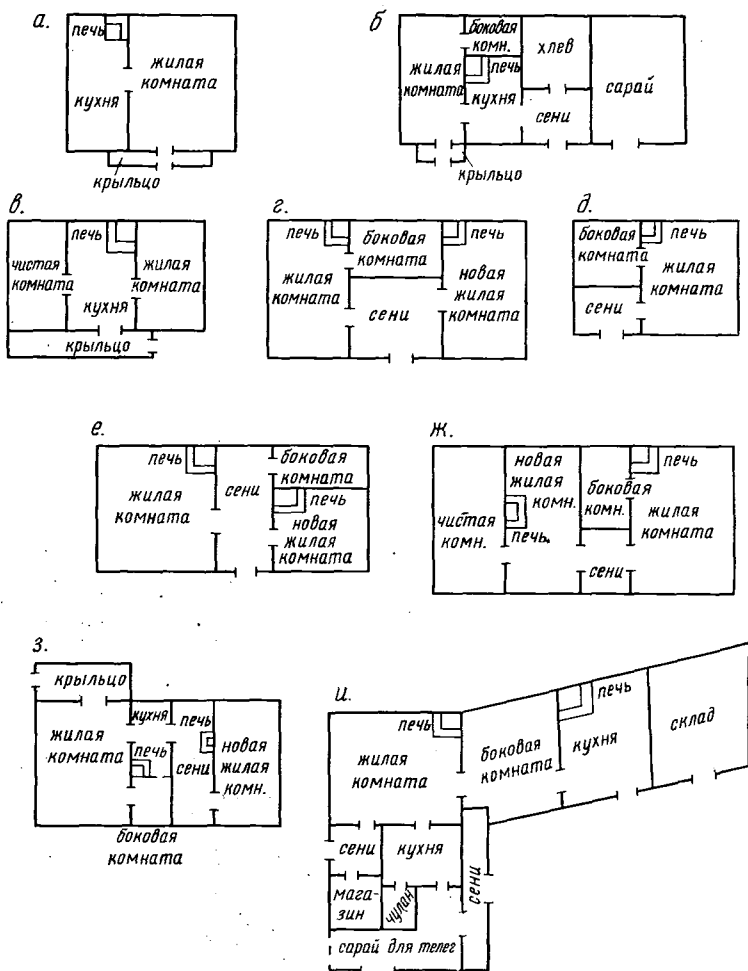

Рис. 5.— Планы жилищ: а — дом городского бедняка, б — дом арендатора, в — дом батрака, г — жилой дом в крестьянской усадьбе, д — дом крестьянина-бедняка, е — фермерский жилой дом из округа Оппдал, ж — фермерский дом из округа Сингос, з — дом плотника из г. Рёрус, и — купеческий дом из Тронхейма

том, что под одной крышей заключены все части маленькой фермы. В одной половине дома расположены жилые помещения (жилая комната, боковая комната, или каморка, и кухня), в другой — помещение для скота (хлев) и амбар, или сарай для зерна и сена (рис. 4, 1; 5, б).

Такие дома встречались довольно часто в прошлом веке в окрестностях Тронхеймс-фьорда и по всему побережью Трёнделага. Их небольшие размеры и простота определялись прежде всего низким социальным статусом арендатора, которому на небольшом участке земли нужно было иметь все необходимые помещения для семьи и разместить кот (чаще всего одну корову). В жилую комнату входили сразу с маленького крылечка. Внутри комната оштукатурена и окрашена, а на стене висят часы американского производства. Штукатурка приготовлялась из тертого мела, глины, рубленой соломы и сена. Чтобы состав был мягким и липким, в него добавляли коровий помет, а чтобы штукатурка лучше держалась, на бревнах топором делались насечки. За стены красились. Относительная состоятельность обитателей этого жилища объяснялась тем, что арендатор значительную часть времени занимался рыболовством. За фермой следила главным образом его жена.

Рис. 6. Жилой дом в крестьянской усадьбе (справа — амбар на столбах)

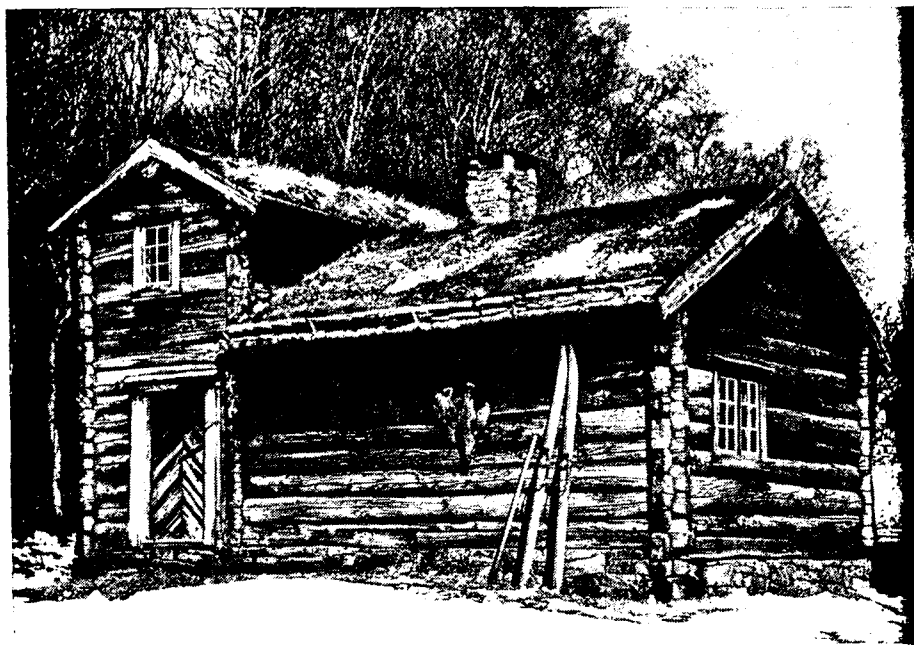

Рис. 7. Дом крестьянина-бедняка

Дом батрака (*kråkøstua*) с побережья южной части Трёнделага, построенный, возможно, в XVIII в. своей простотой напоминает дом арендатора только без хозяйственных секций, так как батраки прибрежной зоны занимались только рыболовством. Иногда они служили шкиперами на хозяйских шхунах, в редких случаях имели свою собственную лодку. Дом батрака состоит из жилой комнаты, холодного, чистого помещения, в котором собирались по праздникам, и кухни (рис. 4, 2; 5, в). Отапливался дом от кухонного камина, как и дом арендатора. Топливом служили дрова, а также широко использовался торф.

В этой же «прибрежной» зоне экспозиции музея представлены из-
сушка рыбака — сезонное жилище в период лова и так называемый
«лодочный дом» — продолговатый сарай с двумя боковыми навесами,
под которыми в зимнее время хранились рыбацкие лодки.

Норвегия в течение долгого времени была страной аграрной, с пре-
обладанием крестьянской земельной собственности. Еще в 20—30 годы
XX в. сельское хозяйство было главным занятием норвежцев, уступив
постепенно ведущее место промышленности и рыболовству. Сейчас в
городах и промышленных поселках городского типа живет половина
населения. Естественно, что в ходе исторического развития в стране
сложилась богатая и своеобразная культура сельских поселений и жи-
лища, которая имеет свои региональные различия.

Основной тип сельских поселений — хуторской. Хутора — «горды» —
преобладали в горных долинах Трёнделага. В сельскохозяйственных районах
вокруг Тронхейма доминировали села из нескольких десятков крестьян-
ских дворов².

Крестьянский двор в Норвегии встречается разных видов (замкну-
тый, покоеобразный и со свободным размещением построек), но в
Трёнделаге, как это видно из экспонатов, преобладали дворы с прямо-
угольной застройкой (в равнинных районах) и рядовой застройкой
(в гористых местностях). В первом случае одну сторону прямоугольника
составлял жилой дом, две боковые стороны — кладовые, напротив дома
помещались хлев и конюшня. Вне четырехугольника располагались
кузница, баня и амбар. При рядовой застройке выше по склону в ряд
стояли жилой дом и кладовые, ниже в ряд располагались конюшня и
хлев.

Крестьянский двор прямоугольной застройки представлен в музее
великолепными экспонатами, в том числе полным набором строений
крестьянского хутора — «горда» из Мелдала (Сёр-Трёнделаг), которые
были построены в период от 1600 г. до первой половины XIX в. Этот
комплекс представляет типичную усадьбу большой патриархальной
семьи, распространенной еще в XVIII — начале XIX в. в разных вариан-
тах по всей Норвегии.

Отличительной чертой таких крестьянских усадеб было большое чи-
сло самых разнообразных строений. Музейный комплекс состоит из
восьми построек: жилой дом, кухня, кузница, сарай, амбар, конюшня,
хлев для коровы, свиней и овец, сарай для молотбы и сушки зерна.
Ферма была многофункциональным хозяйственным организмом, обслу-
живающим потребности натурального хозяйства. Этим прежде всего и
обусловлены число и характер строений, которые были расположены
таким образом, что образовывали перед жилым домом своего рода отк-
рытый двор. Эта традиция сохранялась в сельской местности вплоть до
наших дней. Только кузница и сарай для молотбы и сушки зерна стоя-
ли в стороне. Это делалось, видимо, из-за исходившего от них во время
работ шума, а также на случай пожара, который в противном случае
мог уничтожить все остальные постройки в усадьбе.

Жилой дом в городе, стоящий на высоком каменном фундаменте
(рис. 4, 11; 5, 2, 6), в начале XVIII в. состоял из жилой комнаты с ками-
ном и боковой комнаты (каморки). Позднее к дому была пристроена
еще одна жилая комната с камином и над всем строением возведен чер-
дак. Хозяин с хозяйкой и детьми спали в старой жилой комнате, в боко-
вой — старики, а на чердаке — взрослые дети и наемные работники. Через
дыру в потолке около камина наверх поступало тепло. Жилая комната
была также основным рабочим местом для хозяйки дома, которая го-
товила здесь на камине пищу. В шкафу за входной дверью хранились
продукты, посуда и другие кухонные предметы. В этой же комнате муж-
чины, особенно по вечерам, делали свою работу, чинили или изготав-

² См. подробнее: Анохин Г. И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М.:
Наука, 1971.

ливали новые инструменты. Новая жилая комната служила преимущественно «для показа» и ею пользовались только в особых случаях (встреча рождества, свадьба, похороны и т. п.). Интерьер дома обычно составлял красиво разукрашенный (голубым по белому) деревянный угловой шкаф, часы, стол с деревянными скамьями, кровать (на боковой стенке которой часто вырезались или записывались имена скончавшихся на ней членов семьи), детская кроватка.

Поблизости от дома располагалась кухня, использовавшаяся для выпечки хлеба и разделки мяса после забоя скота и птицы. Здесь же мужчины обычно варили пиво. В зерносушилке раскладывалось не обмолоченное зерно. Зимой подсыхшие колосья здесь же на полу в середине помещения обмолачивали цепями, а солому сбрасывали в подвальное помещение под полом. Сено же, скошенное поблизости от фермы, частично хранили на чердаках других помещений или оставляли в стогах на покосах и зимой санями доставляли на ферму. Хлев вмещал примерно 20 коров. Находящееся рядом с ним помещение использовалось для содержания овец и свиней. Самое старое строение в комплексе — амбар (это видно по типу вязки венцов бревен в срубе). Здесь хранилось обмолоченное зерно и мука в ларях, а к потолку подвешивалось соленое мясо.

Кроме описанного выше комплекса (жилища среднего и зажиточного фермера) на территории музея представлено также жилище мелкого держателя земли — норвежского крестьянина — бедняка. Дом состоит из двух комнат. Над боковой меньшей комнатой и сенями устроен чердак (рис. 4, 13; 5, 8, 7). Эта часть жилища получалась двухэтажной с отдельной крышей (название такого типа постройки по-норвежски — «orpstua»). В жилой комнате помещался фермер с семьей, в боковой — родители фермера. На чердаке, который служил также и амбаром, спали взрослые дети. Под крышей оставалось такое низкое помещение, что вместо кроватей на пол стелились соломенные матрасы. Мебели внутри почти никакой не было. Крыша такого дома, как и большинства норвежских традиционных срубных построек, покрыта берестой и дерном. Поросшие в летнее время травой и даже мелким кустарником, такие крыши чрезвычайно характерны для старой Норвегии.

Особое место в норвежском народном быте занимает баня. Сельская баня XVII в., представленная в музее, — небольшое помещение с каменкой в углу, где разводился огонь. На раскаленные камни лилась вода и баня таким образом была обычной «паровой», а не типа «сауны». В бане мылась вся семья одновременно, не видя в этом ничего предосудительного. Кстати, в норвежских городах до XVIII в. были также и общественные бани, где не только мылись вместе мужчины и женщины, но и производилось обслуживание спиртными напитками. Нравы здесь, естественно, не были столь идиллическими. Власти и церковь со временем взяли под контроль такие бани, и к 1700 г. они почти совсем исчезли. Банное помещение использовалось норвежцами в том числе и как сушильня. Здесь досушивали зерно перед комолом, сушился лен, а также доходил ячменный солод для варки пива. В бане производилась гигиеническая обработка одежды и постельного белья.

В музее представлено также любопытное здание, построенное по типу «orpstua» — «дом для банкетов» (*vikastua*) из Оппдалла (Сёр-Трёнделаг). В этом помещении, красиво расписанном и декорированном народным умельцем, устраивались различные торжественные церемонии, а также отпевание умерших. Норвежская свадьба могла длиться несколько дней, и, по традиции, чердак над залом служил спальней для новобрачных. Напитки обычно выставлялись хозяевами, а пищу приносили или высылали заранее гости.

Более современный фермерский жилой дом (рис. 4, 28; 5, 8, 8), возможно, один из первых двухэтажных домов в округе Оппдал, восстановлен строением типа «dellustua», которое было построено в 1817 г. В XIX в. такие дома были уже широко распространены. Вход

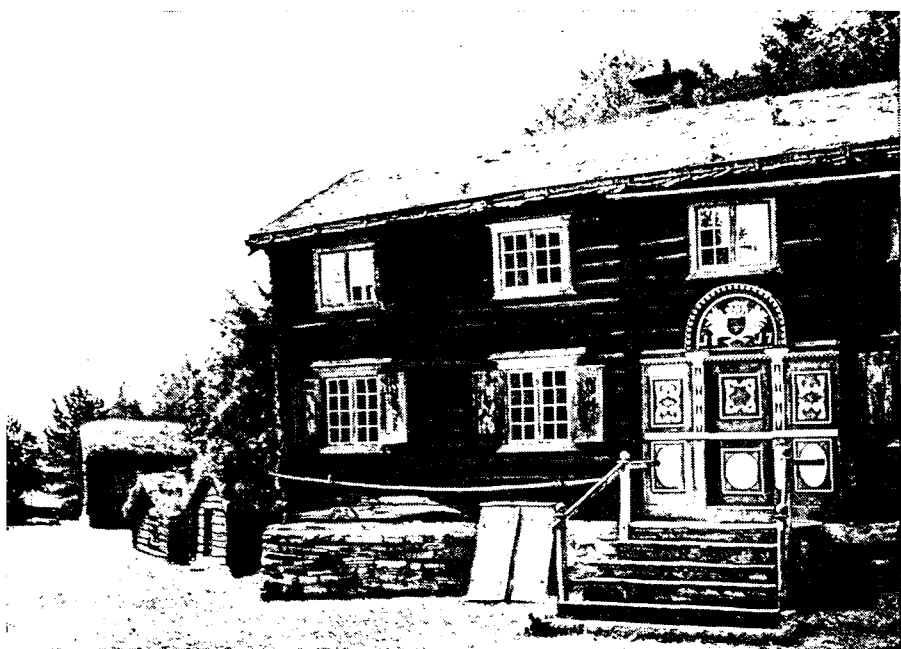

Рис. 8. Фермерский дом XIX в. из окрестностей Оппдала

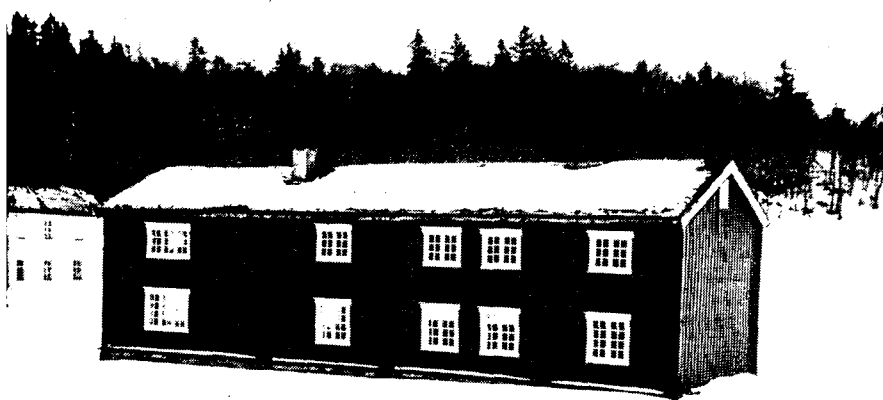

Рис. 9. Фермерский дом из окрестностей Сингоса

исположен посередине фасадной стены, по обе стороны сеней — по жи-
 ной комнате. Справа от сеней была выгорожена боковая комната (ка-
 мерка). В комнате слева проходила вся повседневная жизнь семьи:
 здесь обедали, спали, работали. Жилая комната справа — так называе-
 мая, новая («nystua»), предназначалась для особых случаев, в частно-
 сти, для приема гостей. Иногда здесь же стоял ткацкий станок. Вход,
 ставни, стены и мебель были декорированы искусной резьбой и разук-
 раснены белой и красной красками. Крыльцо и вход выглядели очень
 нарядно. Их украшение свидетельствовало о большом вкусе народного
 ремесла.

Рис. 10. Дом плотника из г. Рёрус

Рис. 11. Купеческий дом из Тронхейма

Наиболее типичный фермерский дом (рис. 4, 19; 5, ж, 9) представлен строением середины XIX в. из окрестностей г. Сингос (С Трёнделаг). Это уже просторное двухэтажное помещение с большими светлыми комнатами по обе стороны сеней. Из жилой комнаты можно было пройти в боковую, из новой жилой комнаты — в чистое (холловое) помещение. Хозяин и его семья спали в жилой комнате, гости помещались на ночлег в чистое помещение. Боковая комната служила кухней.

Такой дом часто служил постоянным двором для путников: тем, принадлежал к более состоятельным сословиям, отводилась новая светлая комната. Постояльцы победнее занимали верхние помещения с более простым убранством. Платой за постой чаще всего считался остланный лошады навоз, который шел на удобрения. При таком устройстве конюшни и хлев для скота были просторными, иногда вмещали до 10 голов и более.

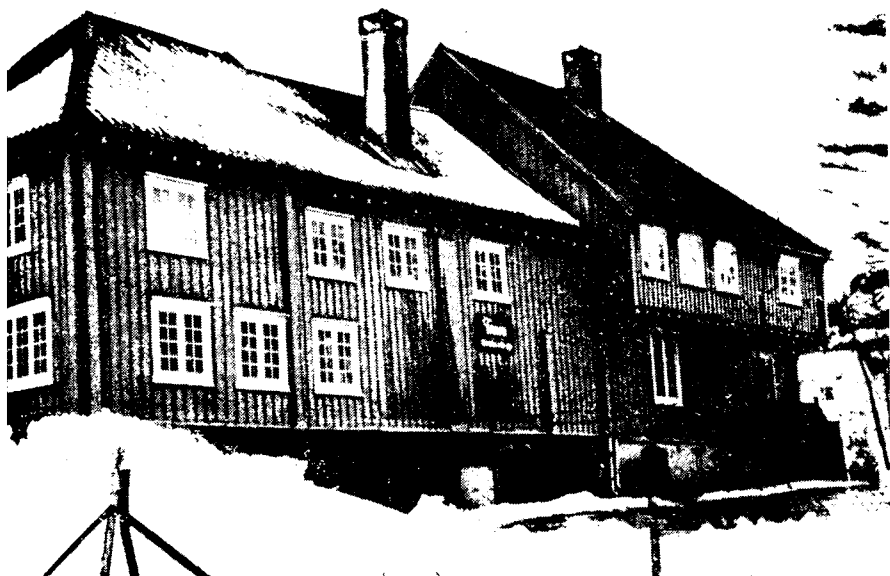

Рис. 12. Городская таверна

Рис. 13. Деревянная церковь XII в. (ставкирка)

К разряду уникальных построек следует отнести дом плотника (рис. 4, 18; 5, 3, 10), работавшего на медном руднике в г. Рёрус. Дом был построен около 1700 г., а в 1790-е годы перестраивался. Владелец не принадлежал к высшему классу горожан, но смог построить один из лучших домов в городе, позаимствовав некоторые черты богатых особняков в стиле рококо, которые появились в то время в Тронхейме. Однако внутри планировка дома простая и традиционная: из сеней на- лево — проход через кухню в жилую комнату и в каморку, направо — в новую жилую комнату. Наверху находились спальные комнаты.

Достаточно интересно в музее представлено жилище представите- лей состоятельных классов норвежского общества, прежде всего куп-

Рис. 14. Амбар (стабюр) из крестьянской усадьбы

пов. Купеческий дом (рис. 9; 5, и, 11) из Тронхейма построен в 1720 г. (перестроен в 1750-е годы) принадлежал торговцу винами, маслом, фруктами, медом и промышленными товарами. Судя по обстановке, владелец принадлежал к состоятельным гражданам города. Вход вел налево — в жилую комнату, направо — в магазин. Торговали через окошко, расположенное рядом с входной дверью. В левой части дома, сзади, была пристройка, куда можно было пройти из жилой комнаты. Дальше за стенкой было складское помещение. Наиболее дорогие товары и ценные вещи хранились в комнате на втором этаже над магазином, рядом со спальней хозяйки. Размеры основной части дома невелики, но черепичная крыша, навес над входом и палисадник под окнами придают ему определенную солидность и элегантность.

Из зданий общественного назначения в музее представлены таверна и городская аптека, построенная в Тронхейме в 1770 г. Таверна (рис. 4

23, 12), служившая одновременно гостиницей и «морским вокзалом» была построена в 1740 г. при впадении р. Нид-Эльв в фьорд, на оживленном месте, где собирались горожане и моряки, обсуждая новости. Здание и сейчас используется как ресторан для туристов.

Особый интерес в экспозиции представляют две деревянные церкви. Как известно, в Скандинавии в раннее средневековье сложился особый своеобразный в конструктивном и художественном отношении тип храмовой каркасной постройки, представляющей собой внутренний каркас из столбов, соединенных арками и крестовинами, со стенами из вертикальных деревянных пластин, закрепленных в раме. Это так называемые норвежские «ставкирки». В средние века в Норвегии их было около 900, сейчас осталось лишь несколько. Экспонируемая ставкирка в Голдалене (Сёр-Трёнделаг) относится к XII в. (рис. 4, 5, 13). Здание было расширено в начале XVIII в., и старая церковь превратилась в алтарную часть новой. В первоначальном виде церковь не имела окон, внутри не было скамеек и отопления, освещалась восковыми свечами, только алтарная часть.

Другая деревянная церковь из Осена (Нур-Трёнделаг) была построена в начале XVII в. и представляла собой типичный образец сельской приходской церкви, служившей главным общественным зданием для окрестных фермеров.

Мы осмотрели также еще один этнопарк — Норвежский народный музей в Осло. Этот старейший музей под открытым небом, организованный в 1894 г., является общенациональным, государственным учреждением. Он гораздо более известен специалистам, и мы ограничимся лишь характеристикой одного типа из расположенных здесь 170 старинных строений. Речь идет о знаменитых норвежских амбарах («стабюр»). В Тронхеймском музее они представлены слабо. Здесь же можно увидеть великолепные образцы одно-, двух- и трехэтажных сооружений из массивных бревен и досок, украшенных искусной резьбой (рис. 14), которые строились на высоком фундаменте или на сваях. Обычно на первом этаже хранились разные продукты, одежда, утварь, а второй пред-

назначался для молодых членов семьи и гостей. Перед входом на чердак стабюра была галерея, на которую вела открытая лестница. Амбар был одним из самых красивых строений в усадьбе, считался гордостью хозяина, демонстрацией его состоятельности.

В заключение, не претендуя на обобщающие типологические характеристики, хотелось бы отметить некоторые типичные черты традиционного норвежского жилища, которые прослеживаются в описанном материале. Во-первых, исключительное преобладание дерева как строительного материала, во-вторых, срубные и каркасно-столбовые конструкции жилищ, в-третьих, преобладание двускатной, крытой дерном, дранкой или черепицей крыши, в-четвертых, преобладание двух- и трёхкамерных жилищ. Кроме того, отметим наличие в жилище различных слоёв населения (прежде всего сельского) Трёнделага следующих видов комнат: а) жилой (преимущественно с печью), в которой в основном и протекала жизнь семьи; б) боковой, или каморки без печи, которая примыкала к жилой (в ней часто жили родители хозяина или дети, иногда помещалась кухня); в) новой жилой комнаты (также преимущественно с печью), которая обычно пристраивалась к первоначальному жилищу позднее и чаще всего служила гостиной; г) чистой, или холодной, в которой собирались по торжественным случаям. Между жилой и чистой, или новой жилой комнатами находились обычно сени или кухня. Не в каждом жилище был представлен полный набор этих видов комнат, но даже самый бедный сельский дом включал, как правило, жилую и боковую комнаты.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ кандидата исторических наук МАРГАРИТЫ НИКОЛАЕВНЫ ШМЕЛЕВОЙ

(к 35-летию научной деятельности)

Типы женской народной одежды украинского населения Закарпатской области.— Советская этнография (далее СЭ), 1948, № 2, с. 130—146.

Из истории национального костюма украинцев Закарпатской области.— Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее КСИЭ), в. XI, 1950, М.—Л.: Изд-во АН СССР, с. 20—30.

Народные традиции в моделировании современной одежды.— СЭ, 1951, № 1, с. 72—74 (в соавторстве с Е. В. Семеновой).³

Материальная культура села Вирятино (поселения, жилище, одежда, пища).— КСИЭ, в. XXI, М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 4—18.

Современное русское крестьянское жилище (с. Вирятино Тамбовской области).— СЭ, 1955, № 1, с. 54—71 (в соавторстве с Л. Н. Чижиковой).

В кн.: Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI), гл. III — Народная одежда (с. 64—74), раздел (с. 79—80) в гл. IV — Семья и семейный быт и гл. IX — Современная одежда жителей Вирятино (с. 194—204). Книга переведена на венгерский (Будапешт, 1964) и английский языки (Нью-Йорк, 1970).

Предварительные итоги изучения культуры и быта колхозного крестьянства Калининской области (1956—1958).— СЭ, 1958, № 4, с. 106—117 (в соавторстве с Л. А. Пушкаревой).

Современная русская крестьянская свадьба (По материалам экспедиций в Калининскую область в 1956—1958 гг.).— СЭ, 1958, № 3, с. 47—56 (в соавторстве с Л. А. Пушкаревой).

Изучение культуры и быта в колхозах Костромской области.— СЭ, 1959, № 3, с. 4—13 (в соавторстве с Л. А. Пушкаревой).

Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления.— Коммунист, 1960, № 1, с. 86—95 (в соавторстве с Г. П. Снесаревым и Л. А. Пушкаревой).

Некоторые черты нового духовного облика современного колхозника (по материалам Калининской области).— СЭ, 1962, № 4, с. 23—33 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука, 1964, 353 с. (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города.— СЭ, 1964, № 5, с. 8—16 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Les Cosaques. Leurs coutumes, leurs traditions.— Etudes soviétiques. Paris, 1964, février, № 191, p. 42—50 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Общественный быт и культура русских после Великой Октябрьской социалистической революции.— В кн.: Народы Европейской части СССР, т. I (серия «Народы мира. Исторические очерки»), М., 1964, с. 426—462 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Быт и его преобразование в период построения социализма.— СЭ, 1965, № 1, с. 16—31 (в соавторстве с В. Ю. Крупянской и Л. А. Анохиной). Переведена на французский и испанский языки (в серии: Проблемы современного мира, М.: Наука, 1971).

Строительство коммунизма и преобразование быта.— В кн.: Строительство коммунизма и развитие общественных отношений, М.: Наука, 1966, гл. VIII, с. 297—324 (в соавторстве с Л. А. Анохиной и В. Ю. Крупянской).

Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления у русского колхозного крестьянства.— В кн.: Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР, М.—Л.: Наука, 1966, с. 115—128 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения (Опыт изучения городов средней полосы РСФСР).— СЭ, 1966, № 6, с. 57—71 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Ethnological study of rural and urban population of the USSR. М.: Наука, 1966, с. 163—216 (в соавторстве с В. Ю. Крупянской и Л. А. Анохиной) [Доклад на VI Всемирном социологическом конгрессе. ЭвIAN, август, 1966].

Une Joyeuse fête populaire. Etudes soviétiques. Paris, 1967, février, № 227, p. 71—101 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

В труде «Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище, крестьянская одежда (середина XIX — начало XX в.)». М.: Наука, 1967—1970, кн. № 40, 44—47 (в соавторстве с Г. С. Масловой и Н. И. Лебедевой).

Украинцы.— Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М.: Наука, 1968, с. 163—216 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города.— СЭ, 1968, № 3, с. 16—26 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Русское крестьянство в освещении американских этнографов.— СЭ, 1969, № 1, с. 164—172. (в соавторстве с Л. А. Анохиной и В. Ю. Крупянской). Перепечатано: Current Anthropology, 1973, v. 14, № 1—2, February—April, p. 143—148.

Этнографическое изучение сельского и городского населения СССР.— В кн.: Социология и идеология, М.: Наука, 1969, с. 101—105 (в соавторстве с Л. А. Анохиной и В. Ю. Крупянской).

Украшения русской крестьянской одежды.— В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX — начало XX в., М.: Наука, 1970, с. 89—103 (в соавторстве с Л. В. Тазикиной).

К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города.— СЭ, 1970, № 2, с. 121—129 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Ответ Ст. П. и Э. Даннам.— СЭ, 1970, № 4, с. 188—191 (в соавторстве с Л. А. Анохиной и В. Ю. Крупянской). Перепечатано: Current Anthropology, 1973, v. 14, № 1—2, February—April, p. 155—157.

Выступление на симпозиуме «Этнография города и промышленного поселка» II МКАЭН.— В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва (3—10 августа 1964), т. XI, М.: Наука, 1971, с. 787—792 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Некоторые вопросы развития современного городского жилища (по материалам городов средней полосы РСФСР).— СЭ, 1972, № 3, с. 98—104 (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Некоторые особенности развития материальной культуры населения русского города за последнее столетие (Из опыта изучения малых и средних городов средней полосы РСФСР). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973, 14 с. [Доклад на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук].

Об основных тенденциях развития материальной культуры русского городского населения за последнее столетие (из опыта изучения малых и средних городов средней полосы РСФСР).— СЭ, 1974, № 3, с. 31—40.

Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем (На примере городов Калуга, Елец, Ефремов). М.: Наука, 1977, 359 с. (в соавторстве с Л. А. Анохиной).

Выставка работ Стефании Кульчицкой «Народные традиции в современной одежде и вышивке».— СЭ, 1977, № 4, с. 146—149 (в соавторстве с А. А. Лебедевой).

Этнографическое изучение города в СССР.— СЭ, 1977, № 6, с. 21—31 (в соавторстве с О. Р. Будиной).

Опыт этнографического изучения городского населения среднерусской полосы. — *Geografie dělnictva*, VIII (Národopisná knižnice, 18), Praha, 1977, s. 135—139.

Общественные праздники в современном быту русского городского населения. — СЭ, 1979, № 6, с. 3—17 (в соавторстве с О. Р. Будиной).

Сельские поселения Закарпатья.— В кн.: Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии. XVIII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Воронеж, 25—29 сентября 1980 г. М., 1980, с. 71—75 (в соавторстве с А. А. Лебедевой).

Отв. ред.: Г. В. Жирнова. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980, 148 с. (совместно с М. Г. Рабиновичем).

Отв. ред.: М. Я. Устинова. Семейные обряды латышского городского населения XX в. М., 1980. 164 с.

К этнографическому изучению города.— СЭ, 1981, № 3, с. 23—34 (в соавторстве с М. Г. Рабиновичем).

The Tradition, and Cultural and Day-to-Day Life Processes in Russian Cities.— In: Problems of the European Ethnography and Folklore. Summaries by the Congress Participants. Moscow, 1982, p. 41—44 (в соавторстве с О. Р. Будиной).

Традиции в культурно-бытовом развитии современного русского города.— СЭ, 1982, № 6, с. 27—39 (в соавторстве с О. Р. Будиной).

ЗАСЕДАНИЯ В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ВРУЧЕНИЮ ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТУ ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ АН СССР

19 апреля 1983 г. в Москве состоялось торжественное заседание коллектива Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, посвященное вручению Институту в связи с его пятидесятилетием ордена Дружбы Народов за заслуги в развитии этнографической науки и подготовке научных кадров¹.

Орден вручил член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, вице-президент Академии наук СССР акад. П. Н. Федосеев. Обращаясь к собравшимся с приветственной речью, он отметил, что награждение Института этнографии АН СССР орденом Дружбы Народов означает высокую оценку его деятельности, признание значимости того вклада, который вносят советские этнографы и антропологи в развитие советского обществоведения. П. Н. Федосеев подчеркнул, что орден Дружбы Народов является как бы символом работы советских этнографов, задача которых — объективно и всесторонне исследовать историю и современную жизнь народов, отразить их вклад в мировую цивилизацию и тем способствовать взаимопониманию всех наций и народностей, доброжелательным, дружественным отношениям. Этнографические знания облегчают межнациональные контакты, способствуют интернационалистскому воспитанию трудящихся. П. Н. Федосеев сказал, что в Институте разрабатываются фундаментальные проблемы этнографической науки; многие из них исследуются комплексно, совместно с антропологами, археологами, социологами и фольклористами. Особое внимание он обратил на актуальность большинства проблем, в частности таких, как изучение современных этнических и культурно-бытовых процессов в нашей стране и за рубежом, социально-культурного развития и сближения наций в СССР. П. Н. Федосеев отметил большое значение ряда опубликованных капитальных трудов Института и особо упомянул разработку метода восстановления лица по черепу, а также дешифровку письменности майя и протоиндийских текстов. П. Н. Федосеев считал большой заслугой этнографов Института связь с практическими задачами, которые встают перед народами нашей страны.

За полвека своего существования Институт этнографии АН СССР, сказал П. Н. Федосеев, подготовил многочисленные кадры высококвалифицированных специалистов, которые работают сейчас во всех союзных и автономных республиках и областях страны.

Вручая орден Институту этнографии АН СССР, акад. П. Н. Федосеев выразил надежду, что коллектив Института и впредь будет развивать лучшие традиции отечественной науки, вносить свой вклад в дело коммунистического строительства.

От имени коллектива сотрудников Института этнографии АН СССР глубокую благодарность ЦК КПСС и Президиуму Верховного Совета СССР за высокую награду выразил директор Института акад. Ю. В. Бромлей. Эта награда, подчеркнул он, для работников Института особенно дорога, ибо речь идет об ордене, олицетворяющем дружбу народов, а ведь основную задачу своей науки этнографы видят в том,

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР орденом Дружбы народов от 3 февраля 1983 г.

чтобы содействовать лучшему взаимопониманию народов. Эта награда, Ю. В. Бромлей,— высокая оценка деятельности коллектива Института и, коей налагает на него особые обязательства. Вместе с тем это оценка не только современных достижений Института, но и всей его многолетней деятельности. Далее Ю. В. Бромлей остановился на истории создания Института, рассказал об основных этапах научной деятельности его коллектива, назвал имена крупнейших советских этнографов и антропологов, сыгравших выдающуюся роль в развитии советской этнографической и антропологической науки, таких, как Д. К. Зеленин, И. Н. Винников, С. П. Толстов, П. И. Кушнер, М. О. Косвен, Н. А. Кисляков, Б. О. Долгих, В. В. Бунак, Г. Ф. Дебеч, М. М. Герасимов, В. В. Гинзбург, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров и др. Подводя важнейшие итоги научной деятельности Института, Ю. В. Бромлей указал на те главные задачи, которые стоят сейчас перед нашими учеными,— в частности дальнейшее совершенствование теории науки, продолжение разработки конкретных проблем, связанных как с исторической этнографией, так и с этнографией современности народов СССР и всего мира, решение прикладных задач, неразрывно связанных с практикой совершенствования развитого социализма в нашей стране, с борьбой за лучшее взаимопонимание народов во всем мире, с разоблачением расизма и национализма. Особенно важным представляется тот комплекс практических задач советских этнографов, который связан с исследованием этнических аспектов национальных процессов в нашей стране, что для такого многонационального государства, каким является Советский Союз, трудно переоценить.

В заключение Ю. В. Бромлей сказал, что коллектив ордена Дружбы Народов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР приложит все усилия для выполнения стоящих перед ним задач.

Большая группа сотрудников Института была в связи с его пятидесятилетием награждена почетными грамотами Президиума АН СССР, Президиума ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, а также почетными грамотами Дирекции и общественных организаций Института этнографии АН СССР.

С приветствиями и поздравлениями выступили директор Института всеобщей истории член-кор. АН СССР З. В. Удальцова, директор Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаков, директор Института истории СССР доктор исторических наук С. С. Хромов, декан исторического факультета МГУ член-кор. АН СССР Ю. С. Кукушкин, заведующий кафедрой этнографии исторического факультета МГУ доктор исторических наук Г. Е. Марков, заместитель директора Института востоковедения член-кор. АН СССР Г. Ф. Ким, заместитель директора Института Африки АН СССР доктор юридических наук Г. Б. Старушенко, заместитель председателя Башкирского филиала АН СССР доктор исторических наук Р. Г. Кузеев, заместитель директора НИИ художественной промышленности Министерства местной промышленности РСФСР П. И. Уткин, советник при Совете Министров РСФСР, доктор исторических наук заслуженный деятель науки РСФСР Н. В. Увачев. С поздравлениями выступили представители Института Латинской Америки АН СССР, Государственной Публичной исторической библиотеки, цыганского театра «Ромэн».

В связи с получением высокой правительственной награды в адрес Института поступило большое число поздравительных телеграмм как от учреждений, так и от отдельных лиц из разных республик нашей страны и из-за рубежа.

А. Е. Тер-Саркисянц

* * *

10 мая в Ленинграде состоялось торжественное заседание Ученого совета Ленинградской части Института этнографии, посвященное пятидесятилетию Института и награждению его орденом Дружбы Народов. В заседании принимали участие сотрудники Московской части Института и гости из Государственного музея этнографии (ГМЭ), ЛГУ, Эрмитажа и других научных учреждений.

Одной из основных тем, объединивших все выступления, прозвучавшие на заседании, была история Института этнографии, Музея антропологии и этнографии (МАЭ) и советской этнографической школы в целом. Директор Института Ю. В. Бромлей проследил в своем докладе историю отечественной этнографии от основания Кунсткамеры до наших дней, подчеркнув ее прогрессивные, демократические традиции. В этой связи он напомнил о постоянном долге советских этнографов — превращать накоп-

ные знания в достояние народа. Особенно важна в пропаганде этнографических роль МАЭ.

Поздравляя коллектив Института с пятидесятилетием и высокой правительственной наградой, Ю. В. Бромлей с особенной теплотой поздравил ветеранов Института.

Затем выступили старейшие сотрудники Института — член-кор. АН СССР А. Ольдерогге, Л. П. Потапов и Т. В. Станюкович.

Д. А. Ольдерогге вспоминал о своей многолетней деятельности в стенах МАЭ, которую он начал в 1924 г. с «казенного рабочего». Он подробно остановился на отдельных моментах истории Музея, в частности на истории ряда уникальных коллекций. Необходимо, сказал он, чтобы по своему оформлению и организации МАЭ в полной мере отвечал современному уровню музейного дела.

Награждение Института этнографии орденом Дружбы Народов глубоко символично и отражает признание большого вклада советской этнографической науки в изучение культуры народов мира и установление взаимопонимания между ними. А. Ольдерогге заметил в этой связи, что в Институте защищено много диссертаций учеными из социалистических и развивающихся стран и Институт тем самым способствует укреплению авторитета СССР в этих странах. Заметно выросли в последнее время и международные связи Института, участие его в международной научной жизни.

Л. П. Потапов уделил в своих воспоминаниях наибольшее внимание первым этапам развития советской этнографии. С самого начала этнографическая наука была органически связана с задачами социалистического культурного строительства. Особое большое значение имело исследование общественных отношений бесписьменных народов. Эта работа сразу же получила важный практический выход: впервые в 20-х годах советскими этнографами начала создаваться история бесписьменных народов нашей страны, одновременно они приняли участие в создании письменности, организации просветительской работы и т. д.

Т. В. Станюкович в своем докладе обратилась к периоду истории советской этнографии, предшествовавшему основанию Института. В 20-х — начале 30-х годов в Ленинграде было довольно много учреждений, которые в основном или частично занимались этнографической проблематикой — Государственная академия истории материальной культуры, Государственный Русский музей, Российское географическое общество, Географический институт, Университет, Комитет Севера, Комиссия по изучению племенного состава СССР, Якутская комиссия, Восточная комиссия, Центральное бюро краеведения, Совет по изучению производительных сил СССР, а также музеи этнографического и историко-бытового профиля. Огромную работу в области этнографии и музееведения вел МАЭ.

К началу 30-х годов советской этнографической наукой был накоплен значительный опыт. В это время в научные учреждения влились новые силы этнографов, получивших специальное образование. Существовавшие в то время этнографические учреждения, возникавшие спонтанно, подчас дублировали друг друга. Все это привело к созданию в 1933 г. Института этнографии.

После выступления сотрудников Института к коллективу Института обратились приветствиями гости из других учреждений. Первым выступил директор Государственного Эрмитажа акад. Б. Б. Piotровский, напомнивший в своем обращении о плодотворной дружбе и профессиональном сотрудничестве между археологами и этнографами. Директор ГМЭ заслуженный деятель культуры РСФСР И. И. Баранова напомнила о собирателях, пополнявших коллекции обоих этнографических музеев. Она отметила постоянно развивающееся сотрудничество их коллективов и с особой благодарностью сказала о ведущих ученых Института этнографии, являющихся учеными сотрудниками ГМЭ. Большую благодарность за подготовку кадров, за консультацию за участие в совместных работах и экспедициях выразила Институту этнографии зав. сектором этнографии Института истории АН КиргССР Т. Б. Баялиева. Лучшие пожелания выказал Институту директор находящегося в одном здании МАЭ Музея Ломоносова Э. П. Карпеев.

После выступлений ряду ведущих сотрудников Института были вручены грамоты профсоюза, Президиума АН СССР, Обкома профсоюзов, общества «Знание». Закрывая торжественное заседание, заместитель директора Института этнографии СССР Р. Ф. Итс от имени коллектива Института заверил партию и правительство в том, что советские этнографы всегда будут боевым отрядом в проведении ленинской национальной политики.

Т. Б. Путилова

ЗАСЕДАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ НАУЧНОГО СОВЕТА АН СССР ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Вопросы, связанные с историей и культурой народов Центральной и Юго-Восточной Европы периода становления и развития наций, обсуждались на заседаниях Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики в 1982 и 1983 г. Одно из них (март 1983 г.) было посвящено памяти К. Маркса. Основные доклады были сделаны сотрудниками Института этнографии АН СССР, Института славяноведения и балканистики АН СССР, Кафедры славянской филологии Ленинградского университета им. А. А. Жданова, некоторых других научных учреждений Ленинграда. На заседаниях присутствовало 100 человек. В данном сообщении рассмотрим наиболее крупные доклады.

В докладе П. А. Дмитриева и В. М. Мокиенко «Классики марксизма славянских народов» подчеркивалось, что в теоретическом наследии К. Маркса и Ф. Энгельса непреходящее значение имеют не только фундаментальная методология, но и многие разработанные ими важные положения, касающиеся конкретных вопросов истории и культуры ряда народов, в том числе славянских. Докладчики осветили причины постоянного и глубокого интереса К. Маркса и Ф. Энгельса к судьбам славянских народов, находившихся под властью Австрийской и Османской империй, разоблачили, как пангерманизм, так и панславизм, основоположники научного коммунизма еще в 1849 г. высказали мысль, что «если бы славяне в какую-нибудь эпоху своего угнетения начали новую революционную историю, они уже одним этим доказали бы свою способность»¹. Глубокое изучение России позволило К. Марксу и Ф. Энгельсу предвидеть неизбежность социальной революции в этой стране и предвидеть ее всемирно-исторические последствия. К. Маркс писал в 1877 г., что Россия «давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы уже созрели...»².

Б. Н. Путилов в докладе «К. Маркс и Ф. Энгельс в занятиях славянским фольклором» показал интерес, проявленный основоположниками научного коммунизма к славянскому фольклору, особенно к сербским народным песням, ставшим в XIX в., благодаря изданиям сербского просветителя В. С. Караджича широко известными в Европе. Автор доклада пришел к выводу, что К. Марксу и Ф. Энгельсу была известна вся имевшаяся в тот период немецкая литература по славянскому фольклору и в ряде случаев им удалось высказать глубокие суждения, выходявшие за рамки выводов немецких фольклористов и не утратившие своего значения вплоть до наших дней.

М. Н. Кузьмин (Москва) в докладе «Человек и культура: некоторые проблемы межформационного перехода от феодализма к капитализму» поднял сложные вопросы формирования культурно-исторического сознания на переходном этапе. Рассмотрены различные подходы к изучению культуры в советской науке и определив один из них как предметно-целостный, а второй как предметно-атрибутивный, докладчик остановился на более перспективном, с его точки зрения, направлении, рассматривающем культуру как одну из самостоятельных подсистем общества (которое само — сложная система), как систему производства, хранения, трансляции и потребления цен-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 299.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 229.

тей, накопленных за многовековую историю человечества. Для раскрытия человека как индивида и аккумулятора культуры на этапе межформационного сдвига, отметил также М. Н. Кузьмин, богатейший материал дают труды К. Маркса и Ф. Энгельса. В докладе высказана мысль, что в момент смены формаций меняется характер социальных связей и расширяется субъективная компетенция индивида. Только с вытеснением существовавших ранее типов личности, а также маргинальных типов, возникающих на рубеже субкультур, закрепляется новый тип личности, принадлежащий уже капиталистической формации.

Ряд положений, намеченных в докладе М. Н. Кузьмина, развили на конкретных материалах чешской и словенской культуры Г. А. Лилич и М. Л. Бершадская. В своем докладе «Об энциклопедизме деятелей национально-освободительных движений» Г. Г. Лилич остановилась на некоторых отличительных чертах общественно-культурной жизни эпохи национального Возрождения в Чешских землях. Она отметила, что осознание ведущими деятелями той эпохи ближайших задач национального развития вело их к активному участию во всех сферах культурного строительства. Это и вызвало к жизни в чешской литературе первой половины XIX в. такое явление, как энциклопедизм. В своем выступлении М. Л. Бершадская сосредоточила внимание на некоторых аспектах культурного и социально-экономического развития Словении конца XVIII — начала XIX в. Она подчеркнула необходимость комплексного подхода к изучению культуры и общественной мысли Словении того времени. М. Л. Бершадская рассмотрела в своем выступлении художественное творчество и научную деятельность Т. Линхарта и зачинателя словенской поэзии В. Водника.

Участники обоих рассматриваемых заседаний уделили большое внимание этнокультурным процессам, характеризовавшим формирование и развитие наций у славянских и балканских народов. Важное значение в этом плане имел доклад К. В. Чистова «Фольклор и национальное самосознание». В период формирования современных наций, отметил он, традиционная культура в целом, и особенно фольклор были осознаны как общее достояние нации. Между тем, как правило, традиционные формы культуры были дифференцированы не только по социальному, но и по локальному принципу. Лишь в период национального развития через школу, книгу, театр, изобразительное искусство они становятся общенациональным достоянием. Исторический парадокс заключается в том, что именно в этот период фольклор начинает изживаться в быту. И, наконец, в то же время фольклор осознается как национально-своеобразное явление, способное сообщить этническую окраску профессиональному искусству, литературе, театру, обычаям и т. д. Однако широкое развитие фольклористических знаний XIX в. приводит к выводу о международной повторяемости основного фонда сюжетов, типов, типов героев и т. д. Только позже было осознано диалектическое единство международной повторяемости и национального своеобразия.

В докладе А. С. Мыльниковой «О некоторых формах взаимодействия между народной и национальной культурой» обращалось внимание на необходимость специального исследования методологических и эвристических аспектов генезиса народной культуры в эпоху формирования наций. Это тем более важно, что до сих пор, к сожалению, указанные проблемы фактически остаются вне поля зрения историков и литературоведов, сосредоточивающих внимание на так называемой профессиональной культуре, связанной с образованными слоями общества. С другой стороны, зачастую достаточно четко понимается термин «народная культура» — некоторые исследования ограничивают ее сферой фольклора. Один из важных аспектов темы, по мнению докладчика, составляет выявление каналов взаимодействия между народной и национальной культурой. В связи с этим в докладе был рассмотрен феномен культурного синкретизма, получающий развитие на стадии формирования наций. Существенное влияние на формы такого взаимодействия оказывало различие уровней этнокультурных процессов, из которых преимущественное значение имели формационный, стадийный и локальный. В заключение докладчик отметил, что без конкретного определения вклада, внесенного народными массами, невозможно дать исторически верное объяснение процессам становления национальной культуры.

В. Е. Гусев в докладе «Методологический аспект проблемы взаимоотношений народной и национальной культуры» указал на необходимость учета региональной неоднородности народной культуры и социальной неоднородности национальной культуры. Региональному разнообразию народной культуры противостоит интеграционное управление процесса формирования национальной культуры. Наряду с исследованием роли народной культуры в формировании национальной культуры необходимо изу-

что и обратное воздействие — национальной культуры на народную. Национальная культура отдельных народов Центральной и Юго-Восточной Европы складывалась не только на основе своей народной культуры, но и в процессе взаимодействия национальных культур и восприятия иноэтнических народных культур. Процессы адаптации народной культуры национальной культурой развивались в различных направлениях (наука, язык, искусство и др.) и в различных формах (инновации, подражательство, творческая трансформация и др.). Необходимо учитывать не только идеологические и формальные различия, но и типологические, стадийные (просветительский, романтический, реалистический типы отношения к народной культуре в эпоху формирования национальных культур в Центральной и Юго-Восточной Европе).

Ю. В. Иванова (Москва) в своем докладе коснулась взаимоотношения понятий «этническое» и «национальное», рассмотрев некоторые источники изучения этих явлений. Понятие «этническое» (= национальное) принадлежит к сфере общественного сознания и поэтому существует не в реальности, а в субъективном представлении людей, принадлежащих к данному этносу. Другими словами, это понятие имеет психологическую основу.

В конкретной работе, отметила Ю. В. Иванова, исследователь сталкивается с тем, что этническое зачастую переплетается с межэтническим (надэтническим, метаэтническим). Например, богатый материал для этнографических исследований дают памятники обычного права — как оформленные в законники средневековой эпохи (статуты, каноны), так и живущие в устной традиции. Вместе с тем мы замечаем несомненную близость этнографических реалий славянского и неславянского населения Юго-Восточной Европы. Очевидно Юго-Восточную Европу следует признать историко-этнографической областью. В связи с этим представляется методологически ошибочным изучение различных этнографических, фольклорных, литературных и т. п. материалов, принадлежащих только славянским народам, в отрыве от этнографии (фольклора) их неславянских соседей.

Однако многие явления, которые исследователь признает общими для целой группы этносов, самими представителями каждого этноса воспринимаются как «свое», т. е. как этническое. Это объясняется тем, что объективно существующая реальность проходит через субъективное самосознание этноса (= нации). Следовательно, представление об этническом (= национальном) идет через общественное сознание. При всем разнообразии этнообразующих факторов для каждой конкретной этнической общности этническое (= национальное) самосознание — необходимый, обязательный элемент.

Наконец, два доклада были посвящены генезису форм общественного сознания периода формирования наций. В своем докладе «Экономика эпохи перехода от феодализма к капитализму и развитие общественной мысли (постановка вопроса)» Л. А. Обушенкова (Москва) подчеркнула, что К. Маркс и Ф. Энгельс, сформулировав положение о том, что надстройка над экономическим базисом, в том числе и общественное сознание, обусловлена уровнем развития производительных сил общества, вместе с тем указывали, что сила и характер воздействия базиса на общественную мысль зависят от многих конкретных условий. Формы перехода от феодализма к капитализму в сельском хозяйстве, промышленности и ремесле в странах Центральной и Юго-Восточной Европы по многим причинам были сложнее, чем в других европейских странах. Многообразие переходных форм определяло специфические особенности социальных структур в указанном ареале, а чрезвычайно разнообразная местная структура отражалась в многоплановости идеологических концепций.

С. М. Фалькович в докладе «Государственность, национальное и классовое самосознание (некоторые аспекты проблемы)» обратила внимание на то, что феномен национальной государственности тесно связан с процессом перехода от феодализма к капитализму и формирования буржуазной нации. Государственность, ее формы и элементы, ее традиции выступали при этом как фактор развития национального и классового самосознания. Вместе с тем уровень национального и классового самосознания отдельных классов и слоев общества влиял на складывающиеся у них представления о национальном государстве, определял планы и модели будущей государственности. Особое значение имела в этом процессе позиция рабочего класса в вопросе о национальном государстве. В докладе анализировались главным образом материалы по истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Выявлены как общие для этих народов, закономерные черты, характеризующие взаимосвязь государственности с классовым и национальным самосознанием, так и обусловленные конкретно-историческими условиями особенности, свойственные отдельным народам региона.

Можно полагать, что положения и выводы, сформулированные при обсуждении методологических проблем изучения народной культуры и форм общественного сознания в период формирования наций у народов Центральной и Юго-Восточной Европы, будут способствовать дальнейшему развитию не только сравнительно-исторических, но сопоставительных, типологических исследований.

Г. Г. Шаповалова

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МУЗЫКОВЕДОВ-ФОЛЬКЛОРИСТОВ

16—18 сентября 1982 г. в Алма-Ате состоялась конференция, организованная Всесоюзной комиссией народного музыкального творчества Союза композиторов СССР совместно с Союзом композиторов Казахстана. В ее работе участвовали специалисты по музыкальному эпосу из 15 городов 9 союзных республик (РСФСР, Украина, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Армения, Молдавия, Азербайджан). На конференции было заслушано и обсуждено 25 докладов.

На открытии конференции присутствовали Заместитель Председателя Совета Министров КазССР Ш. Жанибеков, Заместитель Министра культуры КазССР К. Саулабаев, представители ЦК ЛКСМ Казахстана, директор Института литературы и искусства им. М. Ауэзова АН КазССР М. Базарбаев, Народная артистка СССР, ректор Алма-Атинской консерватории, композитор Г. Жубанова и другие официальные лица.

Открыл конференцию Председатель правления Союза композиторов КазССР, Народный артист СССР Е. Рахмадиев. Он сказал, что на наших глазах происходит возрождение интереса к эпосу, которое свидетельствует о духовном богатстве советских народов эпохи зрелого социализма. Эпические традиции, берущие начало в далеком прошлом, живут и поныне. В создании эпоса восточных республик нашей страны участвовали многие народы, поэтому обращение к нему помогает раскрыть общность разных национальных культур, их глубокие исторические корни, и тем самым способствует процессу интернационализации советского народа.

Эпос народов СССР — великое культурное достояние. Если его содержание и поэтика исследованы фундаментально, то музыкальная сторона эпоса изучена явно недостаточно. Обнадеживающие сдвиги в этом отношении наметились в последнее время (см. музыковедческие издания русских былин, адыгских *пшинатли*, публикации по украинским, казахским и другим эпическим песням). Всесоюзная конференция музыковедов-фольклористов в Алма-Ате — первый опыт обсуждения этномызоведческих проблем эпоса народов СССР. Не случайно она проводилась в Казахстане — регионе живого эпоса, мощных и животворных эпических традиций.

В рамках конференции успешно прошел первый в своем роде этнографический концерт «Музыкальный эпос народов Советского Востока», собравший большую аудиторию и транслировавшийся по телевидению. В нем участвовали казахские, киргизские, узбекские, уйгурские, каракалпакские и якутские народные исполнители (к сожалению, не был представлен музыкальный эпос Таджикистана, Туркменистана, Бурятии и Алтайского края). На всех участников конференции живое исполнение эпоса в его реальном звучании произвело неизгладимое впечатление и в какой-то мере даже изменило былые представления о сущности и формах народного эпоса.

Два пленарных заседания — первое и последнее — были отведены освещению проблем и перспектив изучения музыкального эпоса.

Доклад И. И. Земцовского и А. Б. Кунанбаевой (Ленинград) «Музыкальный эпос — феномен и категория» привлек внимание к собственно музыковедческой проблематике теории народного эпоса, которая в целом на разнотипическом материале практически не разработана. Музыковеды при определении эпического поль-

зуются немusикальными критериями. Для одних любое произведение с текстом чesкого характера есть эпос, другие же считают обязательным учет музыкальной стилистики, специфичной только для эпических (музыкально-эпических) жанров. Докладчики предприняли попытку выявления признаков музыкального эпоса, присущих все или подавляющему большинству эпических традиций. Эти признаки названы ими эпическими универсалиями. Выделена исконная и ведущая исполнительские формы эпоса — сольная, сказительская, рапсодическая, типа речитирования казахских *жырши*, киргизских *манасчи*, якутских *олонхосут*ов и т. д. Среди эпических универсалий — особый тип интонирования, нанизывание коротких и «быстротекущих» мелострок, иногда объединяемых в тирады, специфические композиционные принципы и другое. Они истолковываются в свете так называемого эпического синкретизма — нерасчлененного единства слова, напева («искусства образной речитации», по определению акад. Б. В. Асафьева), звучания инструмента (если он есть), тембро-темпового идеала, исполнительской пластики и даже восприятия слушателей («эпической среды»). Докладчики настаивали на том, что нельзя ограничиваться описательной характеристикой музыкальных черт тех произведений фольклора, которые по текстовым («филологическим») признакам принято относить к эпическим. Этномузыковеду необходимо исходить из собственно музыкально-стилистических признаков, воспринимаемых в каждой национальной культуре как эпические и отражаемых целой системой конкретных музыкально-эпических универсалий. Только тогда музыкальный эпос предстанет перед наукой как величайший исторический феномен, чья музыкальная мощь не уступает поэтической, а в ряде традиционных жанров даже превосходит ее.

Э. Е. Алексеев (Москва) в докладе «Типология музыкального эпоса» обозначил три формы собственно музыкального эпоса. Первая основана на слогостопности как принципе слогапроизнесения, что позволяет практически распеть любой текст, однако музыкального образа при этом не возникает. Вторая — в виде напевов-формул — имеет ясный музыкальный контур, сугубо мелодический образ («звук, изогнутый калом мысли», по выражению Олжаса Сулейменова). Наконец, третья форма, которой свойствен принцип лейтмотива, представляет собственно «музыкальный театр» на эпической основе. Докладчик обратил внимание на необходимость учета закона вариативности проявлений рассмотренных форм и проиллюстрировал свой доклад подборкой музыкальных примеров, характерных для эпоса разных народов.

В. А. Щуров (Москва) в докладе «О классификации песен эпического содержания» рассказал о разных принципах классификации — жанровом, историческом, регионально-стилевом, структурно-типологическом, и с этих позиций критиковал принцип расположения материала в новейшем музыкальном своде русских былин (1981 г.). Докладчик ограничился разбором русского народно-песенного материала, в котором песни повествовательные могут быть распеты на мелодии отнюдь не эпического характера.

С. И. Грица (Киев), основываясь на украинском материале, осветила вопрос о диалектике единства словесного и музыкального начал в песенном эпосе — антиномии их соотношений. Она отметила диалектические противоречия по всем параметрам: связь напева и текста эпических песен, единство импровизации и неимпровизации и пр. Отметив, что при определении междужанровых музыкальных связей мы все еще исходим из старых филологических представлений, С. И. Грица обратила внимание на необходимость обсуждения проблем эпоса на уровне музыкального мышления, а не жанра, а также на продуктивность изучения процессов мелодической интеграции.

Старейшина казахской музыкальной фольклористики Б. Г. Ерзакович (Алма-Ата) посвятил доклад взаимодействию эпических и бытовых фольклорных жанров в казахском музыкальном фольклоре. На основе анализа ценнейших собственных записей фольклора он продемонстрировал реальную диалектику взаимовлияния эпического и песенного начал в живой народной традиции Казахстана. Попутно докладчик правомерно показал важность того типа общения с исполнителями, который был принят в пору отсутствия магнитофона: «немагнитофонное общение» позволяло выявить в процессе работы массу жизненно важных деталей, ускользающих при быстрой магнитофонной фиксации.

Р. Бердибаев (Алма-Ата), выступил с докладом «О традициях исполнения казахского эпоса», где подчеркнул, что долговечность традиции связана с сохранением ее синкретизма. Подробно рассказав об исполнении эпических песен известным *жырши* Рустамбеком, докладчик на этом ярком примере показал важность учета всех компонентов эпического исполнения, включая предварительное наигрывание инструменталь-

ых кюев, способствующих созданию соответствующего настроения самого жырши и его слушателей, умение перемежать на протяжении одного сказания речитативные и песенные напевы и др.

В заключение выступил А. Г. Юсфин (Ленинград), рассмотревший некоторые ерешенные проблемы музыкального эпического искусства. Некоторые его мысли звучали парадоксально, заставляя по-новому оценивать уже известные факты. Согласно Юсфину, напев звучит как бы поверх текста — и во времени, и в пространстве; проходит некий диалог напева и текста. При этом обращает на себя внимание циклическая самозамкнутость эпической мелодики. Исходя из того, что эпос практически оказывает одинаковое эмоциональное воздействие на тех, кто знает и кто не знает язык, на котором он исполняется, докладчик задался вопросом, не является ли сущность эпоса независимой от текста? Более того, не является ли инструментальный (т. е. словесный) эпос наиболее абсолютной и потому так редко встречаемой формой музыкального эпоса? А. Г. Юсфин указал на существование наряду с рапсодическим эпитативного и магического музыкальных эпосов и предпринял попытку охарактеризовать связанные с этим структурные особенности музыкального эпоса.

На секционном заседании «Эпические формы в национальных фольклорных традициях» было заслушано наибольшее число докладов и сообщений. Открылось оно докладом А. Б. Кунанбаевой «Эпические традиции в казахском музыкальном фольклоре». Докладчица попыталась сформулировать теорию эпической традиции и определить ее детерминанты на материале собственных полевых исследований, проведенных в районах Южного и Западного Казахстана.

В содержательных докладах Р. Атаяна и А. Саакян рассматривался армянский эпос «Давид Сасунский». Музыкальных записей «Давида Сасунского» крайне мало и поэтому каждый фрагмент представляет большую ценность. Самые стойкие и древние элементы эпоса — песенные вставки. А. Саакян подчеркнула, что чисто поэстических (внемузыкальных) форм эпоса в живом бытовании не существует: всегда либо декламируется, либо поется. Р. Атаян предложил различать собственный эпос и многообразные эпические песни, которые он не включает в состав эпоса. Его доклад сопровождался музыкальными иллюстрациями.

Богатая и разнообразная информация о музыкальной специфике эпических произведений разных народов содержалась в сообщениях А. Рахаева (Нальчик), Дурбайло (Кишинев), Р. Абдуллаева и Д. Юсуповой (Ташкент), Юсуповой (Душанбе), Г. Настиновой (Элиста), Д. Дугарова (Улан-Удэ), К. Дюшалиева (Фрунзе), Т. Мамедова (Баку).

Т. Булгакова (Хабаровск) рассказала о пограничных с эпосом формах интронирования, зафиксированных ею в нанайской народной сказке.

Т. Мирзаев (Ташкент) осветил традиционные методы обучения эпических певцов у узбеков, обнаруживающие типологические параллели с подготовкой эпических певцов-профессионалов у разных народов.

В. Коргузалов (Ленинград), А. Кабанов (Москва) и С. Волож (Алма-Ата), построили свои выступления на материалах русского эпоса. Правда, двое последних говорили о песнях эпического содержания, т. е. о тех жанрах, которые Р. Ата-аргументированно предложил вывести за скобки эпоса как музыкально-жанровые явления принципиально иного порядка.

В резолюции, принятой конференцией, подчеркивалось, что она продемонстрировала жизненность эпических традиций у многих советских народов, особенно Средней Азии и Казахстана, а также актуальность проблем музыкального эпосоведения, глупо созвучных современности. Участники конференции выразили пожелание раз в два года встречаться для обсуждения проблем музыкального эпоса: провести специальный дневной семинар «Эпос и современность» с участием филологов, философов, историков, культурологов, этнографов, социологов и психологов; начать подготовку серии пластинок «Музыкальная антология эпоса народов СССР»; подготовить сборник статей «Эпос и эпическая традиция сегодня», словарь советских эпических сказителей (типу созданного на казахском материале М. Байдиляевым), а также соответствующий информативный бюллетень. В резолюции говорилось о необходимости уделять больше внимания организации специальных радио- и телевизионных передач, демонстрирующих эпос в живом исполнении (по типу киргизского телевидения, регулярно ведущего передачи, посвященные эпосу «Манас», в которых выступают манасчи).

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

М. В. Крюков

КИТАЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ПРЕДМЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Изменения, происходящие за последние годы во внутренней жизни КНР, открыли возможности для возобновления исследований в ряде областей науки, развитие которых было фактически приостановлено во время «культурной революции». К их числу относится и этнография.

В первые годы после создания Китайской Народной Республики были достигнуты значительные успехи в развертывании научно-исследовательских работ по изучению народов Китая¹. В начале 1956 г. Комиссией по делам национальностей при Постоянном комитете Всекитайского собрания народных представителей были организованы постоянно действующие этнографические экспедиции для изучения истории, экономики, культуры и быта национальных меньшинств КНР. Результаты их работы позволили вскоре сформулировать задачу создания многотомной серии монографий по истории и этнографии народов Китая. «Можно не сомневаться, — писал тогда Н. Н. Чебоксаров, в течение двух лет оказывавший помощь китайским ученым в деле налаживания этнографических исследований, — что работа эта будет успешно выполняться, и в недалеком будущем этнографы всего мира получают от китайских коллег ценный подарок — обобщающий труд по этнографии национальных меньшинств самой большой страны Восточной Азии»². Однако действительность сложилась иначе.

Левацкие ошибки в области идеологии, которые начали отчетливо проявляться в этот период, привели к тому, что во время проходившей в 1958 г. кампании по критике буржуазной этнографии нападкам и репрессиям подверглись почти все ученые старшего поколения, получившие широкую известность в Китае и за его пределами еще в 30-е годы. Такие крупные специалисты, как У Вэньцао, Фэй Сяотун, У Цзэлян, Хуан Сяньфань были объявлены «правыми элементами», а Цэнь Цзяу, Ли Юи, Ян Кунь, Ян Чэнжи и многие другие лишены права принимать участие в научных исследованиях. Поводом для причисления проф. Ли Юи к буржуазным этнографам было, например, его высказывание о том, что «этнографическая наука изучает не общие законы общественного развития, а реальные явления культуры конкретных народов»³; Цэнь Цзяу обвиняли в том, что во время экспедиции к хайнаньским ли он изучал лишь родовую структуру, формы брака и другие надстроечные элементы, не обращая внимания на экономический базис⁴ и т. д.

Хотя объектом критики в эти годы была «буржуазная этнография», однако сам термин «этнография» стал употребляться преимущественно в негативном смысле связи с характеристикой буржуазной идеологии. По-видимому, не случайно в списке АН КНР в июне 1958 г. был создан Институт национальностей, хотя перспективный план развития науки в Китае на 1956—1967 гг. предусматривал организацию Института этнографии. Вскоре после этого правомерность выделения этнографии как самостоятельной дисциплины была прямо подвергнута сомнению на том основании, что понятие «марксистско-ленинская этнография» отсутствует в трудах классиков марксизма⁵. С началом «культурной революции» этнография в Китае была объявлена реакционной буржуазной лженаукой, исследования в этой области знания фактически прекращены, издание уже подготовленных монографий по истории народов Китая приостановлено⁶. Во время встречи с американскими учеными в 1972

¹ Исследовательская работа по национальностям в КНР. — Сов. этнография (далее СЭ), 1959, № 1.

² Чебоксаров Н. Н. Основные этапы развития этнографии в Китае. — СЭ, 1956, № 6, с. 148.

³ Су Кэцин. Свернуть белое знамя и водрузить красное знамя в этнографических исследованиях. — Миньцзу яньцзю, 1958, № 2, с. 8 (названия работ китайских авторов здесь и далее даны в переводе на русский язык).

⁴ Се Фуминь. Важнейшие результаты работы по изучению общественного строя истории национальных меньшинств за последние два года. — Миньцзу яньцзю, 1956, № 1, с. 6.

⁵ Что такое этнография? — Сюэшу яньцзю, 1964, № 2.

⁶ Первые книги этой серии увидели свет лишь десять с лишним лет спустя. См. Краткая история народности хуэй. Иньчуань, 1978; Краткая история народности чан. Наннин, 1979; Краткая история народности шэ, Фучжоу, 1980 и пр.

данные китайские этнографы категорически отрицали свою причастность к этнографии и сам факт существования такого рода науки в КНР⁷.

Вопрос о «реабилитации» этнографии был впервые поднят лишь в конце 70-х годов. В докладе о работе правительства, представленном на рассмотрение сессии Китайского собрания народных представителей в марте 1978 г., была подчеркнута необходимость возрождения этнографической науки в Китае⁸. Вслед за этим в мае 1979 г. в Куньмине прошло совещание по планированию этнографических исследований, а в октябре 1980 г. в Гуйяне была проведена первая всекитайская научная этнографическая конференция, одним из результатов которой явилось создание Китайского этнографического общества. Президентом его был избран Цю Пу, вице-президентами — Линь Яохуа, Ма Яо, Гу Бао, Лян Чжаотан, Ху Цинцзюнь, Чэнь Гоцян и Ян Лин, генеральным секретарем — Чжань Чэнсюй. В состав руководства Общества вошла группа советников — ветеранов китайской этнографической науки (Ли Ынъай, Ли Юй, Лю Сянь, У Вэньцао, У Цзэлинь, Фан Гоюй, Фэй Сяотун, Хуан Ыньфань, Цзян Инлянь, Ян Кунь, Ян Чэнчжи).

В работе этнографической конференции в Гуйяне принимали участие 223 ученых из 18 провинций КНР. Было заслушано 173 доклада; некоторые из них затем были опубликованы в сборнике «Этнографические исследования»⁹. Эти материалы, а также эматически близкие им статьи, появившиеся в 1979—1982 гг. на страницах журнала «Миньцзу яньцзю»¹⁰, позволяют нам судить о том, какие теоретические проблемы волнуют сегодня китайских этнографов и в каком направлении ведутся поиски решения этих проблем.

В развитии любой отрасли науки время от времени наступает момент, когда оказывается необходимым окинуть мысленным взором пройденный путь и снова задать себе вопрос о специфике данной отрасли знания, ее предметных рамках, о соотношении ее со смежными дисциплинами. Такая необходимость стала ощущаться в 60-х годах в советской исторической науке, и это привело к весьма плодотворному обмену мнениями, способствовавшему уточнению предмета этнографии на ее современном этапе¹¹. В условиях Китая это в наши дни особенно актуально: прежде чем принимать меры по возрождению этнографии как науки, совершенно необходимо, разумеется, сначала ответить на вопрос: «А что же представляет из себя эта наука и что, собственно говоря, следует возрождать?».

Вопрос о предмете этнографии начал обсуждаться в Китае еще в 50-х годах. О время своего пребывания в КНР Н. Н. Чебоксаров подготовил (совместно с Янь Яохуа) доклад «О предмете этнографии и ее задачах в КНР», зачитанный на одном из заседаний этнографического семинара для профессорско-преподавательского состава Центральной академии национальных меньшинств¹². Однако отрицательное воздействие на разработку этой проблемы оказала в те годы статья «Актуальные задачи китайской этнографии», опубликованная сначала в газете «Жэньминь жибао», а затем перепечатанная в ряде периодических изданий. «Этнография в Китае, — говорилось в ней, — является молодой отраслью науки и поэтому существуют расхождения во мнениях относительно ее названия, содержания и метода. Мы не намерены здесь дискутировать о предмете этнографии и месте ее в системе научных дисциплин. Чтобы избежать превращения такой дискуссии в схоластический спор, мы считаем, что сама исследовательская работа в данной области определит свое содержание»¹³. Приводя это высказывание, Цзинь Тяньмин и Ян Цинчжэнь отмечают, что практика показала ошибочность подобного взгляда: само по себе развитие этнографических исследований не может ответить на вопрос о предмете и методе этнографии¹⁴. Именно эта проблема и явилась основной темой, с которой так или иначе были связаны почти все заслушанные на конференции в Гуйяне доклады.

Подавляющее большинство участников пришло к тому, что этнография — самостоятельная отрасль общественных наук, изучающая закономерности возникновения, развития и исчезновения этнических общностей. Однако какого рода этносы являются главным объектом этнографического исследования?

Некоторые участники дискуссии считали этот вопрос пробным камнем для разграничения буржуазной и марксистской этнографии. Если на Западе, полагает, например, Чэнь Цисинь, основное внимание всегда уделялось лишь «первобытным на-

⁷ Cooper G. An Interview with Chinese Anthropologists.— *Current Anthropology*, 73, v. 14, № 4, p. 480—482.

⁸ Жэньминь жибао, 7 марта 1978 г.

⁹ Миньцзусэ яньцзю (Этнографические исследования) В. 1. Пекин, 1981 (да-е — МЯ).

¹⁰ Журнал «Миньцзу яньцзю» («Изучение национальностей») выходил в Пекине 1958—1960 гг.; издание его было возобновлено с 1979 г.

¹¹ Токарев С. А. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран.— СЭ, 1967, № 5; Чистов К. В. Фольклор и этнография.— СЭ, 1968, № 5; Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. О соотношении истории, этнографии и социологии.— СЭ, 1969, № 3; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; Бромлей Ю. В. Социальные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981 и др.

¹² Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 144.

¹³ Актуальные задачи китайской этнографии.— Кэсюэ тунбао, 1956, № 8.

¹⁴ Цзинь Тяньмин, Ян Цинчжэнь. Особенности и задачи этнографии в Китае на современном этапе.— МЯ, с. 71.

родам», то в поле зрения этнографа-марксиста должны находиться все народы древности до современности¹⁵.

Иного мнения придерживается Хуан Хойкунь. Почти все наиболее значительные работы буржуазных этнографов действительно посвящены существующим ныне «первобытным народам», тем не менее последние представляют наибольший интерес и для исследователей-марксистов. Этнография, считает он, должна изучать все этнические общества, однако развитые народы исследуются средствами таких наук, как история, экономика, политология; что же касается этносов, находящихся на более низких ступенях общественного развития и не обладающих собственной письменной традицией, то они составляют специфическую сферу исследования этнографии¹⁶.

Такого решения вопроса о главном объекте этнографического исследования, продолжает Хуан Хойкунь, требует задача «спасения источников». Если мы не сосредоточимся на изучении народов, отставших в своем развитии, то через некоторое время их этнические особенности перестанут существовать, и этот важнейший этнографический источник будет безвозвратно утрачен. Со временем, когда отставание малых народов будет преодолено, естественным образом изменится и основной объект этнографии, примером чего могут служить этнографические исследования в промышленно развитых странах¹⁷.

По мнению Хуан Хойкуня, такое решение проблемы диктуется также потребностями теоретического плана. Изучение первобытных народов (шире — этносов, находящихся на дофеодальной стадии развития) представляет исключительный интерес для конкретного обоснования закономерностей исторического развития человечества. Этот ключ к пониманию истории не может дать нам ни сама история, ни социология. Поэтому китайские этнографы не должны бояться обвинений в невнимании к насущным проблемам современности, им следует сосредоточиться на всестороннем изучении дофеодальных этносов¹⁸.

Наконец, этого требуют задачи экономического и культурного строительства в национальных районах. В такой многонациональной стране как Китай построение развитого общества невозможно без радикального преобразования образа жизни малых народов. А для этого необходимо знать их, чтобы конкретная политика по отношению к этим этническим группам основывалась на глубоком теоретическом осмыслении их современного положения. Поэтому «китайские этнографы должны считать своей первоочередной задачей изучение братских национальностей, отставших в своем историческом развитии»¹⁹.

Касаясь этого последнего аспекта данной проблемы, другой участник конференции, Хуан Шупин, привел ряд конкретных примеров, показывающих, сколь далека от своего окончательного решения задача преобразования экономики и культуры в районах расселения национальных меньшинств КНР. В исторических описаниях аборигенных народов южного Китая издревле встречается образное выражение «пахать ножом, сеять огнем», характеризующее особенности подсечно-огневого земледелия. Между тем этот примитивный способ обработки земли по-прежнему широко распространен в горных районах. В прошлом не принималось эффективных мер, направленных на коренное изменение положения. Поэтому за 30 лет после создания КНР уровень производства и сельскохозяйственная техника там почти не совершенствовались, уровень производства остается крайне низким, условия жизни — тяжелыми. Помимо всего прочего, пишет Хуан Шупин, подсечно-огневое земледелие ведет к уничтожению лесов, а это чревато серьезными нарушениями в экологическом равновесии и может привести к весьма неблагоприятным последствиям в будущем²⁰.

Считается, продолжает Хуан Шупин, что в результате демократических реформ и социалистических преобразований традиционные социальные институты в районах расселения малых народов Китая в основном были преобразованы. Однако факты свидетельствуют об ином: влияние старых общественных форм ощущается здесь еще очень отчетливо, многочисленные проявления этого сплошь и рядом приводят к социальным и этническим конфликтам. Без углубленных этнографических исследований невозможно разобраться в глубинных причинах возникающих противоречий, стало быть, трудно и преодолевать их²¹.

Признавая важность практических задач, стоящих перед этнографической наукой в Китае, некоторые участники дискуссии вместе с тем выступали против абсолютизации широко распространенного ранее лозунга «изучение национальностей должно служить целям работы в национальных районах». Цзинь Тяньмин и Ян Цинчжэнь усматривают в подобной постановке вопроса причину свойственного китайской этнографии 50—60-х годов невнимания к изучению народов зарубежных стран. Одной из важнейших задач, требующих безотлагательного решения на современном этапе развития

¹⁵ Чэнь Цисинь. Об объекте, содержании, методе и задачах этнографии.— МЯ с. 113.

¹⁶ Хуан Хойкунь. В процессе практической работы создавать и развивать марксистскую этнографию.— МЯ, с. 41—42.

¹⁷ Там же, с. 42.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 42—43.

²⁰ Хуан Шупин. Развивать этнографию в нашей стране — требование социалистического строительства.— МЯ, с. 90—91.

²¹ Там же, с. 91.

исследования этнографии народов мира²².

Тесно связан с этим и вопрос о преодолении отставания китайской этнографии в области изучения собственно китайцев — ханьского этноса. В 30—40-х годах по мере того, как в Китае складывалась своя этнографическая школа, усилиями таких видных исследователей, как Фэй Сяотун, У Вэньцао, Линь Яохуа, были заложены основы систематического изучения социальной организации китайцев²³. Разумеется, в работах этих ученых, созданных под заметным влиянием идей функционализма, с точки зрения сегодняшнего уровня науки можно обнаружить немало методологических изысков. Тем не менее именно эти книги, ставшие объектом гипертрофированной критики в 60-е годы, характеризуют важный этап в истории этнографической науки в Китае. Однако после 1949 г. эта исследовательская традиция прервалась. Как в свое время справедливо указывал Н. Н. Чебоксаров, после создания КНР научно-исследовательские учреждения и учебные заведения, комитеты по делам национальностей и большинство местных музеев работы по этнографии китайцев не вели, так как вся их деятельность была подчинена главным образом практическим задачам экономического и культурного строительства национальных меньшинств²⁴. В результате этого возникла довольно парадоксальная ситуация: несмотря на значительные достижения китайских этнографов в первые 15 лет существования КНР они не создали ни одного сколько-нибудь значительного исследования по этнографии китайцев. По многим аспектам этнографического изучения китайцев до сих пор наиболее существенными остаются не китайские, а, например, японские работы²⁵.

За последние годы необходимость восполнения этого пробела стала вполне очевидной. Выступая на конференции в Гуйяне, Хоу Фаньюэ подчеркивал неотложность задачи сочетать исследования по этнографии народов Китая с изучением этнических общностей всего мира, ибо только широкий сравнительный подход способен привести к выявлению общих закономерностей этнического развития человечества. Вместе с тем неправильным было бы изучать малые народы Китая вне сопоставления их с китайским этносом — не только в плане типологии, но и с целью анализа их культурного взаимодействия²⁶.

Таким образом, дискуссия привела к формированию нового подхода к проблеме — обрисовалась преобладающая точка зрения, заключающаяся в признании объектом этнографической науки «всех этнических общностей, находящихся на различных этапах общественного развития»²⁷, без каких-либо ограничений как во времени, так и в пространстве. Такое понимание объекта этнографии фактически совпадает с общепринятым в советской науке. Примечательно, что обосновывая правомерность такого решения вопроса, Чжоу Гуанда ссылается на мнение С. П. Толстова: «Главным объектом этнографии являются все народы, на какой бы стадии развития общества они не находились»²⁸.

Более значительные расхождения обнаружились в связи с определением предметной области этнографических исследований.

Уместно вспомнить, что известный ученый начала XX в. Цай Юаньпэй, впервые употребивший в своих работах термин *миньцзусюэ* (этнография), писал: «Это наука, фиксирующая, сопоставляющая и изучающая культуру различных народов»²⁹. Чрезмерное внимание к культуре в ущерб прочим проявлениям сущности этноса рассматривается многими современными китайскими учеными как специфическая черта буржуазной науки³⁰. Чжоу Гуанда критикует Ян Куня за его определение этнографии как науки, изучающей «культуру и быт конкретных современных этносов»³¹, однако предпочитает говорить в данном случае не о «буржуазном», а о «традиционном» подходе к проблеме³². По его мнению, после создания КНР китайские ученые уже продемонстрировали свою способность преодолеть ограниченность традиционной трактовки предметных рамок этнографии. В ходе уточнения этнического состава населения Китая к 1953 г. было зафиксировано более 400 этнических самоназваний; предстояло определить, какие из этих наименований действительно имеют реальную этническую

²² Цзинь Тяньмин, Ян Цинцзэн. Указ. раб., с. 73—74.

²³ Fei Hsiaotung. Peasant Life in China. L., 1939; Fei Hsiaotung, Chang Chihi. Earthbound China: A Study of Rural Economy in Yunnan. L., 1949; Лю Синтан. Кровнородственная организация в Фуцзяне. — Шихо, 1936, т. 4. № 8; Ли Цзяжуй. Типология бэйпинских обычаев. Бэйпин, 1936; Чжан Цзыи. Ремесло в деревне Ицунь. Куньмин, 1943 и др.

²⁴ Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 140.

²⁵ О японских исследованиях по этнографии китайцев см.: Японская этнография: ретроспектива и перспектива (на яп. яз.). Токио, 1966, с. 266—280.

²⁶ Хоу Фаньюэ. О нескольких вопросах этнографических исследований. — МЯ, 1966, № 36.

²⁷ Ли Футун. О проблемах этнографического строительства. — МЯ, с. 162; ср. Цинцзун. О предмете, задачах и методе этнографии. — МЯ, с. 140 и др.

²⁸ Чжоу Гуанда. Некоторые вопросы создания и развития марксистской этнографии, соответствующей условиям Китая. — МЯ, с. 150.

²⁹ Цай Юаньпэй. Что такое этнография. — Избранные сочинения Цай Юаньпэя. Шанхай, 1959, с. 255.

³⁰ Хуан Хойкунь. Указ. раб., с. 40.

³¹ Ян Кунь. О некоторых проблемах этнографии. — Миньцзу яньцзю, 1979, № 2, с. 51.

³² Чжоу Гуанда. Указ. раб., с. 146.

основу. Успешное решение этой задачи было свидетельством профессиональности китайских этнографов. В дальнейшем в процессе написания серии работ истории и современному положению народов Китая узкие рамки традиционного понимания предмета этнографии еще раз были успешно преодолены³³.

Наиболее сильная сторона этнографических исследований в КНР, по мнению Хоу Фаньюэ, — примат изучения экономического базиса; он полагает, что в этом отношении достижения китайских этнографов не были превзойдены ни в одной другой стране³⁴. Считая необходимым и в дальнейшем развивать это направление, Ян Хэшу видит главную задачу этнографической науки прежде всего в исследовании проблем общественных формаций: пережитков первобытнообщинного строя; перехода от одного этапа общественного развития к другому; разнообразных форм социального строя у народов, находящихся на одном уровне развития; зарождения элементов капитализма; формационной характеристики современных наций³⁵.

Наряду с этим высказывается и иная точка зрения: в прошлом китайские этнографы уделяли внимание в первую очередь социально-экономическим вопросам, и хотя в целом это было правильно, тем не менее вне поля зрения исследователей зачастую оставались проблемы изучения надстроечных явлений. К числу белых пятен в китайской этнографии относятся, в частности, анализ психологических особенностей этноса³⁶. Марксистское определение нации, замечает по этому поводу Лян Чжаотан, включает такой признак, как «общность психического склада»; но во время «культурной революции» психология, как и этнография, была объявлена лженаукой и поэтому неудивительно, что этнической психологией в Китае давно уже никто не занимается³⁷. Между тем этнопсихологические особенности народов имеют многочисленные проявления, они заслуживают самого внимательного изучения³⁸.

При всем многообразии подхода китайских ученых к проблеме предмета этнографической науки за отдельными подчас противоречивыми высказываниями просматривается все же тенденция изучать этнос как определенную систему, не ограничиваясь лишь социально-экономическими условиями его существования. В этом нельзя не видеть нового в понимании предмета своей науки китайскими этнографами.

Выявление предметной области этнографии тесным образом связано с определением ее соотношения со смежными областями науки. Некоторые китайские этнографы исходят из представления об этнографии как составной части исторической науки. Эта точка зрения была сформулирована еще в ряде установочных статей в конце 50-х годов³⁹. Рассматривая изучение отдельных явлений культуры в качестве наиболее характерной черты буржуазной этнографии, Хуан Хойкунь видит в этом отчетливое свидетельство ее антиисторизма. А поскольку этот автор, как уже говорилось, считает главным объектом марксистской этнографии «современные первобытные народы», то изучение их «в конечном счете имеет своей целью освещение истории». Столь же категорично составной частью исторической науки считает этнографию Я Хэшу. Несмотря на своеобразие методов исследования, утверждает он, этнография изучает главным образом историю развития общества⁴¹.

С несколько иных позиций подходит к проблеме Ма Яо. История имеет несравненно более широкую предметную область, чем этнография, полагает он. С другой стороны, история изучает лишь прошлое, этнография же изучает и прошлое, и современность. При этом она изучает прошлое, анализируя особенности современных народов и это принципиально отличает ее от истории⁴².

Еще дальше идут в этом направлении Цзинь Тяньмин и Ян Цинчжэнь. Этнография всегда и везде изучала лишь то, что в тот или иной период времени являлось для исследователя современностью. Это справедливо даже в отношении раннего этапа накопления этнографических знаний. Великий древнекитайский историк Сим Цянь включил в свои «Исторические записки» главы, посвященные иноземным народам, и описал особенности их хозяйства, материальной культуры, верований. То же самое может быть сказано о Геродоте, чьи сообщения о различных народах представляют собой правдивую фиксацию сведений об этнографической специфике населения различных континентов. В еще большей степени это свойственно этнографии, оформившейся в XIX в. как научная дисциплина. Соответственно, считают они, марксистская этнография — это наука, имеющая своей главной целью изучение современного состояния народов мира. Поэтому «этнография не может рассматриваться как составная часть исторической науки»⁴³.

³³ Там же, с. 147—148.

³⁴ Хоу Фаньюэ. Указ. раб., с. 36.

³⁵ Ян Хэшу. О месте исследований социально-экономических формаций в марксистской этнографии. — МЯ, с. 105—107.

³⁶ Ма Яо. Мой взгляд на этнографию. — МЯ, с. 26—27.

³⁷ Лян Чжаотан. В нашей стране должна быть своя собственная этнография. — МЯ, с. 15.

³⁸ Лю Боцзянь. По поводу создания системы этнографической науки в Китае. — МЯ, с. 58—59.

³⁹ Су Кэцин. Указ. раб., с. 11.

⁴⁰ Хуан Хойкунь. Указ. раб., с. 40—41.

⁴¹ Ян Хэшу. Указ. раб., с. 100.

⁴² Ма Яо. Указ. раб., с. 22—23.

⁴³ Цзинь Тяньмин, Ян Цинчжэнь. Указ. раб., с. 72.

Наконец, высказывалась и еще одна точка зрения. Отстаивавший ее Чэнь Цинь подчеркивает, что исследовательским методом этнографии является комплексное изучение современности и прошлого⁴⁴. Развивая эту мысль, Хуан Шупин указывает на тесную взаимосвязь между этнографией и историей, причем «история не может менять этнографию»⁴⁵. Когда этнография изучает особенности этносов, она стремится выявить исторические предпосылки их формирования и процесс их трансформации; здесь этнография пересекается с историей. Принцип историзма — характерная черта марксистской этнографии. Советская этнографическая наука, отмечает Хуан Шупин, всегда уделяла внимание историческому развитию народов мира⁴⁶. Расхождения во мнениях о соотношении этнографии и истории предопределили отсутствие единства взглядов на этнографические субдисциплины. С одной стороны, этнография рассматривается как комплексная наука, предметная область которой охватывает практически все явления, процессы и отношения, исследуемые под этническим углом зрения⁴⁷. Поэтому и теория национального вопроса, и этническая история в равной мере являются подразделениями этнографии. В противоположность этому обосновывается тезис о том, что чрезмерное расширение рамок этнографии нелепообразно⁴⁸. Соответственно правомерна постановка вопроса о соотношении между этнографией и теорией этноса, этнографией и историей этносов, этнографией антропологией и т. д.⁴⁹

Мы коснулись лишь части проблем, обсуждавшихся на конференции китайских этнографов в Гуйяне⁵⁰. Но и рассмотренный круг вопросов, как нам кажется, убедительно свидетельствует о резкой активизации исследований в области этнографической теории, о стремлении китайских ученых наметить пути развития этнографии в своей стране. И весьма симптоматичным для современного состояния этнографической науки КНР представляется неоднократно высказываемое китайскими учеными убеждение в том, что добиться коренного перелома в этом отношении невозможно без более широкого обмена идеями и научной информацией, без тщательного анализа всего сделанного этнографами других стран. Резко критикуя положение, сложившееся к концу 60-х годов, многие участники конференции указывали на необходимость исправить ошибки прошлого, когда начав с огульного отрицания западной этнографии, тем целиком отвергли и советскую этнографическую науку⁵¹. Нельзя не приветствовать в этом плане появление обстоятельных статей, в которых на большом материале детально и объективно анализируется вклад в этнографическую науку наиболее видных этнографов Запада⁵². Черед советских ученых, видимо, еще не настал. Сегодня некоторые китайские этнографы по-прежнему требуют «покончить с влиянием советской этнографии»⁵³, хотя все же создается впечатление, что делается это скорее по инерции, нежели обусловлено генеральной стратегией развития науки. Китайские этнографы сейчас еще слабо знакомы с тем, над чем работают советские ученые (показательно, что участники дискуссии 1980 г. цитировали в своих докладах работы советских авторов, опубликованные в основном 20—25 лет назад). Но положение начинает меняться. За последние годы резко увеличилось число статей советских этнографов, опубликованных в китайской научной периодической печати⁵⁴; начинают появляться и переводы монографий⁵⁵. В этом также нельзя не видеть отражения тех значительных сдвигов, которые происходят сейчас в китайской этнографической науке.

⁴⁴ Чэнь Цисинь. Указ. раб., с. 117.

⁴⁵ Хуан Шупин. Указ. раб., с. 87.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ши Чжэнъи. Некоторые вопросы развития этнографии в Китае.— МЯ, с. 170.

⁴⁸ Хуан Шупин. Указ. раб., с. 86.

⁴⁹ Лю Сяоюй. Коротко об определении этнографии и ее предмете.— МЯ, с. 133—

⁵⁰ Специального обзора заслуживает, в частности, дискуссия о понятии «этнос», методике этнографических исследований и т. д.

⁵¹ См., например: Чжоу Гуанда. Указ. раб., с. 153.

⁵² Ян Кунь. О структурной антропологии Леви-Стросса.— МЯ, с. 300—318; У Цзэн-нь, Чжан Сюэхой. Коротко о Боасе и американской исторической школе.— МЯ, 319—337 и др.

⁵³ Ян Хэшу. Указ. раб., с. 101.

⁵⁴ См. например: Бромлей Ю. В. Этнические процессы как объект этнографического исследования.— Миньцзю ишун, 1979, № 2; его же. Основные типы историко-культурных общностей и тенденции их развития.— Там же, 1981, № 5; Аругюв С. А. Этническое и межэтническое в культуре.— Там же, 1981, № 2; Аругюв Ю. В., Дробизева Л. М. Этносоциологические исследования в СССР.— Там же, 81; № 6; Крюков М. В. У истоков древних культур Восточной Азии. Каогуцанькао илюо, 1979, № 1; Першиц А. И. О ранних формах семьи и брака.— Миньцзю ишун, 81, № 6 и др.

⁵⁵ Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Чэнду, 1980 (на кит. яз.); арэв С. А. История зарубежной этнографии. Шанхай, 1983 (на кит. яз.), и др.

Профессиональные искусствоведы редко обращаются к анализу первобытных истоков искусства, предпочитая ограничиваться изучением его развитых форм. Отдельные работы, появляющиеся время от времени¹, не используют всей полноты накопленной информации об отдельных конкретных памятниках палеолитической живописи и скульптуры и чаще всего бывают умозрительны при истолковании как сюжетов первобытного искусства, так и бытовой обстановки, в которой оно возникло. Наибольший вклад в исследование памятников палеолитического искусства всегда принадлежал археологам, ими найдены и исследованы пещеры с живописью, стоянки с костяной и глиняной скульптурой, рисунки на камне и кости. И на русском языке наиболее крупные труды по палеолитическому искусству на протяжении последних десятилетий принадлежат перу археологов З. А. Абрамовой, С. Н. Замятина, А. П. Окладникова, А. Д. Столяра, А. А. Формозова и др.

Однако феномен искусства так сложен, так многообразны его формы и их функциональное значение в рамках культурной системы, так велико влияние искусства на все аспекты общественной жизни на протяжении истории человечества, что проблема происхождения и смысла искусства является одной из ключевых в исследовании человеческой культуры, в ходе истории к ней неоднократно обращались, обращаются и сейчас философы и историки, искусствоведы и психологи, социологи и естествоиспытатели, этнографы и фольклористы. Тем интереснее обращение к этой теме крупного антрополога, уже выступавшего ранее с интересной трактовкой смыслового содержания искусства и выделения в нем двух отдельных, хотя и зависимых одна от другой сфер — искусства-образа и искусства-ритма². В рецензируемой брошюре развивается этот плодотворный подход и аргументируются некоторые соображения о месте искусства в жизни палеолитического человека и его значении в истории первобытного общества.

Книжка иллюстрирована прорисовками палеолитической живописи и скульптуры, многочисленных поделок из кости и камня, непосредственно не связанными с самим текстом, но дающими неспециалисту достаточно широкое представление о характере палеолитического искусства и соответствующими свободной манере авторского повествования. Известный импрессионизм, присущий этой манере, хорошо соединяется с предметом исследования, образует с ним органическое целое, ибо все написанное об искусстве в строго научной манере как-то обедняет саму тему, вызывая известный протест и сожаление об отсутствии эмоционального чувства и радости от общения с искусством.

Вводя в тему, автор кратко, но выразительно рассказывает об основных этапах истории изучения палеолитического искусства, особо останавливаясь на драматических событиях последних десятилетий XIX в., когда пещерная живопись была только что открыта и на первых порах горячая объявлена подделкой; излагает современные взгляды на ее датировку и периодизацию, приводит осуществленные А. Леруа-Гураном подсчеты числа разных сюжетов в картинных галереях палеолита. Но все эти сведения справочного характера нужны именно как ввод в тему, они играют второстепенную роль на фоне попытки разобраться в том, что собою представляло первобытное искусство в системе ценностей палеолитической культуры вообще и как его возникновение и развитие соотносится с этапами физической эволюции человека на протяжении палеолита. Антропологическая специализация как нельзя лучше помогает ответить на эти вопросы, особенно на последний из них.

Не касаясь сначала ряда специальных моментов, аргументированных на рецензируемых страницах, хочу отметить их материалистическую направленность и значение в марксистском истолковании палеолитического искусства, как демонстрации материальной, в какой-то мере даже утилитарной роли искусства в первобытных верхнепалеолитических коллективах. Этот аспект освещается в разделе «Каково было назначение искусства позднего палеолита?». Анализ магического содержания палеолитического искусства, его роли через магию в трудовой деятельности составил содержание многих работ советских исследователей, но, пожалуй, нигде связь искусства с материальной жизнью верхнепалеолитического человека не была подчеркнута с такой многосторонностью. Эта связь иллюстрируется автором демонстрацией позывательных аспектов искусства, особенно в области счета, ролью его как сплачивающей коллектив общественной силы, отражением в искусстве познания ландшафта, географических условий, в которых жили палеолитические люди. Строгий материалистический подход в противовес часто постулируемой в буржуазной науке узкой эстетической оценке палеолитического искусства отчетливо выражается и в дифференциации эмоционально-семантической природы искусства на искусство ритма и искусство образа. В то же время подобная дифференциация проводится очень осторожно тактично, автор сам показывает, как сложно переплетаются оба мотива в конкре-

¹ См., например: Корчаков В. А. К проблеме генезиса изобразительного искусства. — Сов. искусствознание, 1978, в. 1. М.: Сов. художник, 1979.

² Рогинский Я. Я. Изучение палеолитического искусства и антропология. — Вопросы антропологии, 1965, в. 21.

ных памятниках и как неправомерно чисто формальным путем подразделения тех или иных сюжетов даже раннего искусства по этим двум категориям.

Большого внимания и дальнейшего обсуждения, с точки зрения рецензента, заслуживают и многие другие положения, выдвигаемые Я. Я. Рогинским. Не отрицая у неандертальца, вслед за А. Д. Столяром и А. А. Формозовым, усложненной духовной жизни, служившей основой, на которой расцвело искусство верхнего палеолита, он в то же время правомерно показывает неразрывную хронологическую связь возникновения искусства с появлением *Homo sapiens*, вполне справедливо полагая, что в рамках развитой культуры современного человечества, в системе усложненной трудовой деятельности и разветвленной социальной организации общества искусство нужно не только обществу, но и отдельной личности. И автор убедительно объясняет, почему искусство удовлетворяет в своих образах мечту человека о порядке и гармонии в постоянно меняющемся и конфликтном мире и в то же время своими ритмами возвращает по природе своей аритмичному сознанию человека согласно со стабильными ритмами самого организма. Несколько цитат из античных и классических западно-европейских философов, затрагивавших ту же тему, очень оживляют текст соответствующего раздела, озаглавленного «Какая же главная особенность искусства?».

В то же время хотелось бы отметить неполноту изложения данных, относящихся к познавательной сфере палеолитического искусства. Автор опирается на работы Б. А. Фролова по истолкованию повторяющихся нарезок на палеолитических поделках в качестве следов нарождающегося счета. Б. А. Фролов выявил особое значение числа 7 в этом счете, аргументировав это как значением этой цифры в астрономических явлениях (лунный календарь и т. д.), так и физиологическими особенностями человеческой психики, в частности ограниченностью одновременной памяти человека, запоминанием максимум семи объектов. Это последнее важное обстоятельство выпало из изложения. Выпало и изложение работ американского исследователя А. Маршака, которые содержат богатый набор наблюдений, дополняющих наблюдения Б. А. Фролова.

В целом рецензируемая брошюра заслуживает высокой оценки как серьезный вклад в изучение функций изобразительного искусства в палеолите.

В. П. Алексеев

НАРОДЫ СССР

Социальные перемещения в студенчество. (По материалам социологических исследований в Советской Прибалтике)/Отв. ред. Титма М. Х. Вильнюс: Минтис, 1982. 280 с.

Характерной чертой развития научного знания в нашей стране в последние годы является повышение интереса специалистов разных научных дисциплин к проблемам и методам смежных наук. Тесная взаимосвязь всех процессов и явлений в современном мире диктует необходимость все более широкого контакта, сотрудничества и взаимобогащения специалистов разных отраслей знания, без чего уже невозможно полное и всестороннее решение конкретных задач в той или иной области исследования.

Вопросы развития социальной структуры народов постоянно находятся в поле зрения этносоциологов и этнографов. «...Этнографическое изучение современных национальных процессов предполагает не только выявление изменений собственно этнических параметров нации, но и раскрытие зависимости такого рода изменений от их социально-экономической динамики»¹. Совершенствование социальной структуры нации, рост ее наиболее квалифицированных отрядов, в том числе интеллигенции, служат одним из важнейших показателей национального развития. Народы и отдельные регионы существенно различаются не только по численности, но и по отраслевому составу интеллигенции, а также по распределению ее между городом и селом и т. д. Эти вопросы, имеющие как теоретическое, так и практическое значение, привлекают сейчас все более пристальное внимание социологов, экономистов, историков и других исследователей². Они занимают особое место во Всесоюзном исследовании, проводимом Сектором конкретных социальных исследований культуры и быта народов СССР Института этнографии АН СССР по программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» под руководством Ю. В. Арутю-

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 359.

² См., напр.: Формирование и развитие советской многонациональной интеллигенции. Материалы Всесоюзной научной конференции «Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма». М., 1979; Гафт Л. Г., Игитханян Е. Д. Некоторые особенности воспроизводства советской интеллигенции. (На материалах республик Прибалтики). — В кн.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг. Тезисы докладов. Уфа, 1980; Руткевич М. Н. Сближение национальных республик и наций СССР по социально-классовой структуре. — Социологические исследования, 1981, № 2; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татар. АССР. М.: Наука, 1973; Арутюнян Ю. В., Кахк Ю. Социологические очерки о советской Эстонии. Таллин, 1979; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980.

ветской интеллигенции изучены пока недостаточно. Именно поэтому заслуживает внимания недавно вышедшая книга «Социальные перемещения в студенчестве», написанная на основе анализа материалов по трем Прибалтийским республикам. Цель книги — выявить общие черты и особенности формирования новых отрядов интеллигенции в разных республиках и языковых средах, а также показать основные жизненные ориентиры студенческой молодежи.

Социологический материал для книги собирался во всех вузовских городах Прибалтики: было опрошено около 9 тыс. студентов. Выделялось два выборочных массива, репрезентативных как для всех Прибалтийских республик, так и для каждой из них. Выборка носила многоступенчатый характер; учитывались пол, профессионально-отраслевая специализация студентов, курс и язык обучения. Хотелось бы сразу отметить, что такой показатель, как язык обучения в вузе, нельзя полностью идентифицировать с национальной принадлежностью, как это иногда делают авторы (с. 106, 115, 135). Если молодежь, обучающуюся на эстонском, литовском или латышском языках, с определенной степенью условности можно считать, в основном, представителями коренных национальностей соответствующих республик, то среди русскоязычных студентов прибалтийских вузов немало людей нерусской национальности, в том числе белоруссов, украинцев, евреев. В последние годы усилился приток в вузы Прибалтики молодежи из Закавказских республик, в частности из Грузии, где несколько понизился прием студентов. В то же время такой фактор, как язык обучения, нельзя игнорировать хотя бы потому, что он позволяет выделить определенные социальные характеристики групп людей, ориентированных на русский язык и живущих в инонациональном окружении.

В зависимости от основных задач исследования книга подразделяется на несколько глав, посвященных вопросам воспроизводства студенческой аудитории, характеристике профессионально-отраслевых отрядов студенчества, его жизненных ориентаций.

Весьма серьезные и важные результаты были получены учеными при исследовании социальных источников пополнения студенчества Прибалтики. Повышение качества подготовки молодежи из всех слоев населения, в том числе сельского, ведет соответственно к расширению социальной базы студенчества. В то же время собранные материалы показали, что в настоящее время во всех Прибалтийских республиках самый большой контингент студентов составляют выходцы из семей интеллигенции, прежде всего творческой, и медицинских работников. Наиболее склонной к самовоспроизводству оказалась русскоязычная среда. Вполне правомерно авторы прослеживают зависимость особенностей социального состава студенчества от социальной структуры населения, отмечая при этом определенное несоответствие доли интеллигенции среди населения и студентов (у последних она выше). Если обратиться к материалам по другим республикам, то можно обнаружить примерно аналогичную ситуацию. В то же время степень самовоспроизводства интеллигенции у разных народов не вполне одинакова и зависит от многих факторов. У русских, например, живущих в инонациональном окружении, этот процесс в немалой степени связан с масштабами подготовки специалистов коренных национальностей, на что также обращают внимание авторы книги. Определенную роль играет уровень социально-экономического развития республик, особенности их исторического пути. Так, например, в Литве, в прошлом отсталой, где темпы социально-экономического и культурного роста особенно стремительны, круг социальных источников формирования студенчества шире, чем в соседних республиках. Этот вывод, видимо, можно отнести к ряду других республик.

В книге глубоко проанализирована роль в воспроизводстве студенческого контингента и таких факторов, как образование родителей, место рождения молодых людей и место их жительства при окончании школы, оценки в аттестате и на приемных экзаменах, тип среднего образования (общеобразовательная, специализированная школы, техникум и т. п.), социальное положение студентов, работавших до поступления в вуз, их трудовой стаж, жилищные условия и т. п. Мы видим, что авторы старались учесть как можно более широкий круг показателей, в той или иной мере влияющих на формирование студенческой аудитории. Добиваясь всестороннего учета всех факторов, они, например, принимали во внимание социально-профессиональное положение матерей опрошенных студентов, выявив более важное значение этого показателя по сравнению с социально-профессиональным положением отцов. Подобный фактор ранее мало учитывался в аналогичных работах. Особое влияние социально-профессионального статуса и образовательного уровня матери на социальное продвижение человека было отмечено и по результатам всесоюзного исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», что должно продемонстрировать исследователям значимость этого показателя.

Весьма важную роль, как с теоретической, так и с методической точки зрения, играют использованные в книге приемы типологизации исследуемых явлений. Несомненный интерес у этнографов должна вызвать типология семей по социально-профессиональному и образовательному признакам.

Глубокий анализ эмпирических материалов позволил авторам сделать ряд выводов, которые в той или иной мере могут быть значимыми и для других республик и регионов, такие, например, как выводы о важной роли социально-территориальных признаков среди факторов, влияющих на воспроизводство студенческого контингента (что связано с существенными различиями в уровне подготовки молодежи в системе сред-

³ Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования). — Сов. этнография, 1972, № 3.

ю образования в разных населенных пунктах); о некоторых особенностях влияния социально-гетерогенных и социально-гомогенных семей на успеваемость учащихся; об изменении мобильности молодежи в связи с необходимостью приобретения среднего и высшего образования и др.

Такой же комплексный, всесторонний подход применяется и в других разделах книги. Например, в главах, посвященных анализу основных жизненных ориентаций студенческой молодежи, авторы не только характеризуют ориентации студентов на различные виды деятельности, в том числе на формы досуга, но и выделяют определенные типы жизненных ориентаций, различные уровни социальной активности и т. п. Этот раздел будет особенно интересен этнографам, так как он непосредственно связан традиционными этнографическими темами — духовной культурой, проведением досуга и т. п. Он важен и для определения перспектив развития всего нашего общества. Поскольку интеллигенция играет в нем все более весомую роль, то ее нравственный облик, ее жизненные позиции имеют немаловажное значение. Показателем приведенный в книге вывод, что для большинства студентов, независимо от республики проживания языка обучения, социально-активная позиция является неотъемлемой чертой жизни. Ориентации на самовыражение в труде, на профессиональную деятельность, альтруизм — основа ценностей в сфере труда и образования изучаемого студенческого контингента, что еще раз подтверждает общность основных жизненных ориентаций советской молодежи, соответствующих идеалам нашего общества, нашего трудового образа жизни.

В книге детально проанализированы и некоторые особенности жизненных ориентаций, свойственные студентам разных профессионально-отраслевых отрядов, языковых групп, юношам и девушкам и т. д. Авторы связывают эти особенности со спецификой воспитательной системы, системы массовых коммуникаций в отдельных республиках, национальными традициями. К приведенному перечню можно добавить влияние особенностей прошлого исторического развития республик и национальностей, их хозяйственно-бытового уклада, территориального размещения, а также реальное положение в обществе представителей тех или иных профессий или занятий. В книге, конечно, довольно мало сравниваются ценностные ориентации студенческой молодежи молодых людей, не имеющих высшего образования. К этому следовало бы добавить также сведения о тех, кто пытался попасть в высшие учебные заведения, но не прошел конкурс. В материалах данного исследования зафиксирована, например, высокая активность студентов профессий, требующих высшего образования, что вполне естественно. В то же время авторы констатируют, что, по данным других исследований, проведенных в Эстонии, престиж высшего образования у молодежи несколько падает (с. 116).

Вопросы ориентации молодежи в сфере труда и образования сейчас весьма актуальны, они непосредственно связаны с одной из основных проблем сегодняшнего дня — рациональным размещением и использованием трудовых ресурсов, важность которой подчеркивалась на XXVI съезде КПСС. Рецензируемая книга вносит свой вклад в ее решение.

Проблемы ориентации молодежи поднимаются и в разделе книги, посвященном внимательному анализу основных профессионально-отраслевых отрядов студенческой молодежи. Следует подчеркнуть, что поставленные в этом разделе вопросы еще весьма неполно освещены в литературе, в особенности в региональном и языковом аспекте, учет которых, безусловно, необходим. Отрасли народного хозяйства союзных республик развиваются сейчас быстрыми темпами, потребности в работниках того или иного профиля не всегда стабильны. Система высшего образования отдельной республики иногда не может достаточно оперативно их удовлетворить. В этих условиях расширение и углубление межреспубликанских контактов в сфере специального образования приобретает все большее значение. Возрастает и роль русского языка как средства осуществления. Авторы вполне справедливо указывают на необходимость изменения профессионально-отраслевого состава студенчества на фоне профессионально-структурной занятости населения, хотя в книге такая задача не ставится. Можно также сказать, что те особенности, которые обнаружило исследование у молодежи разных республик и языковых групп, имеют место и у работающего контингента. Авторы говорят, например, о преобладании среди русскоязычной студенческой молодежи будущих инженеров и медиков, среди литовцев — будущих педагогов, среди латышей — инженеров и работников творческих профессий, среди эстонцев — специалистов сельского хозяйства, экономистов, гуманитарной интеллигенции (с. 136). Если условно приравнять русскоязычных студентов к русским, то, сравнивая эти данные с материалами других исследований, в частности проводимого Сектором конкретных социальных исследований культуры и быта народов СССР Институтом этнографии СССР, можно отметить, что политехническая ориентация характерна для русского населения всех союзных республик, причем доля русских среди инженерно-технических специалистов выше, чем среди студентов. Специализация же коренных национальностей зависит от многих факторов, в числе которых, как справедливо указывают авторы исследования, уровень социально-экономического развития, хозяйственная специализация, трудовые традиции национальностей, потребность в тех или иных профессиях и пропаганда в республиках и т. д.

Почти все рассматриваемые в книге проблемы имеют большое теоретическое, и практическое значение не только для республик Прибалтики, но и для других регионов. Книга весьма полезна идеологическим работникам, людям, занятым работой с молодежью.

Следует также отметить высокий методический уровень книги, благодаря чему она может служить в известной мере методическим пособием для всех исследователей, имеющих дело со сбором и обработкой массовых количественных материалов. Авторы удачно используют такие статистические методы обработки информации, как корреляционный, факторный, регрессивный, дисперсионный анализ, расчет значений «расстояния Колмогорова» и др. В конце книги помещена анкета, по которой проводился опрос студентов. Одновременно хотелось бы заметить, что иногда авторы несколько увлекаются математическими методами в ущерб логическим размышлениям в работе в большей мере даются ответы на вопрос, «как» происходит то или иное явление, «как» оно связано с другими факторами, и в несколько меньшей степени «почему» оно происходит. Однако это замечание не снижает значения рецензируемой книги как серьезного и глубокого научного исследования, масштабность которого, конечно, не соответствует рамкам одной книги.

Л. В. Остапенко

Н. А. Томилов. *Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (Хозяйство и материальная культура)*. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. 200 с.

Этнография сибирских татар изучена очень слабо. Сведения об их хозяйстве, быте и культуре, содержащиеся в дореволюционных изданиях, как правило, отрывочны и поверхностны. В работах советских этнографов и историков рассматриваются лишь отдельные стороны традиционного быта и культуры татарского населения разных районов Сибири.

Рецензируемая монография по существу первая научная работа, посвященная одной из групп этого народа — томским татарам. В основу книги положены полевые материалы, собранные автором или при его непосредственном участии в этнографических экспедициях Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (1969—1973 гг.) и материалы Западносибирской этнографической экспедиции Омского государственного университета (1971—1977 гг.). Автор привлек также сведения, имеющиеся в дореволюционной и советской литературе, изучил этнографические коллекции Музея антропологии и этнографии СССР в Ленинграде и ряда сибирских музеев.

Монография состоит из «Введения» (в котором даны историческая справка о формировании томской группы сибирских татар и характеристика привлеченных автором материалов), пяти глав (где последовательно рассматриваются хозяйство, средства передвижения, поселения, жилища и хозяйственные постройки, одежда, головные уборы и обувь, пища и домашняя утварь) и «Заключения».

Следует сказать, что «Введение» написано, пожалуй, излишне кратко. С нашей точки зрения, было бы закономерно включить в него общие сведения обо всех сибирских татарах, а не только о томских, рассказать об их численности, расселении, этнотерриториальных (этнографических) группах, на которые они подразделяются, диалектно-говорных и этнографических особенностях. Иначе непонятно, почему именно томские татары, сравнительно малочисленная этнографическая группа (4,3 тыс. чел. в составе сибирских татар, были выбраны автором в качестве объекта исследования).

К несомненным заслугам автора при описании хозяйства и материальной культуры следует отнести принятую им методику построения отдельных глав книги. Описание материала дается в строго выдержанном историческом плане. Н. А. Томилов стремится проследить развитие хозяйства и материальной культуры томских татар с XVII в. современности. Все источники исследуются тщательно и скрупулезно.

Наиболее полные сведения содержит глава I («Хозяйство»), где автор проследит изменения в соотношении различных видов хозяйственной деятельности, начиная с XVII в. до наших дней. Он отмечает постепенное отрицание архаической техники внедрение более передовых методов ведения хозяйства под влиянием русского населения и других пришлых этнических групп (прежде всего поволжских татар). В то время он показывает, что большую роль в изменении хозяйства томских татар играло бурное экономическое развитие этого района в период возникновения и развития капиталистических отношений (XIX—начало XX в.). Это привело к существенным переменам в типе хозяйства, развитии промыслов, земледелия и скотоводства. Вхождение населения татарских деревень в товарно-денежные отношения резко ускорило процесс его классового расслоения.

Автор рассматривает интегрированный хозяйственно-культурный тип рыболов-охотников-скотоводов у томских татар и последующую трансформацию его. Описание орудий охотничьего промысла и рыболовства сделано схематично. Многие из них только упоминаются, причем порой приводятся лишь их местные русские названия (например, «дорожки»), что без рисунков и описания конструкции мало говорит читателю. В этой связи следует сказать, что при всем богатстве и разнообразии иллюстративного материала он, как правило, немасштабен, фотографии и рисунки не привязаны или недостаточно привязаны к тексту, что, конечно, недопустимо в книге, посвященной описанию материальной культуры.

Менее удался автору раздел о хозяйстве томских татар в советский период. В нем приводятся факты, показывающие рост рентабельности сельского хозяйства томских татар в годы социалистических преобразований, резкое повышение материального

стояния, изменение социально-экономического положения населения (созиданий), что сказалось на всех сферах быта и культуры. И в то же время в этот дел включен маловыразительный, а порою и попросту устаревший материал.

Главы, посвященные различным сторонам материальной культуры томских татар, же начинаются с описаний, относящихся к XVII—XVIII вв., которые автор смог перенести из имеющейся литературы. Однако, к сожалению, большинство разделов материальной культуры можно восстановить в комплексе только с конца XIX в., когда многие традиционные черты уже были утрачены в результате сильного влияния русского населения и переселившихся в Сибирь поволжских татар. Автор вынужден реконструировать древние элементы культуры, привлекая сравнительный материал по этнографии других этнотерриториальных (этнографических) групп сибирских татар, некоторых коренных народов Сибири, Средней Азии и Поволжья и русских. Поставив задачу выделить самобытные черты материальной культуры томских татар, время и степень проникновения в их среду элементов культуры соседних этнических групп, автор четко определяет различные причины изменения форм традиционной культуры и эта этой этнографической группы — влияние соседних народов, социально-экономические и политические условия в царской России и др. Коренные перемены в материальной культуре томских татар произошли в годы Советской власти. В монографии хорошо показано, что главным фактором этих перемен явилось социалистическое строительство. Большой интерес для определения степени сохранения в быту современных томских татар традиционных элементов культуры представляет использование анкетного материала (1479 опросных листов для изучения современных этнических процессов).

Монография вводит в научный оборот большой этнографический материал по традиционной и современной культуре томских татар. Историко-генетический анализ явления материальной культуры позволяет автору поставить вопрос об особенностях этнической истории сибирских татар. Вывод о незавершенности процесса их этнической консолидации и исторических причинах этого явления нам кажется достаточно обоснованным. Работа Н. А. Томилова представляет определенный вклад в решение проблемы этногенеза этой сложной по своему происхождению этнической общности путем выявления ее этногенетических и историко-культурных связей с самодийскими, тюркскими и угорскими народами Сибири и сопредельных территорий.

Порою автор выходит за рамки поставленной задачи. Так, изучение разных хозяйственно-культурных типов у томских татар и некоторых соседних народов Западной Сибири (части алтайцев, шорцев, чулымских тюрков, отдельных групп южных хантов манси) позволило Н. А. Томилову выдвинуть идею о существовании своеобразного интегрированного хозяйственно-культурного типа рыболовов-охотников-скотоводов лесостепной и южной части лесной зоны.

К сожалению, указанные главы не лишены и ряда недостатков композиционного характера. Крайне схематично, на двух страницах (с. 71—72), в главе II представлен раздел о современных средствах транспорта. В главе IV («Одежда») нам кажется неоправданным то, что вопреки принятому в этнографической литературе порядку описания автор дает сначала женскую, а потом мужскую одежду. Некоторые элементы одежды охарактеризованы недостаточно четко, встречаются неудачные определения. Например описание женской рубахи русского покроя «...из четырех продольных кусков ткани. Эта рубаха состояла из двух частей: верхней и нижней (подола)» (с. 142). Вряд ли правильно говорить о штанах типа «шаровар» (с. 146). А вот покроя штанов «чамбар» автор совсем не описывает, ссылаясь на аналогию с телеутскими, а сам указывает далее, что этот тип, по его мнению, является одним из древнейших татарской одежде (с. 146, 176).

Отмеченные недостатки преимущественно мелкие и в целом не снижают научного уровня и значимости рецензируемой работы. Новая монография Н. А. Томилова представляет собой серьезный вклад в этнографическую литературу о Сибири. Следует отметить научную добросовестность автора, обосновывающего свои положения разнообразным фактическим материалом, а также тщательно выполненный справочный аппарат.

В. И. Васильев, И. В. Захарова

Е. Кварчия. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Су-ми: Алашара, 1981. 136 с.

Заглавие книги В. Е. Кварчия как будто противоречит тому, чтобы рецензия на нее была опубликована в журнале, проблематика которого имеет мало общего с работой чисто лингвистического характера. Поэтому прежде всего следует сказать, что работа относится к тем лингвистическим исследованиям, которые не ограничиваются лишь этимологией, фонетическими и структурными характеристиками материала.

В книге охвачен широкий круг проблем, и едва ли я ошибусь, если замечу, что ографии (как современной; так и исторической) в нем уделяется ничуть не меньше внимания, нежели собственно лингвистике.

Цель автора, как сам он пишет, не только «представить в наиболее полном объеме изскую животноводческую (пастушескую) лексику, показать место последней в варном составе языка, выявить источники и пути ее образования» (с. 9—10); в не вышей степени «на основе этимологического анализа этой лексики делается попытка

осветить некоторые аспекты истории животноводства у абхазов и турно-исторических связей с другими народами» (с. 10).

Что касается исследуемого материала, то, по заявлению автора, «значительная часть этого материала собрана в районах Абхазии путем устного опроса опытных животноводов, преимущественно представителей старшего поколения» (с. 10). Кроме того, значительная его часть извлечена (тоже автором) из различных научных публикаций, «а также из словарей, художественной литературы и периодической печати» (там же). Таким образом, в работе В. Е. Кварчия представлен терминологический материал (более 1500 лексических единиц) с соответствующей его этнолингвистической характеристикой, относящийся практически ко всем уровням исторического развития абхазского этноса.

Автор пользуется сравнительным методом. В целом ряде случаев В. Е. Кварчия воссоздал исторически верную картину взаимоотношений и взаимовлияний абхазов с соседними народами, в частности адыгскими (как и северокавказскими в целом), картвельскими (мегрелами, а также восточными грузинами) и др. Он приводит сравнительный материал из тюркских, иранских, древних малозападных, угро-финских и других языковых семей и групп. Правда, в исследовании языка и этнографии абхазов он не является пионером. В его распоряжении был богатый исследовательский опыт таких ученых, как Н. Я. Марр, Н. Трубецкой, В. И. Абаев, Г. А. Климов, К. В. Ломтадзе, А. К. Шагиров, Г. З. Шакирбай, Ж. Дюмезиль, П. К. Услар, А. М. Дирр и др. (в том числе и научный редактор рецензируемой книги Б. Х. Балкаров). Но ценности исследования В. Е. Кварчия заключается и в том, что если перечисленные ученые пользовались материалами абхазского языка, в большинстве случаев владея им пассивно, то для В. Е. Кварчия исследуемый материал является родным.

Принципиальных замечаний к рецензируемой работе у меня нет. Что же касается частных, то они сводятся к следующему.

Хотя автор и привлекает в значительном объеме иноязычные материалы, но в этом отношении не обошлось без досадных погрешностей. Безусловным упущением исследователя является отсутствие в его труде сравнительных данных сванского языка и лазского диалекта мегрело-чанского языка. А между тем эти языки, носители которых в историческом и культурно-бытовом отношении абхамам ближе, чем даже родственные им по языку адыгские народы, дали бы автору обильный материал для общетеоретических выводов¹. К недостаткам работы следует отнести и полное отсутствие данных армянского языка, хотя в распоряжении исследователей имеется многотомный словарь армянского языка Гр. Ачаряна².

Целый ряд этноязыковых сопоставлений носит абстрактный характер, без тщательного выявления промежуточных звеньев, как бы вне времени и пространства. Например, абхазское слово *а-раш* — «мифический крылатый конь» — В. Е. Кварчия возводит к древнетюркскому *ораха* — «прекрасный» (из персидского *роушан* — «светлый», «ясный», «сияющий», «видный»), а также сопоставляет с немецким *Ross* — «конь» и, наконец, приводит зооним *раш* — «конь из персидской эпопеи» (с. 90). Приведенные автором древнетюркское и персидское слова по своему значению имеют мало общего с разбираемым абхазским термином. Их взаимосвязь опосредована мегрельским *раш-и* — «сказочный конь» (из общегрузинского фольклора) и восходит к названию коня Рустема — героя поэмы Фирдоуси «Шах-намэ» (В. Е. Кварчия неточно именует «персидской эпопеей»), сказания о котором получили широкое распространение в Грузии под общим названием «Ростомияни»³. Ни литературные источники, ни фольклор абхазов не свидетельствуют о наличии непосредственных этнокультурных контактов между ними и древними или средневековыми иранцами. Даже само абхазское название иранцев — *аджам* заимствовано из арабского через турецкий, т. е. не ранее XVI—XVII вв.

То же самое следует заметить и относительно слова *а-камбаш* — «буйвол». Говоря об исходных формах этого слова, В. Е. Кварчия на первое место ставит северокавказские его варианты, увязывая с ним и картвельские — груз. *камеч-и* мегр. *камбеш-и* (с. 85). Все указанные разновидности данного термина со ссылкой на В. И. Абаева возводятся к персидской *gomeš* (кстати, это древнеперсидское слово в осетинском языке В. И. Абаев считает заимствованием из грузинского⁴). Но дело в том, что абх. *а-камбаш* фонетически не соотносится ни с одной из приводимых В. Е. Кварчия архаичных форм указанного термина, а примыкает лишь к мегрельской

¹ Не говоря уж о том, что в рецензируемой работе не сказано о таких крупных лексикографических трудах, обильных также и этнографическими сюжетами, как «Словарь грузинского языка» С.-С. Орбелиани, восьмитомный «Толковый словарь грузинского языка» и мн. др., в своем исследовании В. Е. Кварчия практически не использовал работы Н. Я. Марра (Грамматика лазского (чанского) языка с хрестоматией и словарем. СПб, 1911) и И. Кипшидзе (Грамматика мингрельского языка с хрестоматией и словарем. СПб, 1914), а также многочисленные этимологические публикации по картвельским языкам Г. А. Климова, выполненные на основе широкого сравнительного анализа, и т. д.

² Ачарян Гр. Этимологический коренной словарь армянского языка. Т. I—IV. Ереван: Изд-во Ереванского гос. ун-та, 1971—1979 (на арм. яз.).

³ Грузинские версии «Шах-намэ». Т. I. Тифлис, 1916. Т. II. Тбилиси: Мецниере, 1976 (на груз. яз.).

⁴ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1958, с. 618.

и именно через последнюю восходит к грузинской, в свою очередь связанной с персидской, и, таким образом, выявляется широкий план этноязыковых связей абхазского народа.

Определенный культурно-исторический интерес представляет привлекаемый автором термин *адзат* — «ритуальное (священное) животное». «В прошлом каждое сеиство абхазов, — пишет автор, — старалось иметь корову, специально посвященную горцам (богам) — *ашацда*. Такая корова отпускалась с прорезанным ухом, и она пользовалась особым вниманием со стороны хозяев» (с. 106). Замечу, что аналогичный случай существовал и у некоторых соседних абхазам групп, например мегрелов. Предположение автора о связи указанного термина с турецким *azat* — «свободный», «освобожденный», «отпущенный» (там же) — можно уточнить. Дело в том, что турецкий язык, в котором *azat* представляет собой заимствование или из персидского, или из армянского, мог быть лишь передаточным звеном между этими языками и абхазским.

Разбирая термин *а-пина* — «порода маленьких собак, пудель», В. Е. Кварчия пишет: «По-видимому, восходит к тур. *bina* — „видящий“, „зоркий“. „проницательный“» (с. 102) — и сюда же относит груз. *phinia* и аналогичное мегрельское слово. Связь абхазского и грузинского слов с приведенным турецким ввиду смыслового несоответствия несостоятельна. Слово *а-пина* восходит к грузинскому *пин-неба* с приращением в мегрельском и западногрузинских диалектах уменьшительного суффикса *-иа* и значит «стелиться», «ластиться», «ласкаться»⁵.

Анализируя народный термин *м-дзысхьа* — «коза, окотившаяся в раннем возрасте», автор отмечает нетипичную для абхазского языка префиксальную фонему *м-* и предположительно считает ее приращением, характерным только для абжуйского диалекта (с. 79). Действительно, наращение *м-* (по специальной терминологии — эпен-теза) в данном случае носит неэтимологический характер и представляет собой след фонетического влияния мегрельского (в котором этот элемент является типичным и широко представлен) на абжуйский диалект абхазского языка.

Примечательна общность в абхазском и мегрельском термина *а-кабла* — «годовалый теленок» (самка), указывающая на тесные этнокультурные связи абхазов с соседними народами. По замечанию В. Е. Кварчия, этот термин «бытует преимущественно в Абжуйской Абхазии и в соседней Мегрелии». Говоря о соотношении этого термина в двух названных языках, автор пишет: «Трудно сказать, кто у кого заимствовал. По-видимому, первоисточник перс. *габилеи* — „племенной, родовой“» (с. 83—84). Если даже признать это наблюдение автора верным и видеть в мегрелах одно из передаточных звеньев между иранцами и населением Абхазии, то здесь (как и в целом ряде случаев) мы имеем дело с одним из тех фактов, на которые указывал еще Н. Я. Марр, писавший, что историческая близость абхазов и мегрелов вырабатала у них общие «народные религиозные верования и многие стороны бытового культа, иногда до степени идентичности с общностью терминологии»⁶.

В целом работа В. Е. Кварчия вполне заслуживает положительной оценки. Она написана не только с привлечением обширного круга материалов, в ней дан также квалифицированный их анализ, и потому рецензируемый труд может сыграть важную роль в аналогичных исследованиях, необходимость которых давно назрела.

Наши замечания не отражаются на общей оценке труда В. Е. Кварчия, значение которого определяется не отдельными его погрешностями, а несомненными достоинствами. Указанные недочеты лишь свидетельствуют о том, сколь трудны были задачи, стоявшие перед автором, и как много еще предстоит сделать в области изучения народной терминологии, о значении которой можно сказать словами выдающегося советского ученого В. В. Виноградова, приведенными в начале рецензируемой работы: «История терминологии — это проблема не только национально-историческая, но и интернациональная, проблема истории мировой науки и проблема истории человеческих цивилизаций, истории и культурных взаимодействий и группировок народов».

Г. В. Цулая

⁵ Ср. Иллич-Свитыч В. М. *Caucasica*. — В кн.: Этимология. 1964. М.: Наука, 1965, с. 336—337.

⁶ Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 5. М.—Л., 1936, с. 28.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост., автор предисл., примеч. и комментариев Л. А. Чибиров. Книга 1. Цхинвали: Ирыстон, 1981. 303 с.; книга 2. Цхинвали: Ирыстон, 1982, 371 с.

Материалы периодической печати уже давно и прочно вошли в круг этнографических источников. Кавказоведы также часто и охотно их используют. В настоящее время трудно представить исследование, посвященное быту и культуре кавказских народов прошлого и начала этого века, без привлечения ценнейших сведений, которые можно почерпнуть в многочисленных газетах, выходивших в то время во многих городах Кавказа. На это есть веские причины.

Русская дореволюционная печать — в особенности провинциальные издания — всегда уделяла значительное внимание быту и нравам местного населения. Кавказские издания не были в этом смысле исключением. На их страницах очень часто, по-

рой из номера в номер, печатались статьи, заметки, корреспонденции, содержащие этнографические материалы и вызывавшие огромный интерес у читателей. Эти публикации не одинаковы по своей научной ценности и полноте содержащихся в них сведений, поскольку их авторами наряду с видными исследователями истории и этнографии Кавказа выступали представители местной военной и гражданской администрации, педагоги и общественные деятели, священники, просто любители «живой старины». Не все они обладали даром точно и достоверно описать виденное и слышанное. Однако, живя на Кавказе, эти люди имели возможность непосредственно наблюдать быт коренного населения, его традиции, обычаи и нравы. Поэтому в любом случае сообщаемые ими сведения являются для нас бесценным источником, ибо это живое и непредвзятый взгляд современников и очевидцев.

В то же время пользоваться обширными материалами дореволюционной периодики чрезвычайно трудно. Их разбросанность по тысячам газетных страниц, редкость самих газетных подшивок, имеющих лишь в центральных библиотеках страны — все это создает немало препятствий для кавказоведов. Поэтому выход в свет двух выпусков сборника «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах» может только приветствоваться. Их составитель — Л. А. Чибиров — собрал воедино наиболее ценные публикации по этнографии осетин, помещавшиеся в разные годы на страницах таких известных изданий, как «Тифлиссский вестник», «Тифлиссские ведомости», «Закавказский вестник», «Кавказ», «Новое обозрение», «Тифлиссский листок», «Кавбек», «Терек» и др. Таким образом, в руках исследователей сосредоточен материал, на поиск которого в иное время ушли бы дни, а может быть, и месяцы тяжелого, но необходимого труда.

Материалы сборника содержат информацию по самым различным вопросам этнографии осетин. Здесь можно найти сведения по хозяйству и материальной культуре, семейному и общественному быту, религиозным верованиям, есть прекрасные описания праздников и форм проведения досуга, приведены образцы устного народного творчества. Впрочем, перечислить все сферы культуры осетин, так или иначе затронутые на страницах сборника, невозможно. Большая удача Л. А. Чибирова в том и состоит, что он сумел подобрать источники, в которых отражены если не все, то, по крайней мере, многие стороны традиционного быта осетин.

В изданиях, подобных рецензируемому, возможна самая разнообразная подача материала. В первом выпуске Л. А. Чибиров избрал хронологический принцип — статьи следуют одна за другой в соответствии с датой их появления в печати. Такой принцип подачи материала мне представляется удачным, так как он дает возможность проследить за характером функционирования того или иного элемента бытовой культуры осетин на протяжении определенного временного отрезка, увидеть стабильность и изменчивость одних форм, динамику и пластичность других. Одновременно можно проследить, как год за годом у читающей кавказской публики, следившей за местной периодической печатью, рос объем сведений о культуре и быте осетин. Кроме того, анализ статей и заметок за определенный отрезок времени помогает выделить темы, события, факты, волновавшие общественное мнение в этот период и служившие предметом горячего и заинтересованного обсуждения, ибо корреспонденты газет, как правило, оперативно откликались на злободневные вопросы.

Во втором выпуске хронологический принцип практически не соблюдается, а материал сгруппирован по тематическим главам. На мой взгляд, эти изменения были сделаны напрасно. Многие статьи настолько многосюжетны, что сплошь и рядом выходят за рамки предложенной составителем рубрики. К тому же названия для глав подобраны не совсем удачно. Вряд ли могут служить точным ориентиром такие названия, как «Рецензии. Полемика. Выступления» или «Путевые заметки». Но самое главное, выпуски снабжены предметным, именным, географическим и этнонимическим указателями и при работе с материалами прежде всего обращайтесь именно к ним. Правда, Л. А. Чибиров оговаривает, что предметный указатель не претендует на абсолютную полноту терминологии. Возможно. Но мне кажется, что указатель достаточно подробный и охватывает все основные предметные зоны этнографического исследования.

Материалы, помещенные на страницах сборника, относятся к разным жанрам: путевые заметки, «письма к знакомым», рассказы, научные статьи. Отсюда и разный стиль изложения — от игриво-юмористического и намеренно беллетризованного до строгого и лаконичного. Характерной чертой всех статей является их предельная насыщенность этнографическим материалом. Авторы обычно стремились сообщить читателям все, что они знали об описываемом народе, поэтому затрагивали сразу несколько тем и сюжетов. В то же время в сборнике есть и более целенаправленные публикации, посвященные подробному описанию отдельных сторон осетинского быта. Очень интересна в этом отношении серия очерков Н. Берзнова об осетинских народных праздниках (1)¹. Иногда же авторы повествуют читателям о единичных эпизодах, мелких событиях, порой комических, как, например, случай, описанный А. Россиной в статье «Недоразумение» (1). При всей своей, казалось бы, незначительности такие свидетельства прекрасно характеризуют дореволюционный осетинский быт.

Правда, в некоторых случаях на страницах сборника нашли место материалы, которые, строго говоря, никакой этнографической информации не несут. Ничего нельзя узнать о культуре и быте осетин из статьи Л. Чского «Письма из Владикавказа» (1); статья Е. Маркова «Одежда кавказцев» (1) — мало информативна, к тому же непонятно, о каких конкретно «кавказцах» говорит автор. Статьи Мзурон «В горах Осетии» (1) и «Осетинские песни» (1) — тоже не содержат ничего нового.

¹ Заключенные в скобки цифры (1) и (2) обозначают порядковый номер выпусков.

в (2) и С. Каргинова «Встреча Нового Года у осетин» (2) почти дословно повторяют одна другую. То же самое можно сказать о корреспонденциях двух анонимов с одинаковыми названиями «В горах Осетии. Похищение невесты» (2). Соседство в сборнике подобных статей-близнецов совершенно неоправданно. Недостаточно правильно представляется помещение в сборнике статей авторов — не историков, которые тем не менее пытались трактовать вопросы этногенеза осетинского народа, — Ходиева «О древних названиях кавказских народов. Ясы» (1), ряда статей в главе «Материалы по этногенезу и истории осетин» (2). В большинстве своем указанные статьи беспомощны, фантастичны, не подкреплены серьезной научной аргументацией. И, сам составитель считает, что они «представляют в основном историографический интерес». Действительно, специалиста они заинтересуют лишь в этом узком аспекте, широкого же читателя могут только запутать. Тем не менее они помещены в сборнике, в то время как за его пределами, возможно, остались действительно интересные и ценные материалы.

Следует отметить, что хотя рецензируемое издание посвящено исключительно Осетии и осетинам, в нем содержится немало сведений, которые могут быть полезны исследователям этнографии других народов Кавказа. Таковы, например, ценные данные по религиозным верованиям чеченцев и ингушей — статья А. М. Шегрена «Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях» (1). В сборнике помещены интересное описание грузинского народного праздника кеено — статья Е. А. Вердеревского «О народных праздниках и праздничных обычаях христианского населения за Кавказом и преимущественно в Тифлисе» (1); также, касающиеся быта армян, — статьи Ф. Натиева «Цхинвали» (1), Г. Ф. Чурсина «Очитание деревьев на Кавказе» (1); имеются также сведения по карачаевцам, адыгцам и некоторым другим народам Кавказа.

Обращает на себя внимание, что многие статьи подписаны лишь инициалами, псевдонимами, а то и вовсе не подписаны. Кавказоведам предстоит еще не мало работы выявления лиц, которые внесли свой вклад в этнографическое изучение Кавказа, и многое в этом направлении уже сделано. Поэтому жаль, что в примечаниях не указаны некоторые авторы, анонимность которых уже раскрыта. Так, например, не подписанные «Письма из Осетии» (1) и подписанная Гр. Горд в статье «Поездка из Тифлиса на Кавказ» (1) принадлежат Г. С. Гордееву². Автор анонимной статьи «Из истории об Осетии» («Кавказ», 1850, № 93) (1) — Н. Г. Берзенов³. Корреспондент той же газеты, подписавший свою статью «Характерные обычаи у осетин, кабардинцев и чеченцев» (1) инициалами И. К., не «неизвестный автор», как полагает составитель, а известный осетинский этнограф И. Д. Кануков⁴.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть важность работы, проделанной А. Чибировым. В ней в какой-то мере воплотилась высказанная в свое время О. Косвеню мысль о желательности издания сборника этнографических статей, помещенных в газете «Кавказ» за все время ее издания⁵. Можно надеяться, что А. Чибиров продолжит работу в этом направлении и в ближайшее время выйдут другие выпуски сборника, которые, без сомнения, будут с интересом встречены всеми широкими этнографическими кругами.

² Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. — Кавказский этнографический сборник. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955, 310.

³ Там же, с. 354.

⁴ Там же, II, 1958, с. 259.

⁵ Там же, I, с. 322.

Ю. Д. Анчабадзе

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Nations without a State. Ethnic Minorities in Western Europe/Ed. Foster Ch. R. N. Y., 60, IX+215 p.

Специфическая черта истории Западной Европы состоит в том, что на ее территории в целом сравнительно давно — уже в XIX в. — завершились процессы этнической консолидации и формирования буржуазных наций. Эти процессы были тесно связаны с развитием соответствующих национальных государств, поэтому в настоящее время население большинства западноевропейских стран (за исключением Бельгии, Швейцарии, Испании и Великобритании) сравнительно однородно по национальному составу¹.

Тем не менее почти во всех странах Западной Европы имеются этнические общины, не обладающие собственной государственностью, которые можно назвать этническими (национальными) меньшинствами. К таким меньшинствам относятся и многочисленные этносы, например, каталонцы и галисийцы в Испании или шотландцы в Ве-

¹ Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н. Национальные проблемы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки. — Этнография, 1975, № 5.

ликобритании, и небольшие группы, например, саами (лопари) в Норвегии, Шпицбергене и Финляндии.

В последние десятилетия история западноевропейских этнических меньшинств проходит под знаком двух диалектически взаимодействующих тенденций. С одной стороны, наблюдается их все большая экономическая и культурная интеграция с основными нациями своих стран. В то же время часто в их среде отмечается обострение национального самосознания, которое нередко сопровождается требованиями автономии и даже государственной независимости².

Указанный феномен, накладывающий свой отпечаток на политическую жизнь ряда стран Западной Европы (Испании, Великобритании, Бельгии), привлекает значительное внимание исследователей в нашей стране и за рубежом³. Рецензируемая книга также посвящена проблемам западноевропейских этнических меньшинств. Она представляет собой сборник статей, принадлежащих перу ряда авторов из США, Великобритании, Швейцарии, Бельгии и Италии. Редактор книги и автор введения и заключения — Ч. Р. Фостер, американский специалист по проблемам билингвизма.

Во введении (с. 1—7) отмечается, что движение за права этнических меньшинств в Западной Европе стало в последнее время внушительной политической силой. Интересно, говорит автор, что это движение парадоксальным образом сочетается с тенденцией к политической интеграции западноевропейских стран. Так, в 1975 г. после прямых выборов в Европейский парламент в Брюсселе было создано Бюро непредставленных европейских наций (The Bureau of Unrepresented European Nations), в которое вошли представители национальных политических партий Бретани, Уэльса, Эльзаса и Страны Басков. В Европейский парламент внесено предложение принять Билль о культурных правах, который гарантировал бы сохранение региональных языков и культур (с. 1—2).

Во введении также излагаются некоторые теоретико-методические принципы работы. Ключевое понятие «этническое меньшинство» определяется как группа людей, обладающая общностью происхождения (ancestry), языка и культурных традиций (с. 2). Можно заметить, что это определение больше подходит не к этническому меньшинству, а вообще к этнической общности, что приводит к некоторым недоразумениям. Так, в приложенном к книге списке западноевропейских меньшинств в разделе «Бельгия» (с. 211) фигурируют фламандцы и валлоны, составляющие почти все население страны и никак не являющиеся меньшинствами (minorities) в общепринятом смысле этого слова.

В книге рассматриваются только те западноевропейские этнические меньшинства, которые отвечают определенным критериям, а именно: 1) обладают своим языком, отличным от языка остального населения; 2) насчитывают не менее 100 тыс. человек, осознающих свое общее происхождение и отличающихся чувством культурной и политической солидарности; 3) расселены компактно в определенных районах, т. е. представляют собой потенциально жизнеспособные нации (с. 3).

Выдвижение таких критериев представляется обоснованным, однако нетрудно видеть, что наличие своего языка не является непременным условием даже для крупной и жизнеспособной национальной группы. Пример этому — англоязычные шотландцы, которым, кстати, в рецензируемой книге посвящена целая статья.

Во введении также высказывается ряд гипотез относительно причин возрождения самосознания среди этнических меньшинств Западной Европы. Этот раздел представляется недостаточно убедительным. Неверно положение о том, что с течением времени связь между этническими и классовыми проблемами ослабевает (с. 3). Трудно согласиться и с тем, что первой причиной роста «этнического активизма» автор называет «возникновение нового типа университетского выпускника, для которого характерна политическая проникательность».

Наряду с введением методологический характер носит статья «Национальные региональные движения в Западной Европе», написанная Р. Петрелла (с. 8—28). Автор считает весьма характерными для современного западного общества разнообразные территориальные конфликты (territorial tensions), которые часто связаны с желанием индивидумов и групп сохранить свою независимость и самобытность под давлением со стороны доминирующих внешних сил. К таким конфликтам, по мнению автора, можно отнести и протесты жителей французского села против сооружения в их районе атомной электростанции, и стремление к ослаблению финансовой зависимости местных органов власти от центра, и борьбу басков за политическую независимость (с. 9). Среди территориальных конфликтов можно выделить национальные, связанные с требованием автономии или даже независимости для своей группы (народа), и региональные, при которых требуются политические, экономические и культурные изменения в существующих государственных рамках. Национальные требования, по мнению Р. Петрелла, наиболее активно выдвигаются в Стране Басков, на Канарских островах, в Каталонии, на Корсике, в Шотландии, Северной Ирландии, Валлонии и Гренландии. Менее заметны они в Бретани, Окситании (Южной Франции), Сардинии, Галисии

² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 334.

³ См.: Этнические процессы в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1970; А. Гина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н. Указ. раб.; Государственная политика и обострение национальных противоречий в странах капитала. Киев: Наукова думка, 1979; Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М.: Наука, 1981; Handbuch der Europäischen Volksgruppen. Wien — Stuttgart, 1979; Allardt E. Implications of Ethnic Revival in a Modern Industrialized Society. Helsinki 1979; The New Nationalism. N. Y., 1979, etc.

Андалусии и Уэльсе (с. 9—10). Автор рассматривает совокупность факторов, определяющих характер и формы национальных и региональных конфликтов. К этим факторам относятся наличие либо отсутствие осознанной культурной общности, языковая ситуация, уровень и характер экономического развития, политические институты и особенности политической истории и т. д. В соответствии с особенностями политической истории автор выделяет три группы территорий: 1) обладавшие в прошлом политической независимостью — Шотландия, Уэльс, Каталония, Бретань; 2) лишь отдельные части которых имели в прошлом независимость или автономию — Страна Басков, Фландрия, Валлония, Фриули, Фрисландия, Окситания, Юра, Эльзас; 3) никогда не имевшие независимости — Канарские острова, Корсика, Галисия, Сардиния (с. 11—26).

В целом, на наш взгляд, статья Р. Петрелла методологически интересна и содержательна.

В рецензируемой книге помещен ряд статей, посвященных этнической ситуации в некоторых районах Западной Европы: Шотландии, Уэльсе, Стране Басков, Каталонии, на Корсике, в Бретани, Южном Тироле и Юре. В рамках небольшой рецензии невозможно уделить им всем соответствующее внимание. Отметим, что все эти работы богаты интересными данными и выполнены на высоком научном уровне. При всем различии их сюжетов можно проследить некоторые общие мотивы. Так, в большинстве статей обострение национальных противоречий на периферии западноевропейских государств трактуется с точки зрения теории «внутреннего колониализма»⁴, по которой капиталистическое развитие идет за счет эксплуатации слабо развитых периферийных районов, и протест трудящихся масс в этих районах зачастую приобретает национальную окраску. Однако если теория «внутреннего колониализма» применима при рассмотрении национальных конфликтов в Шотландии, Уэльсе, Бретани, то при анализе ситуации в таких индустриально развитых областях, как Каталония и Страна Басков, ее, видимо, следует использовать с осторожностью и во всяком случае существенно модифицировать.

При всей бесспорной ценности приложенного к книге списка западноевропейских меньшинств, в котором насчитывается 51 название (с. 211—213), нельзя не заметить в нем некоторых погрешностей, причиной которых является, как правило, смешение этнических меньшинств с языковыми. Так, в Ирландии к меньшинствам причислены валы, т. е. ирландцы, говорящие на гэльском языке; в Люксембурге меньшинством названы «летцебургеры», т. е. говорящие на люксембургском языке (они, кстати, составляют большинство населения страны); в Норвегии в качестве меньшинства фигурируют норвежцы, говорящие на языке «нюноршк». В то же время в список не включены некоторые довольно многочисленные этнические группы — фламандцы в Нидерландах, шведы в Финляндии, итальянцы во Франции (в районе Ниццы).

В заключение можно сказать, что рецензируемая книга посвящена весьма актуальной теме и, несмотря на ряд недостатков, представляет определенный интерес с информационной и методологической точек зрения.

Н. Е. Руденский

⁴ Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British National Development 136—1966. L., 1975.

On the Principles Underlying Typological Research into Cultural Phenomena

Any typology is an abstraction, an ideal model that reflects certain essential features of a particular set of phenomena but deliberately ignores its other features regarding them, in the particular case, as non-essential. Hence, several basically different typologies may be constructed for one and the same set depending on the purpose of the study. This stands in contradiction to the circumstance that a typology should, in the final analysis, represent the combination of features preferred by the creators of the cultural phenomena themselves, i. e. it should have an actual ethnic basis. Since, however, any typology can only be based upon formal morphological criteria, its value lies in the fact that the abstract typological models constructed by the researcher may serve to set before him cognitive problems that cannot be formulated at the empirical level.

M. V. Kriukov

Population Censuses in the USSR as a Source for Analyzing Ethnocultural Processes

The development of population censuses in the USSR is examined in historical perspective together with their role as a source of contemporary ethnosociological studies. Particular consideration is given to the ways in which census material on ethnic nationality and language was processed by statistical organizations; how it was combined with social and demographic data.

The authors stress the importance of census materials for ethnosociological research and show how calculations based upon such materials have aided them in reaching a number of important results as to the interaction between ethnosocial and ethnocultural processes; these are adduced in the paper.

Yu. V. Arutiunian, A. A. Susokolov

Russian Folk Art in the Mezen' River Area [in Its Relation to the Region's Ethnic History]

New materials are cited on the folk art of a typical region of the Russian North—the Mezen' River area. The peculiar features of traditional art in the area elicited by means of analysis of the factual material are examined in a comparative-historical aspect and in its relation to the history of the region's settlement by various Russian population groups. A significant role in the emergence of these peculiarities has been played by contacts between the Russians and the neighbouring Fenno-Ugric peoples. At the same time, certain of the author's conclusions may help to establish more definitely the historical pattern of the region's settlement.

S. I. Dmitriev

Traditional Animal Husbandry in East Africa

Eastern Africa is inhabited by a large number of peoples who, while differing in the forms of their economy and, correspondingly, varying in their social institutions, resemble one another in one universal characteristic: the presence of cattle that, to a greater or lesser degree, serves as an important economic and social factor.

The typology of animal husbandry in western literature on East Africa boils down in the main to two categories: pastoralism and nomadism, the main criterion being the degree of mobility in the way of life. Such a typology is insufficient for eliciting the full variety in the classes of animal husbandry present in the area.

The diversity of natural conditions and the historical background of the peoples have led to the rise of very different types of economy. One of them is the class

pure» nomadic cattle breeders now no longer extant (the Galla of the 16th and 17th centuries, the pre-colonial Maasai, to a certain extent the Somalis). Among the peoples practising a mixed economy may be distinguished sedentary (Turu, Nyakyusa), semi-sedentary (Turkana, pre-colonial Jie) and semi-nomadic (Galla, Boran, Maasai) cattle breeders. According to the type of cattle maintenance, the economy of the different peoples is distinguished as pastoral (the Somali), semi-nomadic (the Turkana) and transhumance (the Jie).

The abundant ethnographical material on East Africa reveals a considerable variety of cattle breeding, if it is viewed not from the approach of a narrow technological aspect or the degree of sedentariness, but if account is taken of the role of the cattle breeding type in the whole economic system and the corresponding socio-economic relations.

C. P. Kalinovskaya

Methodological Problems in the Historical Study of Folklore

The thesis is propounded that German folklore study was, from its beginnings in the 15th—16th centuries, a historical discipline. The author assesses the sources used for the historical study of folklore from the viewpoint of their completeness and authenticity. He dwells, in particular, upon quantitative methods stressing their subsidiary character.

Three important methodological problems arise in relation to the historical study of folklore.

The first consists in distinguishing the kinds of folklore that are diffused universally and those current in particular strata of the population or in particular regions as well as in establishing the forms in which folklore is transmitted.

The second problem is to define the place occupied by democratic and revolutionary folklore within the popular tradition as a whole. Social criticism and social protest in folklore are regarded in the paper as problems of its social function.

And, finally, the third methodological problem is the interpretation of folklore as a multiform and contradictory sphere of socio-cultural life. In this connection, the question is posed as to the interrelation of the structure and the process (synchrony and diachrony). The author stresses that the social function of folklore, the regularities of its evolution, the conditions and causes of its existence may only be understood in their relation to the concrete historically evolved structure of each society.

G. Strobach

Socio-Economic Terminology in the Conceptual Pattern of Ethnology

In the course of preparatory work for compiling the encyclopaedic dictionary «Ethnography: Main Concepts and Terms» (USSR, GDR) a series of preliminary publications of material is being planned. The first of these is to be a collection devoted to socio-economic terminology; its contents are presented for discussion in the present paper.

Six broad questions are posed. 1) The principle of selecting terms for inclusion in the Dictionary from the aspect of their specialized (properly ethnographic) or broad (sociological) attribution; the author here upholds the second approach, which permits the refraction through the prism of ethnology not only of narrowly ethnological terms but also of the basic concepts of contiguous sciences. 2) The principle of selecting preferably narrower or conversely, more generalized terms; in this case the author favours the second approach, which enables us to give a fuller explication of the concept in its historical evolution and its concrete manifestations. 3) The correlation of concepts and terms: in the author's opinion we should strive to realize the principle «one concept—one term». 4) The ideological aspect of terminology: examples are adduced of several concepts-terms (*socio-economic formation, early class society, war*, etc.) where the difference between Marxist and non-Marxist conceptions may be seen. 5) The renewal of concepts and terms: the author considers that certain traditional concepts-terms (e. g. *military democracy, matriarchate*) should be revised, and certain new concepts-terms that have been elaborated in the USSR and elsewhere (e. g. *social organism, archaic periphery, prestige economy, chiefdom*, etc.) should be included. 6) How far can termi-

nology be unified? Here the author displays cautious optimism, particularly as to intra-national terminology.

A. I. Pershits

An Important Problem in Present-Day Ethnology

The author, while supporting the main theses of A. I. Pershits, introduces certain more precise definitions of some important concepts mentioned in the paper. It is proposed to distinguish the broad and the narrow senses of the term *social*: in the broad sense it is preferable in Russian to use the expression *obshchestvennyi* (societal) retaining the term *sotsial'nyi* (social) chiefly for designating the relations between the principal component parts of the social structure.

Besides this, the question is raised as to whether the term «socio-normative culture» may be correctly used: considering that the social organism must be studied both in its purely social and in the general cultural plane it would be more exact in the second case to speak of the *socio-normative sphere of culture*.

Yu. V. Bromil

To Make Term Coinage Faultless

It is not always possible to achieve a perfectly logical selection of terms for inclusion in a dictionary. In every dictionary the subjective intuition of the compiler is displayed, and this is quite as it should be.

More attention ought to be paid to transcription, spelling and semantics. Owing to the uncontrolled creation of new terms in recent years the Russian language of science has become heavily cluttered with various terminological monstrosities and illiterate word combinations. The Dictionary, which may eventually become standard for the spelling of ethnographic terms, may serve a useful purpose in this direction.

S. A. Arutiunov

On Terms and Concepts in Ethnology

In the paper by A. I. Pershits which opens this discussion, it is justly noted that concepts and their corresponding terms should be unified on the principle «one concept — one term».

Certain concepts and terms formerly current in ethnological literature (*patronymy, matriarchate*, etc.) are now outdated, they do not correspond to modern scientific ideas: this should be taken note of in the encyclopaedic dictionary «Ethnology: Main Concepts and Terms» now under preparation.

As for the criticisms directed by A. I. Pershits against the concept of «military democracy» they cannot be completely accepted: this concept is important in defining the social structure of nomadic peoples.

It is an urgent task to unify the concepts and terms relating to economic activity (its types and subtypes) and to animal husbandry (its classes, ways of maintaining cattle and modes of pasturing). The higher levels of classification (type, subtype, class) are here based upon the totality of economic and socio-economic criteria, and the lower levels — upon the technological methods of economic activity.

G. Ye. Markov

A Terminological Dictionary: Principles of Approach

The author concentrates upon three problems out of those presented in A. I. Pershits's paper: the relation between concept and term; the vocabulary of the dictionary, its renewal and augmentation; the adequate transmission of concepts and terminology in the course of international scientific contacts.

He agrees with the basic ideas put forward in the paper by A. I. Pershits but proposes a number of amplifications concerning, in particular, the forms of transition from pre-class to class society.

He also calls for closer attention to the traditions of national scientific schools translating conceptual terms from Russian into foreign languages.

L. Ye. Kubbel

Terminology and Theory

The author is in agreement with most of the general principles put forward in the paper by A. I. Pershits. He merely thinks it important to draw attention to the close relationship that exists between the level at which a problem has been theoretically elaborated and the degree of precision attained by the terminology in use. He demonstrates this by the example of the term «early class society». Different students (and sometimes even the same ones) attach several different meanings to this term mainly owing to the fact that the problem itself is not sufficiently well elaborated in its theoretical aspect.

The fact that pre-class society, i. e. that bearing a transitional character from the pre-neolithic to the class level of development, has become transformed to a true class society is evidenced by such phenomena (usually regarded by archaeologists as indicating the emergence of civilization) as writing and the systematic construction of monumental stone or brick buildings.

Under early class society we understand a class society (no longer a pre-class society) characterized by the absence of a dominant formational structure. As examples are cited: Archaic Greece—already a class society but not yet a slave-holding one, and the «barbarian» kingdoms formed after the fall of the Western Roman Empire: these were class societies but not as yet feudal ones.

Yu. I. Semionov

Reply to Opponents

The discussion has helped the author to maintain the views he had put forward in his paper, since most participants in the discussion support nearly all his ideas. At the same time, the discussion has helped to clarify several concepts-terms («socio-normative culture», «early class society», etc.), to supplement them by additional ones («military hierarchy») etc. However, the author is unable to accept certain recommendations, such as to exchange anglicized terms for gallicized ones, or to calk into Russian such internationally current terms as «reciprocation» or «redistribution».

A. I. Pershits

M. V. Kriukov (Moscow). On the Principles Underlying Typological Research in Cultural Phenomena. *Yu. V. Arutiunian, A. A. Susokolov* (Moscow). Population Census in the USSR as a Source for Analyzing Ethnocultural Processes. *S. I. Dmitriyev* (Moscow). Russian Folk Art in the Mezen' River Area (in Its Relation to the Region's Ethnic History). *C. P. Kalinovskaya* (Moscow). Traditional Animal Husbandry in E. Africa. *G. Strobach* (Berlin, GDR). Methodological Problems in the Historical Study of Folklore.

Discussions

A. I. Pershits (Moscow). Socio-Economic Terminology in the Conceptual Pattern of Ethnology. *Yu. V. Bromley* (Moscow). An Important Problem in Present-Day Ethnology. *S. A. Arutiunov* (Moscow). To Make Term Coinage Faultless. *G. Ye. Markov* (Moscow). On Terms and Concepts in Ethnology. *L. Ye. Kubbel* (Moscow). A Terminological Dictionary: Principles of Approach. *Yu. I. Semionov* (Moscow). Terminology in Theory. *A. I. Pershits* (Moscow). Reply to opponents.

Communications

R. N. Musina (Kazan'). The Socio-Ethnic Aspects of Present-Day Spiritual Culture among Rural Tatars (on the Materials of an Ethnosociological Study in the Tatar Autonomous Republic). *I. T. Fiodorov* (Leningrad). The Geographical Distribution of the Izhora in the 19th and 20th Centuries. *D. S. Dugarov* (Ulan-Ude). The Swan in Female Dress Ornaments among the Turkic-Mongolic Peoples. *M. A. Lobanov* (Leningrad). Vocal Melody Signals in Peasant Everyday Life (Materials from the North-West of the Russian Federal Republic).

Ethnography in Museums

F. G. Safronov (Yakutsk). The Open-Air Museum in Cherkekh Village (Yakut Autonomous Republic). *V. A. Tishkov* (Moscow). Norwegian Dwellings in the Open-Air Museum in Trondheim.

Our Anniversaries

A List of the Main Publications by *M. N. Shmeliova*, Candidate of Historical Sciences (to the 35th Anniversary of Her Scholarly Activity).

Chronicle

A. Ye. Ter-Sarkisyan (Moscow), *T. B. Putilova* (Leningrad). Meetings in Moscow and Leningrad Devoted to the Presentation of the Order of Peoples' Friendship to the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences.

Academic Life

G. G. Shapovalova (Leningrad). Sessions of the Leningrad Division of the Scientific Council for Integral Problems of Slav and Balkan Studies. USSR Academy of Sciences. *A. B. Kunanbayeva* (Leningrad). The First All-Union Conference of Musicologists — Folklore Students.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *M. V. Kriukov* (Moscow). Chinese Scholars on the Subject of Ethnology. General Ethnography. *V. P. Alexeyev* (Moscow). Ya. Ya. Roginsky. On the Sources of Art. Peoples of the USSR. *L. V. Osipenko* (Moscow). Social Mobility to Higher Education. *V. I. Vasilyev* (Moscow). *I. V. Zakharova* (Tomsk). N. A. Tomilov. The Ethnography of the Turkic-Speaking Population of the Tomsk Region of the Ob' River Area (Economy and Material Culture). *G. V. Tsulaya* (Moscow). V. Ye. Kvarchia. Animal Husbandry (Pastoral) Vocabulary of the Abkhaz Language. *Yu. D. Anchabadze* (Sukhumi). The Periodical Press in the Caucasus on Ossetia and the Ossetian Peoples of Europe outside the USSR. *N. Ye. Rudensky* (Moscow). Nations without a State. Ethnic Minorities in Western Europe.

Технический редактор *Н. Н. Беляева*

Сдано в набор 11.07.83	Подписано к печати 27.09.83	T-15873	Формат бумаги 70x90
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-отт. 44,0 тыс.	Уч.-изд. л. 18,3
	Тираж 2807 экз.	Зак. 4634	Бум. №